

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАН

**ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова РАН**

**Грамматические процессы и системы
в синхронии и диахронии**

**Тезисы докладов
международной научной конференции**

4 июня — 6 июня 2024 г.

**Москва
2024**

Редакторы:

Г. И. Кустова, доктор филол. наук (Москва, Россия)

А. А. Пичхадзе, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Тезисы докладов международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (4 — 6 июня 2024 г.). — Институт русского языка им. В. В. Виноградова, М., 2024. 84 с.

СОДЕРЖАНИЕ

I. «Грамматические процессы и системы в синхронии»

Байков Ф.В. Группы прилагательного с отрицательными и неопределенными местоимениями в современном русском языке: экспериментальное исследование.....	5
Белова Д.Д. Экспериментальное исследование предикативного согласования с подлежащими различного коммуникативного статуса.....	8
Вардиц В. <i>Кого?</i> Неканонические вопросительные формы в разговорной речи..	10
Герасимова А.А. Синтаксическая и коммуникативная структура русских биноминативных предложений: анализ грамматических профилей.....	11
Глазунова О.И. О наречиях со значением низкой и крайне низкой степени интенсификации признака.....	14
Голубева В.К. О возможностях сентенциального употребления наречий образа действия.....	15
Давидюк Т.И. Лично-числовое согласование с дизъюнктивно сочиненными подлежащими и фактор порядка слов.....	19
Зубова Л.В. Активизация грамматических реликтов в современной поэзии.....	22
Казаковская В.В. Есть ли продроп в русской детской речи?.....	22
Казаковская В. В., Краснощекова С. В. Пропуск личных местоимений в речи, обращенной к ребенку (анализ случая).....	25
Киреев Н.И., Плунгян В.А. Еще раз о русском <i>всё равно</i> : парадоксы диахронической морфологии.....	27
Князев М.Ю. Неоднозначность при глаголах типа <i>объяснять</i> и островные свойства придаточного: экспериментальное исследование.....	28
Крайнова А.В. Анафора в русских событийных и предметных именных группах...	29
Крылов С.А. Ближний и дальний информационный потенциал академических грамматик русского языка 1952-1990 гг.....	31
Крысин Л. П. Типы грамматической информации о слове в «Толковом словаре русской разговорной речи».....	35
Кувшинская Ю.М. Плеонастическое употребление полных причастий в современной русской речи: аспекты определенности.....	41
Лазуткина Е. М. О синтаксической сочетаемости некоторых отвлеченных существительных ментальной сферы.....	43
Летучий А.Б. Прозрачность клауз и сфера действия отрицания и модальных операторов (случаи типа «Он не опустится до того, что так подведёт своего друга»).....	44
Лютикова Е.А. Адъективные сказуемые в финитных и нефинитных клаузах.....	46
Панова Г.И. О статусе морфологической формы и словоформы в русском языке....	50
Пекелис О.Е. Местоимение <i>некоторый</i> : семантика и дистрибуция через призму типологии.....	52
Рыжаченков И.И. <i>Толк</i> и <i>толки</i> : диахронический портрет имени с семантикой ментальной сферы.....	54
Сатюкова Д.Н. <i>С мое, с твое</i> : об одной конструкции с притяжательным местоимением в современном русском языке.....	55
Сердобольская Н.В., Кобозева И. М. Рамочные коннекторы русского языка: между гипотаксисом и паратаксисом.....	57

Студеникина К.А., Врубель Д.Д., Паско Л.И. «Сильные» и «слабые» факторы при частичном предикативном согласовании: метаисследование.....	59
Циммерлинг А.В. «Общие факты». Несовершенный вид и верификация.....	61
Шапошников В.Н. Границы части речи и лексико-грамматические процессы в классах предлогов.....	64
Шмелев А.Д. Русское отглагольное словообразование: материалы к словарю.....	65
Янко Т.Е. Переспрос как элемент русской грамматики.....	66

II. «Грамматические процессы и системы в диахронии»

Буденная Евгения Владимировна, Литвинцева Кристина Викторовна, Яковлева Анастасия Владимировна. Русские конструкции со значением неопределенности в диахронической перспективе: о чём знают Бог, чёрт и другие?.....	67
Вернер Инна Вениаминовна. «Креативная» грамматика в переводах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского.....	69
Галинская Елена Аркадьевна. Позиция несогласованного определения в памятниках смоленской деловой письменности XVII века.....	70
Жолобов Олег Феофанович. Квантификация наречных моделей типа <i>дъвакратно</i> , <i>дъвоицею</i> vs. <i>дъвашьды</i> в древнерусской письменности (на материале исторического корпуса «Манускрипт»).....	71
Иорданиди Софья Ивановна. Механизмы преобразования субстантивных парадигм в истории русского языка.....	72
Майоров Александр Петрович. Старорусские формы Тв. мн. в зеркале грамматики конструкций.....	73
Мишина Екатерина Андреевна. Развитие аспектуальной семантики у простых бесприставочных глаголов в диахронической перспективе.....	75
Новак Мария Олеговна. Иноязычные вкрапления в польском переводе «Церковных анналов» Барония и их передача в церковнославянских версиях XVII в.: грамматический аспект.....	78
Птенцова Анна Владимировна. Из истории служебного слова <i>ань</i>	78
Томеллери Витторио. Молитва Захарии в двух новгородских переводах конца XV–первой половины XVI века. Некоторые размышления о многократных и повторных переводах.....	80
Шведов Дмитрий Антонович. К вопросу о формировании современной системы употребления вокализованных вариантов предлогов <i>со</i> и <i>во</i>	81
Шевелёва Мария Наумовна. К проблеме диалектных различий в сфере выражения посессивности и дательном принадлежности в истории русского языка.....	83

I. «Грамматические процессы и системы в синхронии»

Байков Федор Владимирович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
baykov3105@mail.ru

Группы прилагательного с отрицательными и неопределенными местоимениями в современном русском языке: экспериментальное исследование

Как известно, русский язык относится к языкам с отрицательным согласованием: в предложениях, содержащих отрицательные местоимения и/или наречия на *ни-* (далее единицы отрицательного согласования или NCI, *англ.* negative concord items), обязательно должно быть sentенциальное отрицание *не* [Падучева 2017]. Кроме единиц отрицательного согласования, в русском языке есть и отрицательно поляризованные единицы (NPI, *англ.* negative polarity items) – слова и выражения, способные употребляться только в неверидикативных контекстах (контекстах снятой утвердительности) [Падучева 2015]; к числу таких контекстов принадлежит и sentенциальное отрицание.

Проблема. Хотя различным аспектам отрицательного согласования в русском языке посвящено значительное число работ [Brown 1999; Abels 2005; Garzonio 2019; Gerasimova, Lyutikova 2021; Россыйкин 2021], условиям локальности при внутриклаузальном лицензировании NCI уделялось относительно мало внимания. Одним из немногочисленных исключений является дипломная работа [Рожнова 2009], в которой исследуются ограничения на лицензирование NCI через границы различных типов составляющих (именные группы, группы прилагательного и т.д.), структурно расположенных между показателем sentенциального отрицания *не* и NCI. Данные, использованные в упомянутой работе, были взяты в основном из примеров, найденных в корпусе НКРЯ.

В докладе будут представлены результаты экспериментального синтаксического исследования, направленного на проверку и расширение одного из обобщений, сформулированных в работе [Рожнова 2009]: лицензирование NCI sentенциальным отрицанием через границу атрибутивной группы прилагательного (AdjP) невозможно, поскольку границы атрибутивной AdjP совершенно непроницаемы для любого дистантного синтаксического взаимодействия (такого как передвижение [Haegeman 1995],

согласование [Zeijlstra 2004] или связывание [Laka 1990]), которое лежит в основе лицензирования NCI.

Чтобы подтвердить, что проблема со структурами такого типа действительно является синтаксической, а не просто проявлением влияния экстраграмматических факторов вроде трудности когнитивной обработки (парсинга), мы сравниваем NCI (отрицательные *ни*-местоимения) с NPI (неопределенные местоимения на *–либо*) в одной и той же структурной позиции – в позиции дополнения при атрибутивно употребленном прилагательном в полной форме.

Экспериментальные данные. 95 носителей русского языка приняли участие в эксперименте по оценке приемлемости с восемью экспериментальными условиями (1-8). Мы исследовали возможность лицензирования NCI и NPI сентенциальным отрицанием в AdjP, служащих модификаторами именных групп (ИГ) с четырьмя различными синтаксическими ролями: инструментальные неглагольные предикаты (1-2); генитивные подлежащие неаккузативных глаголов в родительном отрицания (3-4); аккузативные (5-6) и генитивные (7-8) прямые дополнения в отрицательных предложениях. Для каждой из конфигураций была протестирована возможность появления в них NCI и NPI. Рассматриваемые NPI представляли собой неопределенные местоимения на *–либо*, которые требуют лицензирования неверидикативным оператором (в их число входит и сентенциальное отрицание). Участники оценивали каждое из 100 предложений (32 целевых, 64 филлерных, 4 подготовительных) по 7-балльной шкале Ликерта.

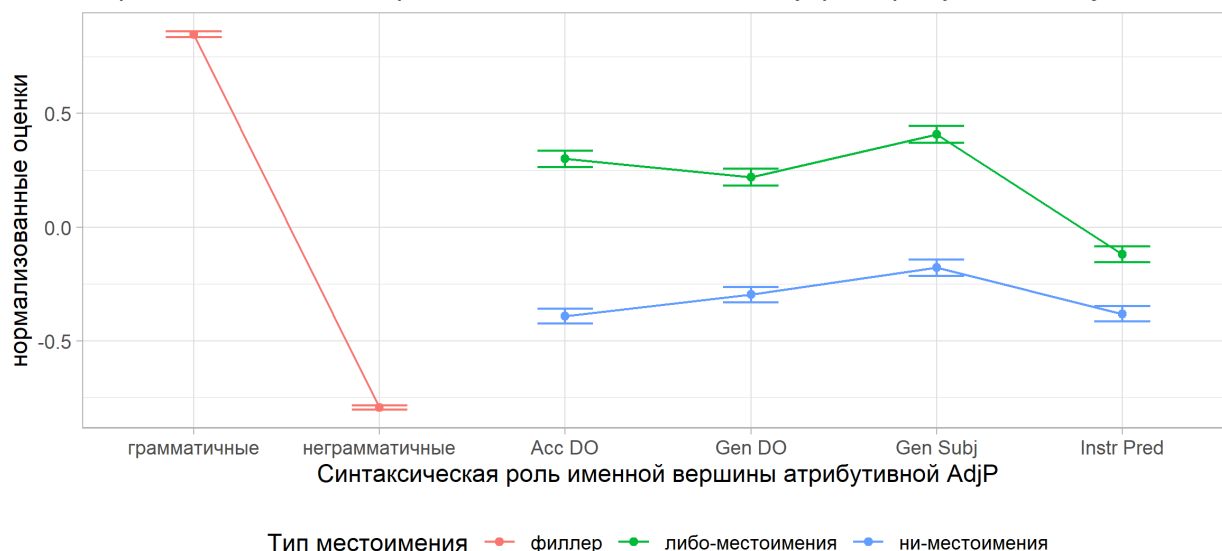
1. *Такие штрихи не были присущими каким-либо художникам особенностями.*
2. *Такие штрихи не были присущими никаким художникам особенностями.*
3. *На старинном пейзаже не было присущих каким-либо художникам особенностей.*
4. *На старинном пейзаже не было присущих никаким художникам особенностей.*
5. *Опытный искусствовед не обнаружил присущие каким-либо художникам особенности.*
6. *Опытный искусствовед не обнаружил присущие никаким художникам особенности.*
7. *Опытный искусствовед не обнаружил присущих каким-либо художникам особенностей.*
8. *Опытный искусствовед не обнаружил присущих никаким художникам особенностей.*

Филлеры включали равное количество приемлемых и неприемлемых предложений, причем приемлемые содержали как отрицательное местоимение в качестве аргумента глагола, так и сентенциальное отрицание (9), тогда как в неприемлемых имелось отрицательное местоимение, а приглагольное отрицание отсутствовало (10), что и было причиной неграмматичности филлера.

9. *Заоблачно высокая прибыль не привлекла никого из инвесторов.*
10. **Откровенно издевательский комментарий возмущил никого из подписчиков.*

Результаты эксперимента подтверждают обобщение, сделанное М. А. Рожновой (2009). Парные сравнения Тьюки показывают, что предложения с *либо*-NPI внутри атрибутивных AdjP стабильно получают высокие оценки, а предложения с *ни*-NCI в той же позиции были оценены значительно хуже. График взаимодействия представлен ниже.

Отрицательные и неопределенные местоимения внутри атрибутивной AdjP

Таким образом, границы атрибутивных AdjP оказались проницаемыми для одного дистантного взаимодействия (лицензирование неопределенных местоимений на *-либо*), но непроницаемыми для другого (лицензирование отрицательных *ни*-местоимений), что можно объяснить только действием синтаксического запрета на употребление отрицательных местоимений в роли дополнения при атрибутивных прилагательных и нельзя свести исключительно к действию экстраграмматических (прагматических, информационно-структурных, связанных с процессингом и т.д.) факторов.

Выводы и перспективы. Хотя ни границы AdjP, ни границы ИГ не создают сами по себе непрозрачной области для лицензирования отрицательных *ни*-местоимений сентенциальным отрицанием [Рожнова 2009], комбинация границ ИГ и AdjP, наблюдаемая в примерах с атрибутивными (=вложенными в именную группу) группами прилагательного, порождает таковую. Лицензирование же неопределенных местоимений на *-либо* полностью нечувствительно к границам ИГ, AdjP или любой их комбинации. Это различие может свидетельствовать о том, что лицензирование *ни*-NCI, будучи синтаксическим процессом, не может пересекать границу адьюнкта (вроде атрибутивной AdjP), в то время как для семантического процесса лицензирования *либо*-NPI [Россяйкин 2021] оказывается неважным аргументно-адьюнктивный статус границ составляющих, которые он пересекает, соотнося *либо*-NPI с неверидикативным оператором.

Литература

- Падучева 2015 — Е. В. Падучева. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39, №2. P. 129–162.
- Падучева 2017 — Е. В. Падучева. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.
- Рожнова 2009 — М. А. Рожнова. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ, 2009.
- Россяйкин 2021 — Россяйкин П.О. Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием // *Рема. Rhema*. 2021. № 4. С. 69–118.
- Abels 2005 — Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory // *Journal of Slavic Linguistics* 13(1), 2005. P. 5–74.
- Brown 1999 — Brown S. *The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach*. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999.
- Garzonio 2019 — Garzonio J. Negative Concord in Russian: An Overview // *Studi di linguistica slava*. P. 175–190.

- Gerasimova, Lyutikova 2021 — Gerasimova A. A., Lyutikova E. A. Лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивных клаузах: экспериментальное исследование // Vladislava Warditz (ed.). *Russian Grammar: System — Language Usage — Language Variation*. Peter Lang: Frankfurt am Main, 2021. P. 177–190.
- Haegeman 1995 — Haegeman L. *The Syntax of Negation*. Cambridge: CUP, 1995.
- Laka 1990 — Laka I. *Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections*. Doctoral dissertation. MIT, Cambridge, Mass, 1990.
- Zeijlstra 2004 — Zeijlstra H. *Sentential Negation and Negative Concord*. PhD dissertation. Amsterdam: University of Amsterdam, 2004.

Белова Дарья Дмитриевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ИЯз РАН
(Москва, Россия)
dd.belova@yandex.ru

Экспериментальное исследование предикативного согласования с подлежащими различного коммуникативного статуса¹

Многочисленные исследования вариативности предикативного согласования в русском языке показывают, что заглагольное положение подлежащего повышает частотность и оценки приемлемости «нетипичных» стратегий согласования, менее приемлемых в предглагольном положении. Для квантифицированных подлежащих, известных тем, что они широко допускают вариативность (1), этот эффект проявляется в соотношении согласования по единственному и множественному числу: при порядке VS вероятность единственного числа значительно возрастает. Данный эффект был отмечен исследователями как на корпусном материале [Corbett 1983; Aksenova 2021], так и с использованием неформальных опросов носителей [Nichols et al. 1980].

(1) На вечеринку **придут** / **придет** пять человек.

Однако заглагольная позиция нетипична для подлежащего не только по структурному и линейному положению, но и по коммуникативному статусу — в нем подлежащее оказывается в реме. Влияние коммуникативного статуса подлежащего на стратегии предикативного согласования исследовано значительно меньше, чем линейного взаиморасположения. Корпусные исследования [Кувшинская 2015] согласования с квантифицированными подлежащими с кванторными словами *несколько*, *много*, *немало* показывают, что форма предиката единственного числа чаще «выбирается» в тематических предложениях (то есть если подлежащее находится в реме бытийного предложения) и при подлежащем в контрастной теме. Форма множественного числа скорее соответствует таким конфигурациям, в которых «ИГ конкретизируется или тематизируется, т.е. в дальнейшем контексте ее референт обретает конкретность». Таким образом, фактор коммуникативного статуса действительно может быть значимым. Экспериментальное исследование позволит отделить друг от друга факторы линейного положения и коммуникативной структуры, сравнить тенденции в выборе формы предиката при каждом условии, а также получить надежные данные о нечастотном сочетании факторов.

Мы провели синтаксический эксперимент с оценкой приемлемости стимулов по шкале Ликерта от 1 («очень плохое предложение») до 7 («очень хорошее предложение»). Факторный дизайн эксперимента содержал три независимых переменных: порядок слов (SV / VS), коммуникативный статус (тема / рема) и форма предиката (3sg / 3pl). Также мы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

сбалансировали стимулы по двум контролируемым переменным: типу числительного в вершине квантифицированной группы (собирательное / количественное) и тип предиката (переходный / непереходный). Для того, что задать в стимулах однозначную коммуникативную структуру, мы решили предъявлять тестовые предложения в контексте с предваряющим вопросом. Пример экспериментального блока представлен в таблице:

Ком. статус	Контекст	SV	VS
Тема	В этом поезде осталось мало мест. В какие вагоны удалось купить билеты?	Четверо мальчиков поедут/поедет в шестом вагоне, а остальные — в седьмом	В шестом вагоне поедут/поедет четверо мальчиков, а остальные — в седьмом
Рема	В этом поезде осталось мало мест. Кто поедет в шестом вагоне?	Четверо мальчиков поедут/поедет в шестом вагоне, а остальные — в седьмом.	В шестом вагоне поедут/поедет четверо мальчиков, а остальные — в седьмом

Всего было создано 32 экспериментальных блока. Стимулы были распределены на 8 листов. Каждый экспериментальный лист содержал также 16 грамматичных и 16 неграмматичных филлеров — предложений, содержащих кванторные группы с соположением в позиции субъекта при порядке SV или генитивные кванторные группы в позиции объекта. Неграмматичные филлеры содержали очевидные ошибки в предикативном согласовании и падежном управлении. Филлеры также предъявлялись с правым контекстом, фокус в них всегда был задан на постглагольный элемент.

- (2) а. Павел Петрович просит заменить его на уроках. Кто сможет взять его классы? Восьмиклассников займет Ирина Сергеевна, а остальных — Лидия Владимировна.
 б. Над этой игрой работает большая команда. Кто занимается дизайном?
 *Персонажей разработаю шесть дизайнера, а локации — все оставшиеся.

В эксперименте приняли участие 118 человек, носителей русского языка. В статистическую обработку результатов входила нормализация оценок по шкале Ликерта для того, чтобы минимизировать индивидуальные особенности ее использования. Далее статистическая значимость параметров проверялась с помощью линейных смешанных моделей. В качестве фиксированных эффектов были добавлены порядок слов, коммуникативный статус подлежащего и форма глагола, а в качестве случайных — индивидуальный номер респондента, порядковый номер стимула и тип количественной конструкции. Финальная формула модели приведена в (3).

- (3) нормализованные оценки ~ форма глагола * порядок слов + (1 | номер предложения) + (1 | тип конструкции) + (1 + форма глагола + порядок слов | идентификатор респондента)

Модель показывает, что параметр информационного статуса оказался статистически незначимым. Оставшиеся параметры и их взаимодействие при этом является значимым: во всех условиях согласование по множественному числу оценивается выше, чем по единственному. При этом оценки формы единственного числа в VS действительно значимо выше, чем в SV, что в очередной раз подтверждает результаты предыдущих исследований.

Важным результатом эксперимента является стабильный общий уровень оценок: все тестовые условия оцениваются значимо выше неграмматичных филлеров, и даже «наихудшая» точка находится выше отметки -0.5. Это значит, что дизайн оказался удачным, и респонденты понимали, как оценивать стимул в контексте вопроса. В противном случае мы бы ожидали «проседания» в условиях с порядком VS и с предглагольным фокусом.

Таким образом, благодаря эксперименту мы можем заключить, что коммуникативный статус подлежащего в конструкциях с квантифицированным подлежащим не влияет на вариативное глагольное согласование.

Литература

- Кувшинская 2015 — Кувшинская Ю.М. 2015. О коммуникативной обусловленности предикативного согласования с именными группами со значением неопределенного количества в русском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, XI (2), 659-687.
- Aksenova 2021 — Aksenov A. 2021. Subject-verb agreement in constructions with quantifiers in Russian. *Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies* 24, pp. 1–12.
- Corbett 1983 — Corbett G. 1983. Hierarchies, Targets and Controllers: Agreement Patterns in Slavic. London & Canberra: Croom Helm.
- Nichols et al. 1980 — Nichols J., Rappaport G., Timberlake A. 1980. Subject, Topic and Control in Russian. *Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, pp. 372–386.

Вардиц Владислава
Кёльнский университет
(Кёльн, ФРГ)
vwarditz@uni-koeln.de

Кого? Неканонические вопросительные формы в разговорной речи

В докладе, прежде всего, на материале корпуса диалогической разговорной речи «Один речевой день», <https://ord.spbu.ru/> рассмотрено неканоническое употребление вопросительного слова *кого?* в отношении неодушевленного референта в ситуации переспроса, ср.

- Ты машину закрыла?
- *Кого?*

Периферийное, на первый взгляд, употребление оказывается весьма регулярным не только в русской разговорной речи, но и в ряде русских диалектов, а также отмечается в других языках. На фоне сопоставительного материала в докладе показано взаимодействие семантики, прагматики и синтаксиса, определяющих (окациональный или регулярный) выбор семантически несогласованного вопросительного слова.

Как известно, категория грамматической одушевленности не обязательно совпадает с одушевленностью семантической (Щерба 1957), что позволяет по-разному решать вопрос о её статусе (Мельчук 1994; Зализняк 1967), а также рассматривать её в ряду явлений *дифференциального объектного маркирования* (Haspelmath 2005; Sinnemäki 2014 и др.).

Категория одушевленности / неодушевленности сложилась в русском языке относительно поздно, охватив все лексико-грамматические классы существительных лишь к XVII в. (Krys'ko 2014). Если в большинстве славянских языков грамматическая

одушевлённость охватывает только ед.ч. существительных, а в украинском и белорусском – ещё и муж. и жен. род во мн.ч., то в русском языке она распространяется на существительные всех родов и чисел, т.е. оказывается максимально проявленной (Timberlake 1997). Это утверждение, однако, не может быть отнесено к ряду русских диалектов (Пеньковский 2004), в которых категория одушевленности представлена в меньшем объёме и/или бытуют неканонические (с точки зрения литературного языка) формы в качестве регулярных.

В то же самое время и в русском (литературном) языке (как и в ряде других славянских языков, например, в польском) отмечены колебания в области одушевленности / неодушевленности. При этом если подобные колебания в употреблении существительных рассмотрены достаточно подробно и, в частности, зафиксированы в академической грамматике (АГ-1980), то вопросительные местоимения нечасто оказываются в поле исследовательского интереса (Летучий 2015). Тем не менее они не менее значимы для изучения как дифференциального объектного маркирования, так и асимметрии грамматической и семантической одушевлённости, отмеченной в русском языке для других фрагментов системы. Представляется, что анализ подобных неканонических форм в разговорной речи, имеющих параллели не только в других подсистемах русского языка, но и в других языках, интересен для изучения русской грамматики и типологии.

Литература

- Зализняк А.А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.
- Летучий А.Б. 2017. Асимметрия употребления местоимений что и кто и морфологическая одушевлённость // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи*. М., 272-281.
- Пеньковский А.Б. 2004. *Очерки по русской семантике*. М. *Русская грамматика*, Н.Ю.Шведова (ред.), М., тт. 1-2.
- Щерба Л.В. 1957. *О частях речи в русском языке*. М.
- Haspelmath M. 2005. Argument marking in ditransitive alignment types. In: *Linguistic Discovery* 3, 1–21.
- Krys'ko V. B. 2014. Entstehung der Kategorie der Belebtheit/ Personalität. // Kempgen, S. et al. (eds.) *Die Slavischen Sprachen: Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Hbd. 2, Berlin, 1596-1605.
- Melčuk I. 1994. *Cours de morphologie générale, vol. 2: Significations morphologiques*. Montréal — Paris.
- Sinnemäki K. 2014. A typological perspective on Differential Object Marking. // *Linguistics* 52 (2), 281–313.
- Timberlake A. 1997. Чему еси слѣпилъ бра свои. Templates and the development of Animacy. // *Russian Linguistics* 21 (1), 49-62.

Герасимова Анастасия Алексеевна

МГУ им. М.В. Ломоносова
anastasiagerasimova432@gmail.com

Синтаксическая и коммуникативная структура русских биноминативных предложений: анализ грамматических профилей²

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Русские биноминативные предложения демонстрируют вариативность предикативного согласования (1-2). Однако причины подобного варьирования и закономерности выбора контролера согласования однозначно не определены.

- (1) a. *Цель была — зло, в любых его проявлениях.* [НКРЯ]
 b. *Вторая цель был Париж.* [Google]
- (2) [Падучева, Успенский 1997: (5)]
 a. *Свадьба Наташи была / было последнее радостное событие в старой семье Ростовых.*
 b. *Многое из этого было / была правда.*
 c. *Все это спокойствие было / была одна чистая личина.*
 d. *Белинский был / была замечательная личность.*

В биноминативных предложениях германских языков фиксируется влияние коммуникативного членения на выбор контролера согласования. Два типа биноминативных предложений, предикативные (3a) и специфицирующие (3b), отличаются информационной структурой: в специфицирующих предложениях в отличие от предикативных наблюдаются ограничения в положении фокуса. Примечательно, что в некоторых языках, например, исландском, в предикативных предложениях выбор модели согласования однозначно определен, в то время как специфицирующие предложения допускают варьирование (4)

- (3) a. [Hartmann, Neusock 2020: (10a)]
 Sarah is the winner.
 Сара есть победитель
 ‘Сара – победитель.’
- b. [Hartmann, Neusock 2020: (10d)]
 The winner is Sarah.
 победитель есть Сара
 ‘Победитель – Сара.’
- (4) a. [Hartmann, Neusock 2020: (3d)] исландский
hvort aðalvandamálið %væri /%væruð/%væru *þið.*
 ли главная проблема.DEF быть.SBJ.3.SG / быть.SBJ.2.PL / быть.SBJ.3.PL 2.PL
 ‘... были ли главной проблемой вы.’
- b. *hvort þið væruð* *stór* *happafundur fyrir* *okkur.*
 ли вы быть.SBJ.2.PL большой счастливая находка для мы.асс
 ‘... были ли вы большой удачей для нас.’

Е.В. Падучева и В.А. Успенский предполагают, что в русском языке выбор согласовательного варианта не зависит от коммуникативного членения: контролером согласования может выступать как тематический, так и рематический компонент предложения [Падучева, Успенский 1997]. По мнению авторов, выбор согласовательной формы связочного глагола определяется структурно: членением предложения на подлежащее и сказуемое. При этом остается неясным, в какой момент деривации и за счет каких факторов происходит выбор самой структуры.

В работе мы рассмотрим два названных фактора, которые предположительно могут определять выбор контролера согласования в русских биноминативных предложениях: фактор коммуникативного членения и фактор синтаксической структуры. Фактор коммуникативного членения мы будем задавать контекстом и распределением тематического и рематического акцентов в биноминативном предложении. Фактор

структуры мы свяжем с предикативным или специфицирующим типом биноминативного предложения. В ряде работ для германских языков предполагается, что два типа получаются в результате различных путей деривации из малой клаузы [Heggie 1988; Moro 1991, 1997; Mikkelsen 2005; den Dikken 2006; Hartmann, Heycock 2016, 2017, 2020; Béjar, Kahnemuyipour 2017, 2018].

Чтобы получить основания для выбора той или иной объяснительной модели согласовательной вариативности в русском языке, мы обратимся к эмпирическим данным, полученным методом синтаксического эксперимента. Эксперимент включает независимые переменные, связанные с постановкой рематического акцента в предложении, типом биноминативного предложения, моделью согласования. К участию привлекается 100 носителей русского языка.

Включение в экспериментальное исследование множественных факторов различной природы вводит сложности в интерпретацию результатов, связанные с большой вариативностью в ответах респондентов. Анализ запланированных контрастов позволяет выявить тенденции в воздействии факторов, но не учитывает возможное сосуществование в языке различных грамматических профилей. По этой причине помимо анализа запланированных контрастов проводится также анализ индивидуального поведения респондентов.

В результате индивидуального анализа стратегий согласования мы покажем, что в грамматических профилях носителей языка не наблюдается имплицативного отношения между коммуникативной и синтаксической структурой биноминативного предложения и выбором стратегии согласования. Следовательно, искать причины вариативности следует в иных характеристиках биноминативных предложений и потенциальных контролеров согласования.

Литература

- Падучева, Успенский 1997 — Падучева, Е. В. Биноминативное предложение: проблема согласования связки / Е. В. Падучева, В. А. Успенский // Облик слова : сборник статей памяти Д. Н. Шмелева / составитель и ответственный редактор Л. П. Крысин. – Москва : Индрик, 1997. – С. 170–182.
- Béjar, Kahnemuyipour 2017 — Béjar, S. Non-canonical agreement in copular sentences / S. Béjar, A. Kahnemuyipour // *Journal of Linguistics*. – 2017. – Vol. 53. – No. 3. – P. 463–499.
- Béjar, Kahnemuyipour 2018 — Béjar, S. Not all phi-features are created equal: a reply to Hartmann and Heycock / S. Béjar, A. Kahnemuyipour // *Journal of Linguistics*. – 2018. – Vol. 54. – No. 3. – P. 629–635.
- den Dikken 2006 — den Dikken, M. Specificational copular sentences and pseudoclefts / M. den Dikken // *The Blackwell Companion to Syntax*. – 2006. – Vol. IV. – P. 292–409.
- Hartmann, Heycock 2016 — Hartmann, J. M. Evading agreement: a new perspective on low nominative agreement in Icelandic / J. M. Hartmann, C. Heycock // *Proceedings of the 46th Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS)*. Vol. 2 / editors : C. Hammerly, B. Prickett. – Amherst, MA : GLSA Publications, 2016. – P. 67–80.
- Hartmann, Heycock 2017 — Hartmann, J. M. Variation in copular agreement in Insular Scandinavian / J. M. Hartmann, C. Heycock // *Syntactic variation in insular Scandinavian* / editors : H. Thráinsson, C. Heycock, H. P. Petersen, Z. S. Hansen. – John Benjamins, 2017. – Vol. 1. – P. 233–275.
- Hartmann, Heycock 2020 — Hartmann, J. M. (Morpho) syntactic variation in agreement: specificational copular clauses across Germanic / J. M. Hartmann, C. Heycock // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 10. – Art. 2994. – URL : <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02994/full> (retrieved : 01.11.2020). – Digital text.

- Heggie 1988 — Heggie, L. A. The syntax of copular structures : Doctoral dissertation / L. A. Heggie ; University of Southern California. – Los Angeles, 1988. – 389 p.
- Mikkelsen 2005 — Mikkelsen, L. Copular clauses. Specification, predication and equation / L. Mikkelsen. – Amsterdam : Benjamins, 2005. – 210 p.
- Moro 1991 — Moro, A. The raising of predicates / A. Moro // MIT Working Papers in Linguistics. – 1991. – Vol. 15. – P. 193–218.
- Moro 1997 — Moro, A. The raising of predicates: Predicative noun phrases and the theory of clause structure / A. Moro. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 318 p.

Глазунова Ольга Игоревна
СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)
o.i.glazunova@mail.ru

О наречиях со значением низкой и крайне низкой степени интенсификации признака

Наречия степени служат в языке своеобразными мерными маркерами, позволяющими описывать окружающую действительность с максимальной степенью достоверности. В сочетании с ними признаковое значение может обозначаться: 1) как незначительное (*еле, едва, чуть, немного, несколько*), 2) в крайне высокой степени приближения (*почти*), 3) в полной мере, превышающей нейтральный уровень проявления признака (*очень, много, совершенно, абсолютно, совсем*). Присутствие в языке нескольких наречий со значением низкой степени интенсификации признака свидетельствует о том, что они не являются абсолютными синонимами и имеют различия как в семантике, так и в валентных характеристиках.

Среди прилагательных и причастий, которые сочетаются с наречиями *немного, несколько*, преобладают лексемы с негативным значением, заложенным в семантике или на контекстуальном уровне. При этом использование наречий *немного, несколько* ориентировано на статику, т.е. на выражение величины проявления признаков значений у имен прилагательных, неакциональных глаголов (*светать, морозить, уступать, превосходить, разрушаться* и др.) и глаголов внутреннего состояния (*устать, торопиться, страдать, грустить, волноваться, бояться*). *Еле, едва* предназначены для выражения интенсивности проявления внешних динамических признаков. Они ориентированы на акциональную лексику, значение которой может проявляться с разной степенью интенсивности: *открыть, закрыть, причесаться, прикоснуться, говорить*.

Наречие *еле*, направленное на выражение качественных признаков значений – ‘с трудом’, не сочетается с русскими глаголами состояния – внешнего (физического) и внутреннего (чувственного, эмоционального), выраженными формами НСВ и СВ: *спать/поспать, болеть/заболеть, дрожать/задрожать, трепетать/задрепетать, раздражаться, обижаться/обидеться*, включая глаголы НСВ со значением ментального состояния: *вспоминать, выбирать, выучивать*. При этом глаголы СВ вида со значением мыслительной деятельности: *вспомнить, выбрать, выучить, вычислить, понять, сосчитать* (в знач. произвести подсчеты), *доказать, вывести, изучить* и др., которые выражают результат приложения усилий со стороны субъекта, образуют сочетания с *еле*.

Особенность наречия *едва* состоит в том, что оно сочетается практически со всеми глаголами НСВ со значением ментального состояния и глаголами НСВ и СВ со значением мыслительной деятельности: Он *едва знал* (*верил, помнил, оценивал, сомневался*,

*интересовался, осознавал; вспоминал/вспомнил, понимал/понял, выбирал/выбрал, считал/сосчитал, выводил/вывел, изучал/изучил). Едва, как и наречие степени еле, не образует словосочетаний с глаголами НСВ и СВ, выражающими внешнее (физическое) или внутреннее (психическое, чувственное) состояние: *едва оживился (ослаб, расстроился, тронулся рассудком, стыдился). При этом наречия *немного, несколько, соотносящиеся по смыслу с наречием едва, могут сочетаться с этими глаголами.**

Таким образом, наречия *немного, несколько, еле, едва* сочетаются с признаковыми лексемами избирательно, и эта избирательность обусловлена их этимологией, а также многими другими факторами, присутствующими в сознании носителей языка.

Голубева Виктория Константиновна
Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)
victdove@gmail.com

О возможностях сентенциального употребления наречий образа действия

Известно, что наречия, которые характеризуются «плавающей» сферой действия [Филипенко 2003], могут иметь не один, а разные типы употребления – модифицировать глагол, прилагательное / другое наречие, а также предложение (выступать в качестве предикатива или сентенциального распространителя). Например, наречие *замечательно* способно выполнять все перечисленные функции, кроме сентенциальной (*Замечательно справился с заданием; замечательно точно изложена; Замечательно осваивать Москву на двух колесах; *Игроки замечательно прошли в финал*), а лексема *галантно* может являться модификатором глагола (*Он галантно раскланялся*) и всего предложения (*Он галантно усадил меня на лучшее место*), при этом не выступает в качестве предикатива (**Галантно, что он усадил меня на лучшее место*). В предполагаемой работе мы планируем рассмотреть круг наречий образа действия, способных употребляться сентенциально, и проанализировать лексемы, у которых в современном узусе появляются «новые» сентенциальные употребления.

Семантическое разделение тех наречных единиц, у которых сфера действия варьируется, позволяет говорить о нескольких группах, обнаруживающих разные возможности сентенциального употребления. Перечислим основные группы.

1) Наречия, обозначающие **ситуативные признаки человека**, т. е. качества и свойства, проявляющиеся в его поведении, в конкретном поступке, но не обязательно свойственные ему как личности: *лицемерно, великодушно, развязно, самолюбиво, прозорливо, осмотрительно, находчиво, мстительно*. Составляют крупную группу наречий образа действия, способных довольно последовательно употребляться как в роли глагольного модификатора, так и в функции сентенциального распространителя: *бдительно следил – бдительно приготовился защищаться; недобросовестно выполнил свои обязанности – недобросовестно выполнил только часть своих обязанностей*.

2) **Модальные наречия**: *действительно, явно, поистине, обязательно, непременно, всенепременно, доподлинно, заведомо, наверно(е), наверняка, очевидно*. Многие из них специализируются как сентенциальные модификаторы (*Я обязательно приеду к вам; Кино непременно должно быть занимательным?*), проявляя функциональное сходство с частицами и модальными (вводными) словами, обозначающими степень достоверности сообщаемого. Наречия этой группы могут выступать также модификаторами глагола (иногда наблюдается различие значений глагольных и сентенциальных употреблений: *точно измерила* ‘достоверно, правильно’ – *Он точно забыл адрес?* ‘в действительности, на самом деле’; *явно показал свое*

отношение 'не скрывая, открыто' – **явно** собирается уходить 'совершенно очевидно, ясно'). Некоторые модальные наречия вовсе не используются в сентенциальной функции: **бесспорно** красив; Он, **бесспорно**, придет вовремя; *Он **бесспорно** придет вовремя. Ср. наличие такой возможности у **наверно(е)** с изменением оттенка модального значения 'степень достоверности сообщаемого': Я это знаю **наверное** 'точно, несомненно' – Я, **наверное**, знаю о детях больше, чем кто бы то ни было 'по всей вероятности'.

3) Наречия, которые традиционно относятся к разряду образа действия, но обнаруживают синкретизм семантики за счет обстоятельственных оттенков '**время**', '**причина**', '**цель**', '**результативность**' и др.: **вдруг**, **внезапно**, **беспричинно**, **зря**, **назло**, **намеренно**, **напрасно**, **нарочито**, **нарочно**, **невзначай**, **недаром**, **нечаянно**. Сентенциальная функция для них является основной – данные наречия не употребляются с предикатами, конструкции с которыми допускают преобразования вида «то, как». Ср.: **Петров зря** надел сегодня шерстяной костюм; **Никому ничего не делай назло**. В случаях типа **Весна наступила внезапно** наречие выступает в роли глагольного актанта, а не сирконстанта (глагольного модификатора).

4) Наречия, обозначающие **состояния** (эмоциональные, физические, физиологические), как правило, лишены сентенциальных употреблений, что возмещается специфической для этого класса предикативной функцией, а также ролью глагольной модификации: **неуютно**, **удобно**, **невыносимо**, **неприятно**, **томительно**, **страшно**, **тоскливо**, **трогательно**, **безрадостно**, **тягостно**, **волнительно**, **горько**, **грустно**: **Хозяева удобно** расположили гостей; **Инструменты удобно** хранить в специальном чемоданчике; **Страшно** увидеть билеты только перед экзаменом – ***Андрей страшно** увидел билеты только перед экзаменом.

5) Наречия **оценки**: **хорошо**, **плохо**, **нормально**, **мерзко**, **великолепно**, **возмутительно**, **удивительно**, **отвратительно**, **отлично**. В принципе, оценочный компонент значения свойствен единицам разных групп, относящимся к наречиям с «плавающей» сферой действия. Однако, если, например, посредством лексем первого типа характеризуются действия лица, которые оно контролирует, за которые несет ответственность (**изменнически** предал своего командующего; **неблагодарно** ушел в самый трудный момент), то в данном случае мы говорим об общей оценке, не связанной с указанным семантическим ограничением. Так же, как и наречия состояния, многие из наречий оценки не употребляются сентенциально, но выступают в роли предикативов и глагольных модификаторов: **Ребенок стал плохо** спать – **Плохо**, что Муза не вдавалась в подробности этого спора – ***Муза плохо** не вдавалась в подробности этого спора (ср. то же высказывание с наречием из первой группы: **Муза легкомысленно** не вдавалась в подробности этого спора). Однако сентенциальное употребление для наречий оценки не исключено: **Политолог справедливо** считался наиболее лояльным.

Говоря о зонах расширения сентенциальных употреблений наречий разных групп, отметим следующие моменты.

1. «Модель поведения» наречий, обозначающих ситуативные признаки человека, типа **предусмотрительно**, **легкомысленно** может наблюдаться и у наречий с фиксированной сферой действия, основной функцией которых является глагольная модификация. Например, наречие **хладнокровно** употребляется не только в сочетаниях типа **хладнокровно** убил, **хладнокровно** изложил суть произошедшего, но и в «сентенциальных» контекстах:

...убийца заметил движение антиквара и, прикончив старика, **хладнокровно** прихватил книгу, перед тем как покинуть лавку... [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)];

Поэтому бездушные отравители хладнокровно обрекали жертву на продолжительные мучения, как правило, ради наследства. [Е. Стрельникова. Мышь, мышьяк и Калле-сыщик // Химия и жизнь, 2011].

По данным корпуса, подобное явление встречалось в текстах вековой давности (см. примеры ниже), но есть и современные употребления такого типа, в которых просматривается отступление от норм литературного языка:

Рюмин хладнокровно отошел и сел поодаль на камень, делая вид, что не смотрит... [А. Т. Аверченко. Камень на шее (1910-1914)];

*Вот почему человек так прилепляется к земле, так **боязливо** не хочет отделиться от нее...* [В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского (1893-1906)];

*...ни одна острая тема, наличествующая в предмете, автором **боязливо** не затронута.* [Петит // Независимая газета (приложение «Ex Libris НГ»), 14.12.2000].

В целом они не носят массового характера и ощущаются как речевая шероховатость или намеренное нарушение нормы для решения разных коммуникативных задач.

2. Некоторая динамика наблюдается в области сентенциального употребления наречий оценки. Например, у лексем *забавно*, *странно*, *мерзко* обычно фиксируются функции глагольной модификации и предикативная: *звучит забавно*; *Все эти новости забавно читать*; *Забавно, что он работал охранником в омской школе*; *Футболист странно подпрыгнул*; *Отказывать такому претенденту было бы странно* и т. д.

Вместе с тем у них не исключена и функция сентенциального распространителя. В частности, еще не до конца освоенными литературным языком можно считать, на наш взгляд, употребления наречий, обозначающих оценку контролируемого (зависимого от воли субъекта) действия. Это характерно в большей степени для современных художественных и медийных текстов:

*Испанцы как-то **странно** опустили руки и слишком долго приходили в себя, а когда пришли, то нарушили правило в своей штрафной площадке...* [Камбэк «Севильи». «Краснодар» снова проиграл в Лиге чемпионов // Vesti.ru, 05.11.2020];

*Тиллерсон **странно** отмалчивался даже в условиях нарастания напряженности в Северной Корее...* [The Foreign Policy сообщил о планах Трампа отправить Тиллерсона в отставку и назвал возможного преемника главы Госдепа // NEWSru.com, 06.09.2017];

*Я посвящаю эту медаль всем ребятам, которых так подло и **мерзко** отстранили от Олимпиады.* [Семен Елистратов завоевал для России первую медаль Олимпиады и еле сдержал слезы во время награждения // NEWSru.com, 10.02.2018].

В общем, сентенциальные употребления указанных наречий с предикатами неконтролируемых действий (например, предикаты состояния, каузации состояния, отношения и др.) нельзя назвать новыми: они встречаются, по данным корпуса, на протяжении всего XX века. Ср., например, отсылку к письму 1900-х гг. в современном тексте:

*...Как-то на Царскосельском вокзале, уезжая на юг, Хлебников прождал поезда четыре часа. И, возможно, тогда, 10 июня 1909 года, написал письмо Вячеславу Иванову: «<...> Что я делал? Был в Зоологическом саду, и мне **странно** бросилась в глаза какая-то связь верблюда с буддизмом, а тигра с Исламом».* [В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)], а также следующие контексты:

*На сером и мрачном «последнем недострое» СССР погиб – чем **странно** гордятся аборигены...* [Вертикаль нашла на башню. В Екатеринбурге нарастает протест против сноса одного из символов города – телевизионной башни // Новая газета, 11.02.2018];

*Синеватая чернь их [шоферов] волос **странно** разнилась с белизной ледохода.* [Б. А. Слуцкий. Записки о войне (1945)];

*На его [Хрущева] фоне Брежнев привлекал симпатии своей относительной молодостью, скромностью и приветливостью. **Забавно** отличали его и необыкновенной величины брови.* [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)].

Характерны и сочетания типа *спектакль **странно** соединяет изощренность и наивность*; *выработка товара **странно** замедлялась*; *Ваша книга **странно** взволновала*; *это забавно контрастировало с его мужественной фигурой*; *события потом забавно смешались в Зинкиной голове* и др.

Отметим, что в некоторых случаях сентенциальные употребления оценочных наречий с причастием или деепричастием (свернутой предикацией) выглядят более естественно, чем с соответствующей финитной формой:

Он оглянулся в последний раз – на **странно потемневший** парк... [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996)] – ср.: *Парк **странно потемнел***;

...*Варя <...> впервые подняла на Софью Гавриловну измученные бессонницей, **странно постаревшие** глаза.* [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)] – ср.: *Глаза **странно постарели***;

...*мощная работа, **странно подтверждающая** подлинность «чувства Отечественной».* [Елена Дьякова. В Москве – три главных режиссера. Объявлены программы Чеховского фестиваля и «Золотой Маски» // Новая газета, 07.11.2016] – ср.: *Работа **странно подтверждает** подлинность...*;

– *Ладно, кончай брехать, – сказал пожилой враз изменившимся, **странно севшим** голосом.* [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996)] – ср.: *Голос **странно сел***;

...*написанный в 15 лет романс Дягилева, **забавно напоминающий** Чайковского...* [Естественный подбор // Коммерсант, 04.04.2008] – ср.: *Романс **забавно напоминал** Чайковского.*

Можно предположить, что пропозицию, заложенную в атрибутивные глагольные формы, удобнее оценить с помощью сентенциально употребленного наречия (с формальной точки зрения оно относительно легко встраивается в матричную – определяемую им – предикацию). Причастие как модификатор вершины именной/предложной группы задействовано в выполнении определенной семантической роли (ср.: *сказал **странно севшим** голосом; подняла **странно постаревшие** глаза*), поэтому структуры «сентенциальное наречие + причастие» сложнее поддаются перестройке. В то же время финитные формы проще формируют зависимую клаузу, подчиненную предикативному наречию: *Романс **забавно напоминает** → **Забавно, что романс напоминает...**; Глаза **странно постарели** → **Странно, что глаза постарели.** Не исключено, что эти факторы влияют на степень освоенности разных способов встраивания оценочных наречий в структуру высказывания.*

Таким образом, с определенными типами предикатов указанные оценочные наречия довольно устойчиво употребляются в сентенциальной функции. Отметим, что на фоне существования в языке и проникновения в него «новых» сентенциальных употреблений указанного типа нередко возникает неоднозначность контекстов на уровне семантики адвербиальных лексем:

*Несколько рассказчиков, сплошные флэшбеки и безумные деклассированные литераторы: муж вместе [с] соседями ищет **странно** пропавшую жену, а попутно нам раскрываются семейные тайны...* [Константин Мильчин. Книги // «Русский репортер», 2013] – контекст допускает интерпретацию наречия как глагольного модификатора ('пропала при странных обстоятельствах, странным образом') и сентенциального распространителя (оценивается сам факт – 'странно, что жена пропала').

*Тем ценнее для Натана была преданность этой девочки <...>, что **забавно** прикрывала надлом внутри самоиронией и якобы стержовностью, про которую сама же регулярно заявляла.* [Анастасия Цветкова. Трое без времени // «Сибирские огни», 2012] – возможна двоякая трактовка наречия: субъект оценки посредством наречия квалифицирует все содержание пропозиции либо уточняет способ протекания действия.

3. Еще одно явление, наблюдающееся в сфере сентенциальных наречий, затрагивает область соотношения субъектов наречной и глагольной пропозиций. Субъект оценки, выраженный сентенциальным наречием, всегда «внешний», хотя референциально это может быть одно и то же лицо (ср. пример Г. И. Кустовой с эксплицированным субъектом восприятия: *Я понимаю, что я не прав* [Кустова 2004: 333]). Ряд наречий отличается тем, что субъект состояния, оценки не совпадает с субъектом глагольного действия. К таким наречиям относится, например, *обидно*. Независимо от того, в функциях глагольного или сентенциального модификатора употребляется эта лексема, обычно она предполагает некоррелентное использование: *обидно смеялась, обидно относились; обидно хлопал по плечу, обидно ограничили в правах.* В современных медиатекстах заметно распространяется

употребление сентенциального *обидно*, предполагающего оценку того же лица, что является и производителем действия:

Есть матчи Лиги наций, где мы очень обидно заняли вторую строчку. [Черчесов не собирается покидать пост тренера сборной России // Vesti.ru, 24.11.2020] – субъект действия, которое каузирует состояние *обидно*, и экспериенцер в данном случае референциально совпадают, хотя, как указывалось выше, нельзя не учитывать, что это взгляд «со стороны».

Литература

Кустова 2004 – Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Филипенко 2003 – Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. Москва: Азбуковник, 2003. 304 с.

Давидюк Татьяна Игоревна
МГУ им. М.В. Ломоносова, ИЯз РАН
(Москва, Россия)
rachekit@yandex.ru

Лично-числовое согласование с дизъюнктивно сочиненными подлежащими и фактор порядка слов³

В случае, если подлежащие-конъюнкты не совпадают по какому-либо признаку, для согласования с ними применяются так называемые правила разрешения (англ. *resolution rules*). Для признака лица вычисление результирующего значения обычно строится на иерархии лиц $1 > 2 > 3$ [Corbett 1983]. На действие иерархии лиц в случае несовпадения подлежащих по лицу указывают грамматики и нормативные справочники по русскому языку [РГ 1980: 243-244; Розенталь и др. 1994: 272]. В цитируемых источниках приводятся примеры с подлежащими, сочиненными не только с союзом *и*, но и с некоторыми другими союзами. Однако согласование с конструкциями с разными союзами может быть устроено по-разному [Пекелис 2013]. Целью настоящей работы является исследование вариативности лично-числового согласования с подлежащими, которые сочинены дизъюнктивными союзами — *или и или ... или*.

В ряде работ утверждается, что для признака числа при дизъюнкции невозможно применение правил разрешения, см., в частности, [Morgan 1984], однако если дизъюнкция нестрогая, то правила разрешения могут быть применены [Ivlieva 2012; Smith et al. 2018]. Данное утверждение мотивированы семантикой дизъюнкции, но тем не менее не подтверждаются в экспериментальных исследованиях: для целого ряда языков было показано, что при дизъюнктивно сочиненных подлежащих возможно согласование по множественному числу, в том числе в контекстах нестрогой дизъюнкции [Keung, Staub 2018; Foppolo, Staub 2020; Marušič, Shen 2021; Himmelreich, Hartmann 2023]. Возможность согласования как по единственному, так и по множественному числу для дизъюнктивно сочиненных подлежащих показана и для русского языка в корпусном исследовании О. Е. Пекелис [2013].

Согласование при дизъюнкции подлежащих, не совпадающих по признаку лица, исследована в меньшей степени. Экспериментальное исследование подобных контекстов представлено в работе [Himmelreich, Hartmann 2023], выполненной на материале

³ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

немецкого языка. Результаты этого исследования показали, что при несовпадении конъюнктов по признаку лица наиболее предпочтительным оказывается согласование по 3 лицу множественного числа, однако согласование с ближайшим конъюнктом также возможно.

Для исследования согласования с дизъюнктивно сочиненными подлежащими, различающимися по лицу, мы провели корпусное и экспериментальное исследование. Результаты поиска в основном подкорпусе НКРЯ для четырёх конструкций — *я или X / X или я / или я, или X / или X, или я* (где X — имя существительное или местоимение) — представлены в Таблице 1. В каждой колонке указаны стратегии согласования в непрошедшем времени с количеством соответствующих предложений.

Таблица 1. Стратегии согласования с дизъюнктивно сочиненными подлежащими: данные НКРЯ

Порядок слов	я или X	или я, или X	X или я	или X, или я
SV	1 л. мн.ч.: 27 3 л. ед.ч.: 6 3 л. мн.ч.: 3 (2 — согл. с ближ. кон.)	1 л. мн.ч.: 3 2 л. мн.ч.: 1 2 л. ед.ч.: 1	1 л. мн.ч.: 14	1 л. мн.ч.: 3
VS	1 л. ед.ч.: 12	1 л. ед.ч.: 1	3 л. ед.ч.: 3 2 л. мн.ч.: 2 2 л. ед.ч.: 1	3 л. мн.ч.: 1

При порядке слов SV для всех рассматриваемых конструкций преобладает согласование по правилам разрешения — по 1 лицу множественного числа. Для подлежащих вида *я или X* и *или я, или X* при обычном порядке слов также фиксируется согласование с ближайшим конъюнктом (для конструкций вида *я или X* — 6 примеров согласования по 3 л. ед.ч. и 2 примера согласования по 3 л. мн.ч.; для конструкций вида *или я, или X* — 1 пример согласования по 2 л. мн.ч. и 1 пример согласования по 2 л. ед.ч.). При порядке слов VS преобладает согласование с ближайшим конъюнктом. Также при обоих порядках слов нами зафиксировано согласование по 3 лицу множественному числу — это 2 примера, приведённые в (1)-(2).

(1) *Я или кто-нибудь из товарищей дадут знать, что с ней делать, а, может быть, пока она пригодится и в Камыньске, ты и Анна сами будете печатать.*

[НКРЯ. Б.А. Пильняк. Соляной амбар (1937)]

(2) *X мне вчера сообщила общее убеждение, что на конкурсе возьмут премию или Ладинский, или я.*

[НКРЯ. И.Н. Кнорринг. Дневник (1925)]

Экспериментальное исследование содержит 4 эксперимента, проводившихся по методике оценки приемлемости по шкале 1-7. Каждый эксперимент включал две независимые переменные: тип союза (*или / или ... или*) и тип глагольного согласования (1 л. ед.ч. / 1 л. мн.ч. / 3 л. ед.ч. / 3 л. мн.ч.). Примеры лексикализаций для каждого эксперимента приведены в (3)-(6). Каждый эксперимент содержал 32 экспериментальных предложения, а также 32 филлерных предложения, из которых половина представляла собой неграмматичные предложения. Эксперименты были реализованы на платформе RSIbex.

эксперимент 1a

(3) [*Я или Кирилл / или я, или Кирилл*] [*прополю/проподем/прополет/прополют*] эту капустную грядку.

эксперимент 1b

(4) [*Кирилл или я / или Кирилл, или я*] [*прополю/проподем/прополет/прополют*] эту капустную грядку.

эксперимент 2а

(5) *Эту капустную грядку [прополю/проподем/прополет/прополют] [я или Кирилл / или я, или Кирилл].*

эксперимент 2б

(6) *Эту капустную грядку [прополю/проподем/прополет/прополют] [Кирилл или я / или Кирилл, или я].*

В экспериментах 1а и 1б наиболее высокие оценки получило согласование по правилам разрешения, но при повторяющемся союзе в эксперименте 1а оценки для него понижаются. Также в обоих экспериментах выше неграмматичных филлеров оцениваются предложения с согласованием по 3 л. мн.ч. и 3 л. ед.ч., оценки для них значимо не различаются между собой. Для эксперимента 1б выше неграмматичных филлеров оценивается согласование по 1 л. ед.ч. — согласование с ближайшим конъюнктом. Остальные варианты согласования оцениваются на уровне неграмматичных филлеров.

Результаты экспериментов 2а и 2б значительно отличаются от результатов экспериментов 1а и 1б. Во-первых, наиболее высоко в этих экспериментах оценивается согласование с ближайшим конъюнктом — согласование по 1 л. ед.ч. для эксперимента 2а и согласование по 3 л. ед.ч. для эксперимента 2б. Во-вторых, все остальные варианты согласования оцениваются выше неграмматичных филлеров.

Экспериментальные данные позволяют дополнить наши корпусные находки. Согласование по 3 л. мн.ч. встретилось в единичных примерах в НКРЯ, тогда как эксперименты показывают, что оно стабильно оценивается выше неграмматичных предложений. В корпусных материалах нами не было зафиксировано согласование по 3 л. ед.ч. (кроме случаев согласования с ближайшим конъюнктом), но экспериментальные данные указывают на возможность такого согласования. То же касается и возможности согласования со вторым конъюнктом при порядке слов VS.

Таким образом, корпусные и экспериментальные данные обнаруживают значительную вариативность в согласовании с дизъюнктивно сочиненными подлежащими, чьи конъюнкты не совпадают по лицу.

Литература

Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. 4. С. 55–86.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: Московская международная школа переводчиков, 1994.

Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

Corbett G. Resolution rules: agreement in person, number, and gender // Order, Concord and Constituency / Gazdar G., Klein E., Pullam G. K. (eds.). Dordrecht: Foris, 1983. P. 175–205.

Foppolo F., Staub A. The puzzle of number agreement with disjunction // Cognition. 2020. 198. P. 1–20.

Himmelreich A., Hartmann K. Agreement with disjoined subjects in German // Glossa: a journal of general linguistics. 2023. 8(1). P. 1–44.

Ivlieva N. Obligatory implicatures and grammaticality // Logic, Language and Meaning. 2012. P. 381–390.

Keung L., Staub A. Variable agreement with coordinate subjects is not a form of agreement attraction // Journal of Memory and Language. 2018. 103. P. 1–18.

Marušič F., Shen Zh. Gender agreement with exclusive disjunction in Slovenian // Acta Linguistica Academica. 2021. 68(4). P. 516–535.

Morgan J. L. Some problems of agreement in English and Albanian // Proceedings of the Berkeley Linguistic Society. 10. P. 233–247.

Smith P., Moskal B., Hartmann K., Shen Zh. Feature conflicts, feature resolution, and the structure of ‘either...or’ // Jezikoslovlje. 2018. 18(3). P. 457–479.

Зубова Людмила Владимировна
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова
(Москва, Россия)
l-zubova@yandex.ru

Активизация грамматических реликтов в современной поэзии

В докладе планируется проанализировать следующие явления, свойственные языку современной поэзии с 1950 до 2004 г.:

1. Символическая функция грамматических реликтов, основанная на цитатности форм (*вжик — небеса вдруг ускользнули в небеса* – Е. Клюев);
2. Противопоставление архаических форм современным (*странныя нужныя штучки – странные ненужные предметы* – Г-Д. Зингер);
3. Стилистический контраст архаической формы с лексикой контекста (*Бысть сие стремно* – В. Карпец);
4. Грамматическая двойственность реликтовых форм (*ещё не промозгл / мир* – В. Гандельсман);
5. Совмещение архаической формы с современной (*всё тебе, мечтателю, побудка* – В. Павлова);
6. Освобождение от фразеологической закреплённости реликтов (*короста во языцех* – С. Круглов);
7. Расширение лексического репертуара грамматических архаизмов: их освобождение от лексической закреплённости (*с толстомясыми отчеты* – А. Левин);
8. Семантический сдвиг фазеологизма с архаической формой (*Живой я. Не иже еси* – О. Охупкин);
9. Аграмматизм грамматически реликтов (*чтоб не бысть житию двояким* – В. Соснора);
10. Грамматические транспозиции (*всю бысть* – А. Левин);
11. Выравнивание парадигм по образцам реликтовых форм (*в облаца где темнеет вода* – Т. Буковская);
12. Роль стиховой структуры в активизации реликтов (*В такси — почти на небеси!* – А. Ожиганов).

Основной вывод: грамматическое значение реликтовых форм вытесняется стилистическим.

Казаковская Виктория Вилладиевна
ИЛИ РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
victory805@mail.ru

Есть ли продроп в русской детской речи?

Постановка вопроса. Исследователи детской речи признают, что едва ли не самым сложным моментом при анализе усвоения личных местоимений (ЛМ) является

попытка упорядочить высказывания с ЛМ 1-го лица ед. ч. в им. п. [Доброва 2003]. Нетривиальную задачу представляет и анализ реплик, в которых ЛМ в субъектной позиции отсутствуют (0.ЛМ). Обе проблемы — местоименный онтогенез и субъектный продроп (*pronoun drop*) — обладают типологической спецификой (равно как терминологическая трактовка последнего). Принято считать, что наличие продропа в усваиваемом ребенком языке способно замедлить появление ЛМ в сравнении с непродропными языками, например английским [Owens 2019]. Онтолингвисты, обращавшиеся к этой проблематике на материале русского языка, предлагают различные решения «продропного вопроса». При этом разными оказываются не только привлекаемые к обсуждению данные (дневниковые наблюдения, записи спонтанной речи, эксперимент), их объем и принципы анализа, но и исходные теоретические установки (см., в частности, [Доброва 2003, Чиглова 2019, Воейкова 2021, Казаковская 2024]).

Согласно гипотезе, верифицируемой в рамках кросс-лингвистического проекта «Pre- and Protomorphology in Language Acquisition» на 25 корпусах детской речи из восьми разноструктурных языков [Gagarina et al. 2024], усвоение ЛМ может быть связано с синтаксическим развитием ребенка, определяемым по средней длине высказывания (*mean length of utterance in words*), информационной структурой последнего, может зависеть от морфологического богатства языка (а именно размера его местоименной и глагольной парадигм) и его продропных свойств. Так ли это по отношению к русскому — морфологически богатому флективному и слабопродропному (*weak / non-canonical pro-drop*) — языку?

Материал и задачи исследования. Основываясь на представительных языковых данных — трех расшифрованных и морфологически закодированных в соответствии с CHILDES [MacWhinney 2000] диалогических корпусах «взрослый — ребенок» (около 70 часов звучащей речи и 31000 реплик), принадлежащих типично развивающимся мальчикам, — мы рассмотрим их высказывания с 0.ЛМ, зафиксированные в течение первого года усвоения категории персональности (1;8–3;0). Фоном для сопоставления выступают соответствующие по лицу и числу местоименно-глагольные конструкции. Освещение получают вопросы о языковом возрасте и очередности появления тех и других в речевой продукции, их частотности, динамике развития, семантических и морфосинтаксических особенностях. Помимо определения доминирующих черт ранних глагольных высказываний, выявляются предпочтения в их использовании. В силу того, что анализируемые корпуса различаются по объему, сопоставление процентных долей производится с помощью критерия *хи*-квадрат ($p < 0.05$).

Предварительные результаты указывают на меньшую частотность и менее интенсивную динамику реплик с 0.ЛМ, несмотря на их «легкость», обусловленную отсутствием грамматической координации при выраженной в глагольной форме семантике лица (в чем можно усматривать отражение неканонической продропности усваиваемого языка). Существенно, что «сценарии» появления 0.ЛМ в речевой продукции детей не совпадают, как не совпадает и их склонность к продропу (см. также [Чиглова 2019]). Только в одном из корпусов (ребенка, заговорившего раньше других информантов и демонстрирующего повторительную / имитативную стратегию усвоения языка) высказывания с продропом предшествуют местоименно-глагольным. Однако первые единичные употребления (1;8) представляют собой повторы конечной части обращенной реплики взрослого либо состоят из модального и специфически детского *хочу / не хочу*.

Уже в следующем месяце (1;9) появляется ЛМ в сочетании с глаголом в прошедшем времени, а через месяц (1;10) — в координации, хотя и ошибочной, с личным глаголом. В корпусах двух других детей высказывания с 0.ЛМ отмечены позже местоименно-глагольных либо одновременно с ними. Последним, в свою очередь, предшествуют голофрастические или так наз. безглагольные употребления ЛМ [Казаковская 2024].

Наиболее «опускаемым» местоимением оказывается я (50%); доли пропуска *ты*, (кумулятивного) *он* и *мы* не превышают 14–15%. Притом что в целом морфосинтаксические и семантические доминанты реплик с 0.ЛМ и ЛМ сходны (так, преобладают констатирующие высказывания с семантикой настоящего актуального момента действия «здесь и сейчас» без эксплицитной модусной или модальной квалификации), частотность упомянутых характеристик различается. Различия обнаружены и в местоименных профилях информантов.

Заключение. Полагаем, индивидуальные особенности использования реплик с 0.ЛМ (обычно высказываний в реактивной позиции диалогического единства, допускающей неполноту), с одной стороны, обусловлены уровнем развития системно-языковой и собственно коммуникативной (диалогической) компетенции ребенка, а с другой, связаны с получаемым инпутом (*input, child-directed speech*) — как минимум с коммуникативной стратегией общающегося с ним взрослого. Вопрос о корреляции свойств местоименного и нуль-местоименного инпута с речевой продукцией ребенка (*input vs output*) в настоящее время остается открытым.

Литература

1. *Воейкова М. Д.* Личные местоимения в потоке речи и их вклад в становление языковой системы // Проблемы онтолингвистики — 2021: Языковая система ребенка в ситуации одно- и многоязычия. СПб.: ВВМ, 2021. С. 23–32.
2. *Доброва Г. Р.* Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
3. *Казаковская В. В.* Личные местоимения и их пропуск (*pro-drop*) на ранних этапах усвоения языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 2 (40). С. 133–149.
4. *Чиглова Е. И.* Стратегии освоения категории лица в русском языке. Дисс. ... канд. филол. н. Череповец: Б. и., 2019.
5. *Gagarina N., Özsoj O., Haffner E., Aksu Koç A., Argus R., Avram L., Hrzica G., Kazakovskaya V., Ketrez N., Korecky-Kröll K., Košutar S., Pavlinusic Vilus E., Rosenberg M., Sandström L., Stephany U., Stoicescu I., Voeikova M., Dressler W. U.* Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and pro-drop // IASCL — 2024 (*accepted*).
6. *MacWhinney B.* The CHILDES project: tools for analyzing talk. 3rd edition. Mahwah; New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
7. *Owens Jr. R. E.* Language Development: an introduction. 10th ed. Boston: Pearson / Allyn and Bacon, 2019.

Казаковская Виктория Вилладиевна, Краснощекова Софья Викторовна
ИЛИ РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
victory805@mail.ru

Пропуск личных местоимений в речи, обращенной к ребенку (анализ случая)

1. В докладе рассматривается один из аспектов речи взрослого, обращенной к ребенку (*child-directed speech, input*), а именно местоименный инпут в его отношении к раннему усвоению категории персональности. Наш интерес обусловлен ролью в данном грамматическом процессе высказываний (а) с личными местоимениями (ЛМ) в субъектной позиции (им. п.) и (б) с их отсутствием (0.ЛМ, *pronoun drop*).

Притом что отдельные особенности русского местоименного инпута попадают в сферу внимания исследователей со времени выхода в свет фундаментальных трудов по грамматике детской речи А. Н. Гвоздева (например, рассматривалось влияние инпута на развитие у ребенка системы первичного дейксиса, местоименной посессивности и способности к прагматически и синтаксически верному разрешению анафоры при восприятии речи [Краснощекова 2016]), коррелятивный анализ упомянутых типов высказываний не становился предметом системного обсуждения (ср. [Чиглова 2019]). Вместе с тем в кросс-лингвистических исследованиях детской речи (в частности, проводимых в проекте В. У. Дресслера «Пре- и протоморфология в усвоении языка») высказывается предположение о том, что онтогенез ЛМ может быть обусловлен морфологическим богатством усваиваемого языка и наличием / отсутствием а нем субъектного продропа. К сравнению привлекается ряд языков, в числе которых германские, романские, тюркские, финно-угорские и славянские [Gagarina et al. 2024]. Участвуя в этом проекте и разделяя его теоретические и методологические установки, в настоящем — пилотном — исследовании мы хотели бы расширить число проверяемых гипотез, дополнив их корреляцией «*input vs output*».

2. С этой целью на материале лонгитюдного корпуса, отражающего коммуникативное взаимодействие мамы и типично развивающегося русскоязычного монолингвального мальчика третьего года жизни (совпадающего с первым годом онтогенеза персональности)⁴, предпринимается попытка выявить количественные (частотность, ее распределение) и качественные (грамматические и семантические) характеристики высказываний с продропом («0.ЛМ + личный глагол (ЛГ)») в инпуте, а также установить наличие / отсутствие корреляционной связи с соответствующими особенностями детской речи. «Продропные» реплики взрослого анализируются на широком фоне его местоименно-глагольных и безглагольных высказываний с ЛМ, в том числе с нулевой связкой *быть* (см. подробнее [Казаковская 2024]).

3. Результаты количественного анализа выявили частотные доминанты местоименного инпута. Так, высказывания взрослого с ЛМ в субъектной позиции составляют 23% общего числа его реплик и 60% реплик с местоимениями различных разрядов в форме им. п., тогда как высказывания с 0.ЛМ — 10% всех реплик. Большинство ЛМ (78%) используется в сочетании (координации) с глаголом (из них в форме наст. / буд. времени — 55%, в форме прош. — 23%). Соответственно, 22% приходится на различные безглагольные употребления ЛМ. Распределение частотности

⁴ Языковой материал представляет собой расшифрованную и морфологически размеченную в соответствии с конвенциями CHILDES [MacWhinney 2000] спонтанную речь: 8 часов записи; 11450 реплик, из которых 4750 принадлежат ребенку и 6700 — взрослому. Сердечно благодарим К. А. Байду за предоставленные записи. Релевантные особенности местоименного онтогенеза в речи мальчика представлены, в частности, в [Казаковская 2024].

конструкций с ЛМ и 0.ЛМ демонстрирует незначительные колебания: к концу наблюдений доли безглагольных реплик с ЛМ и местоименно-глагольных конструкций с прошедшим плавно увеличиваются, в то время как доля реплик с 0.ЛМ остается стабильной.

Дистрибутивный анализ лично-числовой семантики высказываний выявил следующие различия. В местоименно-глагольных конструкциях ведущим оказывается ЛМ 2-го лица ед. ч. (60–70%). Причем в первые полгода наблюдений (до 2;6⁵) *ты* присутствует в абсолютном большинстве контекстов, употребляясь с ЛГ в основном в вопросах (*Ты хочешь / любишь / будешь...? Как ты думаешь?*) и с глаголами в форме прошедшего времени — в констатациях: *Ой, ты взял фотоаппарат* (2;4). После 2;6 доля *ты* уменьшается (20–30%), а в репликах с ЛГ становятся заметными реакции, позитивно оценивающие действия ребенка: *Ты очень хорошо держишь карандаш, замечательно* (3;0). Показательно, что в это время возрастает доля ЛМ 3-го лица. Взрослый начинает обсуждать с ребенком ситуации с участием персонажей книг, мультфильмов, игр: *А насто... а обыкновенные дикие коалы / они не умеют водить самолет. <...> Да, они умеют лазить по деревьям, и они любят есть листики зеленые. <...> Ну, в мультфильме вот они как будто бы такие как люди, ходят, ходят, и работают, носят одежду и разговаривают* (2;9), а также говорит о событиях, происходящих вне «здесь и сейчас». ЛМ *я* чаще используется в контекстах, отнесенных к плану наст. / буд. времени и отражающих интеллектуальную или перцептивную деятельность (*Я (не) знаю / думаю / вижу...*), чем в высказываниях о прошлом, обычно комментирующих действия: *Я купила мармелад* (2;3): 30% vs 17%.

В безглагольных репликах с ЛМ на протяжении всего периода доминирует 3-е (кумулятивное) лицо (50%): *Обычно скорая помощь белая с красным, а тут она целиком красная, как пожарная машина* (2;10). ЛМ *ты* и *я* менее частотны (32% и 12% соответственно): *Ну, Кирилл, ты голодный?* (2;9). Значимые изменения в безглагольном употреблении ЛМ отсутствуют.

В высказываниях с 0.ЛМ первое и второе место по частотности занимают 0.*ты* и 0.*мы* (50% и 25% соответственно). При этом 0.*мы* используется в репликах, приглашающих ребенка к совместным действиям: *Пошли хоть вниз сходим. <...> Проверим, дед там или не там* (2;4); 0.*ты* и 0.*я* — при глаголах, формирующих модусную рамку (*хочешь, думаешь, видишь, знаешь; не знаю, вижу*). ЛМ 3-го лица опускаются редко: Ребенок (Р.): *Красный Иж*. Взрослый (В.): *Красный*. Р.: *Это гараж его*. В.: *Его гараж? Он туда поедет, да. И 0; будет там стоять, в гараже?*

Сопоставление речи взрослого и ребенка показало сходные и различные тенденции. Зафиксированный в речевой продукции ребенка местоименный «взрыв» в 2;5–2;6 происходит через месяц после увеличения в инпуте частотности высказываний с местоимениями всех разрядов. В обоих подкорпусах соотносительными оказались доли местоименно-глагольных высказываний и безглагольных реплик с ЛМ: на протяжении почти всего периода преобладают первые. Однако в сфере их темпоральных характеристик речь ребенка демонстрирует «стратегию», противоположную обнаруженной в инпуте: после 2;6–2;7 доля конструкций, отнесенных к плану наст. / буд. времени возрастает, к прошедшему — снижается. Количество высказываний с 0.ЛМ в речи ребенка невелико и постепенно увеличивается (до 5% общего числа высказываний), тогда как в инпуте оно остается практически неизменным.

4. Таким образом, соотношение между употреблением различных конструкций с ЛМ в инпуте и в речевой продукции ребенка в целом сходно: местоименно-глагольные высказывания преобладают над безглагольными репликами с ЛМ, высказывания с ЛГ — над высказываниями с глаголами в форме прошедшего времени. По мере взросления ребенка речь матери становится менее ситуативной и дейктически ограниченной, что

⁵ Возраст ребенка приводится в годах и месяцах.

влечет за собой изменение персональных и темпоральных характеристик ее реплик. Несмотря на то, что в инпуте высказывания с 0.ЛМ менее частотны (в сравнении с местоименно-глагольными), они используются с достаточной регулярностью для появления продропа в речи ребенка.

8. Казаковская В. В. Личные местоимения и их пропуск (*pro-drop*) на ранних этапах усвоения языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 2 (40). С. 133–149.
9. Краснощекова С. В. Местоименный дейксис в русской детской речи: Дисс. ... канд. филол. н. СПб.: ИЛИ РАН, 2016.
10. Чиглова Е. И. Стратегии освоения категории лица в русском языке. Дисс. ... канд. филол. н. Череповец: Б. и., 2019.
11. Gagarina N., Özsoj O., Haffner E., Aksu Koç A., Argus R., Avram L., Hrzica G., Kazakovskaya V., Ketz N., Korecky-Kröll K., Košutar S., Pavlinusic Vilus E., Rosenberg M., Sandström L., Stephany U., Stoicescu I., Voeikova M., Dressler W. U. Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and *pro-drop* // IASCL — 2024 (*accepted*).
12. MacWhinney B. The CHILDES project: tools for analyzing talk. 3rd edition. Mahwah; New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

Киреев Нияз Илдарович
École normale supérieure — PSL
(Париж, Франция)
niyazkireyev@gmail.com

Плунгян Владимир Александрович
ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
plungian@gmail.com

Еще раз о русском *всё равно*: парадоксы диахронической морфологии

Выражение *всё равно* фиксируется в русском языке с начала XVIII века. Такая датировка, а также тот факт, что уже в самых ранних употреблениях мы имеем дело со вполне идиоматизированной конструкцией, заставляет предполагать, что в основе этого выражения лежит иноязычная калька. Несмотря на относительно позднее время появления в русском языке, *всё равно* успело пережить ряд любопытных семантических и особенно морфологических изменений; последним и будет в основном посвящено наше исследование.

По Л. Л. Иомдину [2010], «синтаксическая фразема» *всё равно* имеет три значения:

1. *всё равно P* ‘в любом случае P’.
2. *X-у всё равно, что P* ‘X-у безразлично, что P’ (с необязательными валентностями на экспериенцер и (сентенциальный) стимул).
3. *P всё равно что Q* ‘P то же самое, что Q’.

Значения различаются типами синтаксических контекстов и аргументной структурой (иначе говоря, образуют разные конструкции). В традиционной терминологии, в (1) представлено наречие, в (2) и (3) — предикативы, но разных семантических классов и с разной аргументной структурой.

Как показывают корпусные данные (согласующиеся с нашей гипотезой о происхождении этого выражения), в действительности самым ранним является «экспериенциальное» значение (2), а (3) получено эволюцией ‘X-у безразлично, Y или Z’ → ‘(для X-а) Y — то же самое, что и Z’ → ‘Y равносильно Z’; наречное же значение (1) оказывается

диахронически самым поздним. В докладе мы будем говорить в первую очередь о самом раннем *всё равно*-2.

В конструкции (2) *всё равно* выступает в качестве стативного предиката ‘безразлично’. Это значение идиоматично: предикатив *равно* сам по себе не выражает эмоций, а местоимение *всё* не выступает здесь в своём основном значении «полного охвата». Тем самым, семантически *всё равно* является некомпозициональным. Морфологически же это не совсем так: выражение продолжает в каком-то смысле оставаться двухкомпонентным, но тенденция к переходу от сочетания двух слов к слитному комплексу («вторичной словоформе») действует непрерывно на протяжении двух последних столетий.

В докладе будут подробно рассмотрены наиболее интересные с морфологической точки зрения случаи функционирования *всё равно* как «разрывной словоформы». Сегодня основной контекст таких употреблений — отрицательно-вопросительная конструкция с частицей *ли* и личным местоимением (вида *не всё ли нам равно?*). Вопреки А. В. Циммерлингу [2018: 167], экспериенцер (даже неместоименный) в некоторых случаях может помещаться внутрь выражения: *не всё ли Богу равно!* [Ан. Цветаева]. Более того: в прошлом имелись гораздо более разнообразные возможности линейного расположения компонентов этой конструкции. Парадоксальным образом, в связи с десемантизацией элемента *всё*, морфологизации (и просодическому объединению) независимо подвергалось как *всё равно*, так и частотное сочетание *не всё ли (X-у) равно*.

Диахронические процессы такого рода интересны не только сами по себе, но и в связи с более общими проблемами морфологии, изученными до сих пор недостаточно: образование вторичных словоформ, состав и свойства классов фразантов и клитик (в том числе эндоклитик, статус которых остается дискуссионным).

Литература

Иомдин Л. Л. 2010. Синтаксическая фраза ВСЁ РАВНО // Ю. Д. Апресян (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: ЯСК. С. 156–162.

Циммерлинг А. В. 2018. *Так им и надо*: нужны ли эндоклитики для описания русской грамматики? // Русский язык в научном освещении, 2 (36). С. 159–179.

Князев Михаил Юрьевич
ИЛИ РАН; НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург;
МГУ им. М.В. Ломоносова
(Санкт-Петербург, Россия)
misha.knjazev@gmail.com

Неоднозначность при глаголах типа *объяснять* и островные свойства придаточного: экспериментальное исследование

Сентенциальный актант (СА) со *что* при глаголах типа *объяснять* (также *аргументировать*, *прокомментировать* и др.) может интерпретироваться либо как «содержание сообщения» (*Петя опоздал. Он объяснил, что забыл телефон и ему пришлось возвращаться домой*) при нефактивном прочтении, либо как «содержание факта» (*Петя (этим) объяснил, что пропустил урок*) при фактивном прочтении. В своих недавних работах Т. Бондаренко (2021, 2022) предлагает анализ этой неоднозначности в синтаксических терминах, а именно при фактивном прочтении СА является скрытой именной группой и вложен в нулевую оболочку DP, которая может факультативно

выражаться *то*, тогда как при нефактивном прочтении СА является обычным придаточным без DP-оболочки (CP), что объясняет маргинальность *то* в этом значении. В качестве аргумента в пользу такого подхода приводится запрет на вынос из фактивного СА при *объяснять* (**Что Петя (этим) объяснил, что пропустил?*), ср. допустимость выноса из нефактивного СА (^{OK}*Что Петя объяснил, что забыл дома?*), который может объясняться блокирующим эффектом DP-оболочки. Этот аргумент, однако, основан на неформальных суждениях, при этом речь идет о довольно тонких различиях, где возможна вариативность между носителями. В докладе будет рассказано о систематической проверке этого анализа в эксперименте на оценку приемлемости, в котором сравнивались 2×2×2 условия (ТИП ПРОЧТЕНИЯ × НАЛИЧИЕ ВЫНОСА × ТИП ПРИДАТОЧНОГО) для 4 предикатов, показывающих неоднозначность (*объяснить, аргументировать, прокомментировать, обосновать*). Эксперимент в целом подтвердил наблюдения Т. Бондаренко, хотя были также обнаружены некоторые различия между глаголами, которые будут обсуждаться в докладе.

Крайнова Анастасия Владимировна

МГУ им. М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

stacy.krainova@gmail.com

Анафора в русских событийных и предметных именных группах

Данная работа посвящена изучению анафоры в событийных и предметных именных группах русского языка.

Практически все предыдущие исследования анафоры на материале русского языка были сделаны для аргументных и притяжательных позиций анафорических выражений в клаузе (позиции подлежащих и дополнений – падежных и предложно-падежных – глаголов): это работы [Козинский 1983], [Rapport 1986], [Падучева 1983, 1985], [Тестелец 2001]. На основании таких контекстов было обнаружено, что анафоры – возвратные и взаимные местоимения — в русском языке характеризуются локальными областями разного размера, и кроме того, для рефлексива и прономинала дополнительным фактором является субъектная ориентация.

Во многих языках именная группа выступает одной из составляющих, чьи границы могут быть релевантны для определения локальной области. В частности, важным фактором непрозрачности оказывается подлежащее – посессор, обладающий структурным приоритетом над всем остальным материалом именной группы.

Для русского языка в этой связи возникает несколько вопросов, на которые мы бы хотели ответить в данном исследовании.

Во-первых, необходимо выяснить, может ли именная группа выступать в роли локальной области, и, если да, какими свойствами она должна для этого обладать (иметь выраженный притяжательный посессор/генитивный посессор/имплицитный посессор).

Во-вторых, необходимо определить, способны ли посессоры разных типов выступать в роли связывателей тех выражений, которые демонстрируют субъектную ориентацию, могут ли они иметь разную степень прозрачности для их связывания.

В-третьих, поскольку именные группы с событийным и предметным значением предположительно имеют разную аргументную структуру, как было замечено в работах [Alexiadou 2001], [Rapport 2005], [Лютикова 2018], необходимо проверить, как это влияет на возможность синтаксической дистрибуции анафорических средств разного типа в составе таких именных групп.

В-четвертых, пилотные исследования выявили расхождение между носителями русского языка в оценках стимулов с анафорами внутри именной группы, связанными извне группы, поэтому хотелось бы выявить основные типы индивидуальных грамматик, стоящих за такими оценками.

Для прояснения данных вопросов нами было проведено экспериментальное исследование. Эксперимент включал следующие независимые переменные и их уровни: тип именной группы (предметная или событийная), тип анафора (рефлексив *себя* и реципрок *друг друга*) и тип внешнего аргумента именной группы (невыраженный, притяжательный и генитивный). Таким образом, наш эксперимент насчитывал 12 условий. В экспериментальных предложениях мы поместили анафорические местоимения внутрь именных групп, управляющих предложениями или косвенным падежом, и расположили данные именные группы в позиции прямого или косвенного объекта в предложении. Далее для того, чтобы выявить связывателя анафора в каждом конкретном предложении, мы предлагали респонденту ответить на вопрос и также предлагали четыре варианта ответа, которые представляют собой все возможные варианты референции (см. Таблицу 1 с примерами стимулов и вопросов).

Таблица 1.

Стимул	Натasha похвалила книгу о себе.			
Вопрос	О ком была книга?			
Ответы	Только о Наташе.	Только о ком-то другом.	Или о Наташе, или о ком-то другом.	Ни один вариант не подходит.
Стимул	Натasha похвалила дядину книгу о себе.			
Вопрос	О ком была книга?			
Ответы	Только о Наташе.	Только о дяде.	Или о Наташе, или о дяде.	Ни один вариант не подходит.
Стимул	Натasha и Гоша анализировали умалчивание друг о друге.			
Вопрос	О ком умалчивали?			
Ответы	Только о Наташе и Гоше.	ответы	Только о Наташе и Гоше.	ответы
Стимул	Натasha и Гоша анализировали умалчивание дяди и тётки друг о друге.			
Вопрос	О ком умалчивали дядя и тётка?			
Ответы	Только о Наташе и Гоше.	Только друг о друге.	Или о Наташе и Гоше, или друг о друге.	Ни один вариант не подходит.

В результате проведения данного экспериментального исследования нами были выявлены значительные отличия в связывании рефлексива и реципрока в событийных и предметных именных группах: в событийной именной группе данные местоимения имеют более выраженную тенденцию быть связанными со стороны внешнего аргумента группы, а в предметной – в относительно равной степени как со стороны подлежащего клаузы, так и со стороны внешнего аргумента. Помимо этого, нами были выявлены различия в связывании рефлексива и реципрока в контекстах разных именных групп, а также различный потенциал притяжательной и генитивной форм внешнего аргумента к созданию локальной области для анафоров. Более подробное описание результатов и их анализ будет представлен в докладе.

Литература

- Козинский 1983 — *Козинский И. Ш.* О категории «подлежащее» в русском языке // Предварит. публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике ИРЯ АН СССР. М., 1983, Вып. 156.
- Лютикова 2018 — *Лютикова Е.А.* Структура именной группы в безартиклевом языке. М.: ЯСК. 2018.
- Падучева 1983 — *Падучева Е. В.* Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности. Семиотика и информатика. Вып. 21. М.: ВИНТИ. 3–33. (Переизд.: Падучева Е.В. 2009. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур. 181–203).
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью.
- Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный гуманитарный университет.
- Alexiadou 2001 — *Alexiadou A.* Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity (Vol. 42). John Benjamins Publishing.
- Rappaport 1986 — *Rappaport G.* On anaphor binding in Russian. *Natural Language & Linguistic Theory*, 4(1), 97-120.
- Rappaport 2005 — *Rappaport G.* The syntax of possessors in the nominal phrase: Drawing the lines and deriving the forms // *Possessives and beyond: Semantics and syntax* / ed. by Ji-Yung Kim, B. Partee, Yu. Lander. University of Massachusetts Occasional Papers (UMOP) 29. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 243–261.

Крылов Сергей Аалександрович

ИБ РАН

(Москва, Россия)

krylov-58@mail.ru

Ближний и дальний информационный потенциал академических грамматик русского языка 1952-1990 гг.

Какова структура того массива знаний — информационного потенциала (ИП), который был внесён в науку академическими грамматиками (АГ) 1952-1990 гг.?

Прежде всего попытаемся уточнить объём (экстенционал) понятия «АГ». Общепринятым является «узкое» понимание этого объёма, то есть ограничение его тремя историческими звеньями, а именно: одной АГ эпохи В. В. Виноградова (1952-1960); и двумя АГ эпохи Н. Ю. Шведовой (1970 и 1980-1982). Представляется, что такое сужение предмета исследования несколько огрубляет реальную историю предмета. Я предлагаю

несколько расширить объём понятия «АГ»), включив в него ещё несколько памятников научной мысли: (перечисляя в хронологическом порядке) Грамматика 1952; Грамматика 1954а; Грамматика 1954б; Грамматика 1960а; Грамматика 1960б; Принципы 1965; Основы 1966; РЯ—ГИ 1967; Грамматика 1970; Проспект 1972; Грамматика 1980а; Грамматика 1980б; Грамматика 1982а; Грамматика 1982б; КРГ 1989; СиГЗЯ-Г 1989; СиГЗЯ-И 1989; РГ 1990; Шведова & Белоусова 1998; Шведова 1995; КРГ 2002; Грамматика 2005; Грамматика 2006.

Этот ИП подразделяется на 2 части:

(I) «ближний ИП» (для описания которого не требуется выходить за пределы данной АГ) и

(II) «дальний ИП» (для описания которого такой выход необходим).

В (I) входит справочный аппарат (путеводитель по корпусу АГ). Он включает следующие компоненты.

§ 1. Индекс терминов. Этот индекс включает две разновидности линеаризации (линейной подачи информации), отличающиеся друг от друга принципом упорядочения простых терминов в составе составного термина:

1а. в том (нейтральном) порядке, в котором они обычно идут в исходном тексте данной АГ; и

1б. в порядке логической иерархии, диктуемой двумя принципами:

1.1б'. гипероним подаётся перед его гипонимами;

1.1б''. наименование абсолютного термина, заполняющего некоторую смысловую валентность, подаётся перед наименованием реляционного термина, обладающего этой валентностью.

§ 2. Индекс теоретических источников.

Основной вид теоретических источников – это

2. индивидуальные труды лингвистов (преимущественно русистов); однако практически удобно к той же рубрике относить также

2*. коллективные труды лингвистов (грамматики, словари и коллективные труды)

Индекс 2 имеет три разновидности линеаризации (линейной подачи информации). А именно:

2а. Прямой алфавитный порядок фамилий лингвистов (а также 2*а прямой алфавитный порядок имён коллективных трудов).

2б. Хронологический порядок.

2б'. по годам жизни лингвистов

2б''. по годам выхода их книг (то есть преимущественно грамматик и словарей русского языка, в том числе коллективных трудов).

2в. Рейтинговый порядок (по наукометрическим «рейтингам» лингвиста), то есть в порядке уменьшения числа ссылок на данного лингвиста (или на данный коллективный труд) в составе текста данной АГ.

§ 3. Индекс имён языковых единиц, проанализированных в АГ. Такие единицы подразделяются на три важнейших типа, что даёт нам основания подразделить и соответствующий индекс на 3 части («а», «б», «в»):

3а. Индекс значимых (знаковых, двусторонних) единиц языка (лексем, словоформ, морфем, конструкций и т. п.);

3а.1. Индекс лексем, в т. ч.

3а.1а. прямой алфавитный ⁶;

3а.1б. обратный алфавитный ⁷;

3а.1γ. Частотный ранговый.

3а.2. Индекс словоформ, в т. ч. косвенных (= незаглавных, несловарных, непрямых).

3а.2а. прямой алфавитный;

3а.2б. обратный алфавитный ⁸;

3а.2γ. Частотный ранговый.

3а.3. Индекс служебных морфем.

3а.3а. прямой алфавитный;

3а.3б. обратный алфавитный;

3а.3γ. Частотный ранговый.

3а.4. Индекс конструкций.

3а.4а. прямой алфавитный;

3а.4б. обратный алфавитный;

3а.4γ. Частотный ранговый.

3б. Индекс единиц плана выражения.

(в т. ч. для устной формы языка это

3б.1. Индекс фонем;

а для письменной формы языка это

3б.2. Индекс графем;

3в. Индекс единиц плана содержания (сем).

Он включает следующие индексы- подкомпоненты.

3в.1. Семасиологический.

3в.2. Ономасиологический.

3в.3. Диктально-онтологический.

3в.4. Модально-прагматический.

§ 4. Индекс языковых источников (преимущественно письменных), из которых извлекались иллюстративные примеры. Эти источники, как правило, представляют собой тексты (но иногда и совокупности текстов, опубликованных в СМИ).

Для идентификации такого источника, как правило, оказывается достаточным указать фамилию автора текста. Систематизация материалов такого рода происходит с помощью основного компонента индекса (4) – а именно, такого, как

⁶ Образец такого индекса представлен, напр., в Isačenko 1962b: 666-706.

⁷ Образцы такого индекса см. Поливанова 1967: 327-362; Крылов 2009а.

⁸ Образец такого индекса см. Крылов 2009б: 327-362.

4а. Прямой алфавитный индекс фамилий авторов.

Однако для уточнения т. н. «микро-диахронических» параметров оказывается полезным привлечь и дополнительные факторы – такие, как годы жизни автора и датировки принадлежащих ему текстов. Поэтому в раздел 4 добавляются две хронологических таблицы:

4б. Хронологическая таблица годов жизни авторов (в этом случае фамилии авторов идут в хронологической последовательности) и

4в. Хронологическая таблица датировок текстов, являющихся источниками языковых примеров (в этом случае сами цитируемые тексты идут в прямом хронологическом порядке).

В (II) содержится библиографический список ссылок на АГ, содержащихся в лингвистической литературе второй половины XX и первой четверти XXI в. (в т. ч. имён лингвистов-русистов и хронологии ссылок на АГ).

Список сокращений

- Грамматика-1952 — Виноградов В. В. (гл. ред.). Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952.- 720 с.
- Грамматика-1954а — Виноградов В. В. (гл. ред.). Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Часть 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954.- 704 с.
- Грамматика-1954б — Виноградов В. В. (гл. ред.). Грамматика русского языка. Т. I. Синтаксис. Часть 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954.- 444 с.
- Грамматика-1960а — Виноградов В. В. (гл. ред.). Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960.- 720 с.
- Грамматика-1960б — Виноградов В. В. (гл. ред.). Грамматика русского языка. Т. I. Синтаксис. Часть 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960.- 704 с.
- Грамматика-1970 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. - М.: Наука, 1970.- 767 с.
- Грамматика-1980а — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980.— 783 с.
- Грамматика 1980б — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.— 709 с.
- Грамматика 1982а — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982.— 783 с.
- Грамматика 1982б — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1982.— 709 с.
- Грамматика 2005 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: ИРЯ РАН, 2005. 783 с.
- Грамматика 2006 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Т. 2. Синтаксис. М.: ИРЯ РАН, 2006.- 709 с.
- Зализняк 1967 - Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967.- 370 с.
- КРГ 1989 — Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (отв. ред.): Краткая русская грамматика.- М.: Рус. яз., 1989.- 639 с.
- КРГ 2002 — Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (отв. ред.): Краткая русская грамматика.- М.: Рус. яз., 2002.- 726 с.
- Крылов 2009а — Крылов С. А. Указатели. IV.1. Инверсионный указатель к словарю словообразовательных инноваций // Цейтлин 2009, с. 581-584.

- Крылов 2009б — Крылов С. А. Указатели. IV.2. Инверсионный указатель анализируемых словоформ // Цейтлин 2009, с. 585-592.
- Основы 1966 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. АН СССР. Ин-т рус. яз.- Москва: Наука, 1966.- 211 с.
- Поливанова 1967 — Поливанова А. К. Указатель слов // Зализняк 1967: с. 327-362.
- Принципы 1966 — Принципы построения описательной грамматики современного русского литературного языка: Тезисы докладов на Заседании Ученого совета. Февраль 1965 г. Акад. наук СССР. Ин-т русского языка. - Москва: Б. и., 1965. - 67 с.
- Проспект 1972 — Проспект “Русской грамматики”. - М.: ИРЯ, 1972.- 147 с.
- СиГЗЯ-Г 1989 — Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (отв. ред.). Слово и грамматические законы языка: Глагол. М.: Наука, 1989. - 294 с.
- СиГЗЯ-И 1989 — Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (отв. ред.). Слово и грамматические законы языка: Имя. М.: Наука, 1989.- 351 с.
- РГ 1990 — Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (отв. ред.). Русская грамматика. - М.: Рус. яз., 2-е изд., испр. М., 1990. – 639 с. (= КРГ 1989).
- РЯ-ГИ 1967 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Русский язык. Грамматические исследования: Сб. ст. Отв. ред. - М.: Наука, 1967.- 234 с.
- Цейтлин 2009 — Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак. 2009.- 592с.
- Шведова 1998 — Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства.- М.: Азбуковник, 1998.- 176 с.
- Шведова & Белоусова 1995 — Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий.- М.: ИРЯ, 1995. – 120 с.
- Isačenko 1962a — Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart, Teil I. Formenlehre. Halle (Saale), Niemeyer, 1962. – xvi + 706 S.
- Isačenko 1962b — Isačenko A. V. Wortregister // Isačenko 1962a. – S. 666-706.
- Isačenko 1968 — Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart, Teil I. Formenlehre. 2. Aufl. München: Hüber, 1968. – xvi + 706 S.

Крысин Леонид Петрович
 Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
 (Москва, Россия)
 leonid-krysin@mail.ru

**Типы грамматической информации о слове
 в «Толковом словаре русской разговорной речи»**

«Толковый словарь русской разговорной речи» отличается от других толковых словарей современного русского языка прежде всего тем, что в нем описывается преимущественно лексика устной коммуникации носителей русского языка.

Словарная статья в этом словаре состоит из одиннадцати зон, в каждой из которых содержится определенный тип информации о слове:

- 1) ВХОД в статью – в виде описываемого в этой статье слова в его «словарной» форме, как в обычных толковых словарях.
- 2) Иллюстративные примеры употребления слова в речи.
- 3) MORPH: зона морфологии.
- 4) SYNT: зона синтаксиса.
- 5) STYL: зона стилистических характеристик.
- 6) SYN: синонимы.
- 7) ANT: антонимы.
- 8) CONV: конверсивы.
- 9) ANALOG: аналоги.
- 10) PHRAS: зона фразеологии.
- 11) PRAGM: зона прагматики.

В этом моем сообщении я коснусь только двух зон – MORPH и SYNT – и типов той грамматической информации, которая имеется в каждой из этих двух зон.

1. В зоне MORPH содержится характеристика слова в виде указания на его род, число, одушевленность – для существительных, наличия/отсутствия видовой пары – для глаголов, а также указывается принадлежность слова к той или иной части речи; это пометы *прил., нареч., частица, междом.* и др.

Специфика этих грамматических сведений о слове заключается не в них самих: они такие же или почти такие, как в обычных толковых словарях, - а в том, что содержащаяся в зоне MORPH информация в а р и а т и в н а .

Например, сведения о наличии или отсутствии у того или иного существительного форм множественного числа фиксируются четырьмя видами записи в зоне MORPH:

(1) указанием на род существительного: *м.; ж.; с.* – это своего рода имплицитур: указание на род служит одновременно свидетельством того, что, во-первых, перед нами существительное и, во-вторых, у такого существительного нет ограничений на образование форм множественного числа; подтверждение этого – в зоне иллюстраций, где даются примеры употребления разных падежных и числовых словоформ (см. ниже);

(2) *мн. малоупотр.;*

(3) *мн. неупотр.;*

(4) *мн. нет.*

В большинстве толковых словарей обычно даются две пометы: *мн. нет* или *только ед. ч.* (см., например, МАС), либо подобная информация отсутствует (см. БТС).

Приведу по одному примеру словарных статей с существительных мужского рода с этими видами помет.

ПРИКО́Л.

DEF: что-л. забавное (шутка, розыгрыш и т.п.). — *Да ладно/ Ванек/ не обижайся// Я же просто прикалываюсь// — Да надоел ты уже со своими приколами! Не видишь/ настроение плохое// Так что лучше не нарывайся//* (Разговор двух школьников // Из материалов Ульяновского университета, 2007); — *А почему бы и не за Рыбкина/ смешно же// От такого смешно/ могут за него проголосовать// — Да/ ради прикола могут// — Молодежь/ правильное слово/ для прикола будут голосовать//* (Фонд «Общественное мнение», Самара, 2004); *Когда мы читаем, что мэр Лондона ездит на работу на велосипеде, то считаем, что это какой-то прикол* (Известия, 20.01.2014).

MORPH: *м.*

STYL: *сленг.*

SYN: примочка (в 1 знач.), фейк, фенька, фишка, хохма.

PHRAS: **по приколу** – ради шутки, розыгрыша. — *Тебе-то на фига?* —

Просто так. По приколу (А. Геласимов. Год обмана); — *Скажи, сколько стоит книгу написать? У меня бабки есть, я конкретно говорю. Издадим, пацаны порадуются. Мне по фигу, просто ну чисто по приколу. Давай, а? Сделаешь?* (А. Белозеров. Чайка).

ХОЗЯ́ИН.

1. DEF: глава чего-л., начальник (обычно по отношению к подчиненным). [В малом бизнесе:] *Нас вызвал хозяин и сказал/ «Вы что? Соображаете/ что вы говорите?»* (Дебаты главы Фонда борьбы с коррупцией А. Навального и телеведущего В. Познера, 2016); *Личный телохранитель, только что приехал вместе с хозяином* (Е. Козырева. Дамская охота); *Я просто выполнял твои прихоти// Ты жена хозяина магазина// А я ночной продавец// Я маленький человек//* (К/ф «Ночной продавец», 2004); [Рабочий-строитель – прорабу:] *Хозяин! Деньги привёз/ нет? Деньги!* (К/ф «Есть идея», 2003); *Вот ты начнешь своего хозяина защищать/ а сзади тебя ножом пёрнули/ и что делать дальше? Деньги тебе хозяин выплатит? Нет/ он ничего тебе не выплатит//* (Фонд «Общественное мнение», Самара, 2004); — *А кто у вашей фирмы щас хозяин-то? — У нас не хозяин/ а хозяйева/ их целых три/ три брата//* (Запись устной речи, 2012).

MORPH: м., одуш.; мн. (хозяйева) малоупотр.

STYL: сниж.

SYN: босс, сам² (в 1 знач.), шеф (во 2 знач.).

ANALOG: авторитет, бугор², главный.

ХВОСТ.

DEF: конечная часть чего-л. протяженного и обычно движущегося. *Она стояла в самом хвосте очереди, держала за руку маленькую девочку* (В. Токарева. Фараон); *С хвоста колонны к нам бежал, хлюпая по лужам, начальник конвоя* (А. Жигулин. Черные камни); *На дороге к полустанку стояла длинная шеренга автомашин, хвостом достигая леса* (Э. Казакевич. Звезда); *Повсюду огромные очереди — голова в магазине, хвост на улице* (И. Грекова. Перелом); *Василь Василыч разулыбался, мечтательно посмотрел в хвост уходящему трамваю* (Слава Сэ. Ева).

MORPH: м.; мн. (хвосты) неупотр.

SYNT: чего.

ANT: голова (в 4 знач.).

Это одно из нескольких значений слова *хвост*, в других – тоже разговорных – сохраняется возможность употребления его в формах множ. числа: *У этого студента хвосты по нескольким предметам*; часть работы, не сделанная вовремя: *Надо подчищать хвосты по нашему проекту*; вид прически: *Сейчас и мужики взяли моду с хвостами ходить* и нек. др.

ТЕНЁК.

DEF: тенистое место. — *В джинсах мне жарко// — Тада пошли в тенёк//* (Разговор на улице // Из коллекции НКРЯ, 2001); *Белёное жаркое солнце глаза слепило, искали тенёк, где можно оставить «Москвич»* (Н. Кожевникова. Лодка на тихой реке); — *Послушай, пойдём, что ли, купим пива, посидим где-нибудь в теньке...* (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч); — *Мне доктор запретил пи-и-ть, — слабым голосом заявил положенный в тенёк Аркаша* (А. Эппель. Сладкий воздух).

MORPH: м.; мн. (*тенькí) нет.

SYN: холодок (во 2 знач.).

Обращусь к зоне MORPH в словарных статьях г л а г о л о в .

Регулярной здесь является информация о наличии или отсутствии форм *сов.* и *несов.* вида, а также о малой их встречаемости в разговорной речи. В особенности это характерно для глаголов, обозначающих физические действия: в одних случаях нет видового соответствия у глаголов совершенного вида, в других, напротив, у глаголов вида несовершенного.

Примеры:

— глаголы ДЕРБАЛЫЗНУТЬ ‘сильно ударить’, ХЛОПНУТЬ² ‘застрелить’, ПРИШИТЬ ‘убить’ не имеют форм *несов.* вида (в зоне MORPH помета: *несов.* нет);

— глаголы ВКАЛЫВАТЬ, ГОРБАТИТЬСЯ, ИЩАЧИТЬ, ПАХАТЬ в значении ‘тяжело работать’ не имеют форм *сов.* вида (в зоне MORPH помета: *сов.* нет).

Так же, как и в словарных статьях существительных, некоторые глагольные лексические единицы должны сопровождаться не просто запретом, а степенями такого запрета на наличие/отсутствие видового соответствия. Например, у НАМАХАТЬСЯ ‘сильно устать от работы’ нет соответствия в форме *несов.* вида *НАМАХИВАТЬСЯ, следовательно, в зоне MORPH глагола НАМАХАТЬСЯ необходима запись: *несов.* нет.

Казалось бы, и у близкого по смыслу глагола НАТРУДИТЬСЯ ‘о руках и ногах: продолжительной и тяжелой работой утомить, привести в болезненное состояние’ - помета должна быть такая же: *несов.* нет. Но этому препятствуют данные Корпуса: там находим пример из повести Б. Пильняка «Мать сыра-земля»:
... пахнет полынью, блестит под луной кремь, пылятся, **натруживаются** ноги. Однако это 1924-й год, по времени – не «наш» языковой материал. И всё же категорическое: *несов.* нет – составитель словаря указать не вправе. Более приемлемы смягчающие: *несов.* малоупотр. или *несов.* неупотр.

Можно было бы поговорить и о некоторых других типах информации в зоне MORPH (например, о пометах *одуш.*, *неизм.*, *нескл.*, *собир.*, *безл.* и нек. др.), но я рискую не уложиться в разрешенное время доклада.

2. Перейду к характеристике зоны SYNT. Эта зона нагружена большей спецификой, чем зона MORPH. В соответствии со своим названием она содержит сведения о поведении описываемого слова в составе высказывания: здесь указываются сведения об актантах предикатных слов и о соответствующим моделях синтаксического управления, отмечается место слова в структуре высказывания, фиксируются стереотипные формы сочетаемости его с другими единицами в составе высказывания и нек. др. Особенно важна в этой зоне просодическая характеристика места и поведения слова в составе высказывания.

Приведу примеры.

(1) Некоторые глаголы, развивая переносные «разговорные» значения, теряют актантные связи: например, ВЫПИВАТЬ, ПИТЬ, КВАСИТЬ, УПОТРЕБЛЯТЬ не имеют зависимого в виде объекта соответствующего действия. Это глаголы, которые употребляются только в форме несовершенного вида:

– Ну а твой-то всё **пьёт**? Не перестал **квасить**? – Да слава Богу/ стал реже **выпивать**/ Иногда даже и по праздникам не **употребляет**//

В зоне SYNT таких глаголов имеется запись: *сов.* нет.

Другие, также разговорные слова, напротив, приобретают актантное значение, которое выражается в виде зависимого существительного: например, глаголы ЖИТЬ и СПАТЬ в значении ‘быть в сексуальных отношениях с кем-л.’ при употреблении в составе высказывания должны иметь при себе зависимый актант *с кем*, и это, естественно, отмечается в зоне SYNT словарных статей этих глаголов.

(2) Представляет интерес совмещение в одной словарной статье таких значений слова, которые имеют разный частеречный статус. Это представлено, например, в словарной статье слова ВЕРНЯК:

ВЕРНЯК.

1. DEF: несомненно. *Вдруг гляжу, рядом мужичонка аккуратненький сидит, один-распроединственный. Думаю: «Верняк, москвич тёртый. Дай расспрошу»* (А. Салуцкий. Немой набат); — *Эти гады всюду засады расставят, верняк! — Само собой, расставят, — задумался Артур* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть); *Теперь после политеха должны два года оттрубить по распределению. Ребята говорят — верняк на село пошлют!* (АиФ, 03.15.2006).

MORPH: нареч.

SYNT: в составе высказывания обычно находится под фразовым ударением.

STYL: сленг.

SYN: железно, стопроцентно, навверняка, сто пудов (см. сто), стопудово, точно, точняк, точняком.

PHRAS: **дело верняк** — о чём-л. несомненном, надёжном. — *Волнуется он зря: его дело верняк, статью благословили в одном из тех самых домов с колоннами, на которые он обрушился, так что он в порядке* (Ю. Трифионов. Утоление жажды).

2. DEF: нечто несомненное, верное. *Похоже, что в зашатавшейся русской культуре словарь Даля это такой... "верняк". То, на чём можно стоять, что без вранья и "без дураков", то, что хорошо сделано раз и на века* (Известия, 19.11.2001); *Вот и переключаются вчерашние «веселые рождерсы» на другой «верняк» — автомойки, гостиницы...* (КП, 28.05.2002); *Его [писателя] иронический детектив из 40-х годов «Госфорд-парк» идет здесь вне конкурса, но уже имеет «Золотой глобус» и считается одним из верняков в гонке за «Оскаром»* (Известия, 13.02.2002).

MORPH: м.

STYL: сленг.

Обращаю внимание на то, что во втором значении этого слова информация о фразовом ударении отсутствует (как и сама зона SYNT).

(3) Просодическая характеристика слова в составе высказывания. Этот аспект лексикографического описания слова отсутствует в современных толковых словарях, за исключением «Активного словаря» под редакцией Ю. Д. Апресяна, который справедливо настаивал на необходимости этой информации: в противном случае лексикографическое представление слова оказывается неполным. В словаре разговорной лексики просодическая информация о слове в составе высказывания в особенности важна и необходима, поскольку проблема фразового (или логического) ударения — это проблема главным образом з в у ч а щ е й речи, а не письменной.

Приведу примеры просодической характеристики слова при его употреблении в составе высказывания.

МЕЧТА!

DEF: о ком-чём-л., что очень нравится говорящему. *Собака идеальная! Мечта! Вот только её мама и папа где-то потерялись...* (Домашние животные // Форум, 2022); *Ребенку однозначно лучше будет: мало народу + пляж-море — мечта просто!* (Ребенок и отдых на море // Форум, 2022); *Тональный крем-который делает все за вас! Просто мечта, не правда ли!?* (К. Гришина. Бизнес, частная жизнь, искусство); *Ребята очень хорошие, платят в срок. Квартира будет в идеальном порядке, никаких ночных тусовок (оба жаворонки) — прямо мечта любого хозяина* (ВКонтакте, 25.10.2012).

MORPH: суц. в знач. междом.; неизм.

SYNT: обычно произносится с восклицательной интонацией, находится под фразовым ударением; может сочетаться с частицами *просто*, *прямо*.

SYN: атас²!, блеск!, жесь!, кайф!, класс!, отпад!, песня!, сказка! (в 1 знач.), супер!, улёт!, шик!

ANT: гадость, гнусь, говно (во 2 знач.), дерьмо (во 2 знач.), дрянь (во 2 знач.), мерзопакость, мерзота, отстой, пакость, ...

МОНСТР.

1. DEF: о том, кто поражает чем-л. крайне необычным, из ряда вон выходящим. [Хвалит работу сантехника:] — *От ты даешь! Видел мастеров/ но таких как ты пока не встречал! Как ты с этой проклятой раковиной справился? Ты просто монстр!* (Запись устной речи, 2021); — *Ну вы прямо монстр какой-то!* — восхищенно воскликнул я (КП, 22.09.2001); *Ложатся спать они в двенадцатом часу, а встают где-то в половине пятого. Просто монстры какие-то* (Известия, 06.09.2006).

MORPH: м., одуш.; преимущ. в форме им. ед. или им. мн.

SYNT: без доп.; употр. в функции сказуемого или при прямом обращении к собеседнику; находится под фразовым ударением; сочетается с местоименным прилагательным *какой-то*, с частицами *просто*, *прямо*; употребляется преимущественно в им. пад.

STYL: сленг.

SYN: гений, гигант, голова (в 3 знач.), зверь, мастодонт (во 2 знач.), молоток, ...

2. DEF: о том, кто является бесспорным лидером в какой-л. области (искусства, науки, бизнеса и т. п.). *Я очень благодарен организаторам конкурса за то, что они поставили меня в один ряд с настоящими монстрами шоу-бизнеса. Это огромный комплимент и знак доверия* (Новостной сайт, 2010); *Спасибо [учительнице], что загружала заданиями по полной! Некоторых учеников в нашем классе из-за этого даже называли «зверьми» и «монстрами» в математике!* (КП, 22.06.2009).

MORPH: м., одуш.

SYNT: чего, в чём.

STYL: сленг.

SYN: гений, гигант, голова (в 3 знач.), зверь, мастодонт (во 2 знач.), молоток, ...

НАТУРАЛЬНО.

1. DEF: естественно, разумеется. *Школа хорошая, престижная, английская, ведет директриса их [детей] на собеседование. Татьяна, натурально, волнуется* (Новая газета, 25.05.2018); *Не меньшее возмущение вызывала и отвратительная уборка дорог от снега — этой зимой город, натурально, оказался в снежном плену* (МК, 27.03.2016); *Ну и, натурально, шведов засунули на галерку Лиги чемпионов* (lenta.ru, 19.09.2014).

MORPH: вводн.

SYNT: обычно не находится под фразовым ударением.

SYN: само собой (см. сам¹).

2. DEF: действительно так. — *Окружают нас. — В каком смысле — окружают? — спросила Наталья Павловна. — Натурально окружают, — подтвердила Плотникова. — Со всех сторон...* (А. Волос. Из жизни одноглавого); *И тут я зарыдала. Нет, натурально я выла. Всю новогоднюю ночь я орала: няня стоит сорок в месяце, твой английский пятёрку, ипотека, которую ты хочешь взять, 60, твой спорт 5, мой маникюр трешка ...* (lenta.ru, 21.12.2016); *Ройзман, собственно говоря, потому в мэры и пошел — потому что этими судами и обысками его натурально загнали в угол* (КП, 24.09.2013).

MORPH: частица.

SYNT: обычно находится под фразовым ударением.

SYN: на самом деле (см. дело), просто (в 3 знач.), просто-напросто (см. просто), прямо-таки (см. прямо в 1 знач.).

НАКАЗАНИЕ.

DEF: о ком-чём-л., создающем большие трудности, доставляющем лишние хлопоты, неприятности. **Наказание с этим котом!** (Обращаясь к коту:) Ну куда/ куда ты забрался? Как слезать-то оттуда будешь? (Запись устной речи, 2016); Для меня, очень мобильного и активного человека, тяжёлый трансформер — **сущее наказание!** А с простостью я теперь хоть куда могу рвануть (Выбор коляски // Форум, 2022); Вот свекрови, это прямо **наказание** какое-то, сколько в роддоме с девочками о них ни говорили, у каждой история, аж волосы дыбом встают, такое вытворяют... (Свекровь // Форум, 2022); А я уж думала, и к ночи не придешь. **Наказание ты моё!** Ладно, садись обедать (В. Тендряков. Не ко двору); — Снова с ног до головы перемазались! **Наказание моё!** И Катя с Манечкой, отшлёпанные, но вполне довольные, пошли домой (И. Пивоварова. Мечта Кости Палкина).

MORPH: с., неизм.

SYNT: с кем-чем или без доп.; обычно в восклицательных предложениях, в составе именного сказуемого; находится под фразовым ударением; может употребляться с местоимением *моё* в постпозиции, в сочетании с наречиями *просто*, *прямо*, с местоименным прилагательным *какое-то*.

STYL: неодобр.

ANALOG: беда (с кем-чем), горе, загвоздка, заковыка, проблема.

Как видим, такое употребление слова НАКАЗАНИЕ сильно отличается от обычных, не разговорных его значений в сторону некоторой «связанности», фразеологизации: об этом свидетельствует помета *неизм.* в зоне морфологии и несколько других ограничений, указанных в зоне синтаксиса.

Просодическая характеристика в особенности необходима для словарного представления частиц и междометий. И это понятно: сфера употребления и тех, и других — живая, заранее не подготовленная речь, которая как правило интонационно богата, эмоциональна. Словарные статьи этих лексических единиц содержат по несколько, а какие-то — двузначное число значений. Тем, кто хочет в этом убедиться, я советую прочитать в нашем словаре статьи таких содержательно ёмких и при этом коротких слов, как, например, частицы НУ, ТАК (22 значения плюс огромная зона фразеологии!), ТАМ, ЩАС (= сейчас) и ряда других частиц, междометий, наречий, имеющих в зоне SYNT информацию о просодических свойствах этих лексических единиц в составе высказываний.

Кувшинская Юлия Михайловна

НИУ ВШЭ

(Москва, Россия)

ukuvshinskaya@hse.ru

Плеонастическое употребление полных причастий в современной русской речи: аспекты определенности

В докладе пойдет речь о распространенном в современной русской речи плеонастическом употреблении причастий [Кувшинская, Зевахина 2023], например:

(1) Во время проведения Промышленной и сельскохозяйственной выставки в Индии пилот Анри Пике доставил груз из 6, 5 тысяч писем и 250 открыток из места

проведения выставки... *Привезенные письма* были погашены специальным ярко-пурпурным штемпелем... (НКРЯ).

Ср.: *Письма/эти письма/все письма* были погашены специальным ярко-пурпурным штемпелем...

Анализ примеров из НКРЯ, Корпуса русских учебных текстов, из интернет-версий газет, Телеграм- и Яндекс-дзен-каналов, электронной переписки показывает, что такое семантически избыточное причастие не всегда может быть удалено из контекста без замены на другой определитель (пример (1)). Плеонастическое причастие нередко выражает анафорическую отсылку (1) и маркирует определенность именной группы, при этом не внося лексико-семантического вклада в предложение.

По сути, подобные плеонастические причастия выступают в функции детерминатива, которая отмечалась для лексем «данный», «настоящий», а также для слов «рассмотренный», «указанный», «приведенный» и др. [Петрухина, Соколова С. 120-126], но в случае плеоназма может выполняться полными атрибутивными причастиями, образованными от различных глагольных лексем. Все это свидетельствует о начальной ступени грамматикализации специфического типа, присущей, как кажется, не только конкретным лексемам, но и целому грамматическому классу слов в определенных контекстных условиях (о различных проявлениях грамматикализации см. [Майсак 2005: 37-38]).

В ряде примеров определенность, передаваемая плеонастическим причастием, опирается в том числе на аспектуальные признаки и таксис, которые в языке выражаются любым причастием [Козинцева 2003], но в случае неактуальности семантики лексемы становятся особенно значимы для характеристики именной группы:

(2) *«Исполненное индивидуальное задание»* (шаблон отчета о летней практике, подзаголовок раздела).

Примечательно, что плеонастические причастия выражают определенность через формы как совершенного, так и несовершенного вида (в то время несовершенный вид глагольного предиката скорее будет выражать неопределенность [Крылов 1984]).

Наконец, плеонастические причастия, образованные от глаголов «существовать», «иметься» и некоторых других в экзистенциальном употреблении (см. [Арутюнова и Ширяев 1983]), выражают специфическое кванторное значение, позволяющее авторам высказываний охарактеризовать выделенный круг предметов или все предметы данного класса как известные говорящему:

(3) *В учреждениях культуры постоянно ведется развитие существующих систем безопасности объектов, проводится обучение персонала, тренировки нештатных аварийно-спасательных формирований и другие необходимые мероприятия.* [НКРЯ; Комсомольская правда, 2014.07.24].

Таким образом, атрибутивные полные причастия в плеонастическом употреблении, утрачивая актуальность семантики в конкретном контексте, служат для выражения разных аспектов определенности: семантико-синтаксического, грамматического, прагматического. Распространение плеонастических причастий представляет собой речевую новацию, характерную для публичной речи, письменной и устной, и, видимо, отражает как процесс грамматикализации полных атрибутивных причастий в определенных условиях, так и поиски выражения разных аспектов определенности.

Литература

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: Моногр. М.: Русский язык, 1983.

Козинцева Н.А. Таксисные функции, передаваемые причастиями и причастными оборотами, в русском языке//Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб: Наука, 2003. С. 175–188. Козинцева Н.А. Таксисные функции, передаваемые причастиями и причастными оборотами, в русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб: Наука, 2003. С. 175–188.

Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика, Вып. 35: Opera Selecta. М.: ПИК ВИНТИ, 1984, с. 244-271.

Кувшинская Ю.М. Зевахина Н.А. Плеонастические причастия в современной русской речи: функции и тенденции развития// Acta Linguistica Petropolitana. 2023. Vol. 19.1. P. 138–192.

Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: ЯСК, 2005.

Петрухина Е.В., Соколова С.В. Проблемы грамматикализации в современном русском языке//Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики/Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб: Наука, 2008. С. 115–139.

Лазуткина Елена Михайловна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
lazutkelena@yandex.ru

О синтаксической сочетаемости некоторых отвлеченных существительных ментальной сферы

К отвлеченным существительным ментальной сферы мы относим существительные со значением мысли-речи. Предметом нашего рассмотрения являются отвлеченные существительные, которые в современном русском языке показывают колебание норм синтаксической сочетаемости. Часто они мотивированы глаголами или имеют прямые смысловые соответствия с глагольными предикатами.

Материал исследования — разговорная речь, язык делового общения в устной и письменной форме, СМИ, НКРЯ.

По законам синтаксических парадигматических связей, сильное управление мотивирующих глаголов формой вин. пад. имени коррелирует с сильным управлением существительных-дериватов формой род. пад. зависимого существительного пропозитивной семантики; например: *Доказывать / доказать обратное – Доказательство обратного* (синтаксические отношения – объектно-определятельные). Однако в устной и в письменной речи иногда встречается форма дат. пад. вместо нормативной формы родит. пад.; например: *Подтверждение запроса /*запросу - телефонный звонок из этой организации.*

В сложном предложении эти существительные, как и глаголы речи-мысли, могут вводить изъяснительное придаточное предложение; например: *Этот пленный — единственное доказательство, что я не просто так покинул борт.* (В. Никитин «Дальний Восток», 2019; НКРЯ)

По данным НКРЯ, колебания в синтаксической сочетаемости этих существительных фиксируются и в текстах XIX века; например: *Этому доказательство в том печальном повсюдном опыте, что везде на Руси, где пока не было железных дорог, там жизнь была проще и дешевле* (К.Н. Леонтьев; 1884 г.).

Возможно, подобные ошибки обусловлены ассоциативными связями значений данных существительных с их возможным контекстом - со значением предложений, в которых есть предикаты *давать, предоставлять*, форма дательного адресата; например: *Предоставить подтверждение его участия в соревнованиях председателю комиссии.*

Особенно часто с данными существительными в дат. пад. употребляются указательные местоимения *это, то* с пропозитивной семантикой. Это встречается как в составе темы, так и в составе ремы различных моделей предложений; например: **Свидетельство этому – новые достижения молодого спортсмена* (разг. речь).

Ср. примеры из НКРЯ:

Род. пад.: 1) *В доказательство этого тезиса авторы приводят следующие соображения* (Б.С. Храковский);

2) *Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта* (М.А. Булгаков).

Дат. пад.: 1) *Что-что, а снимать кино в «Стране Советов» умели, и делали это весьма здорово и эта трогательная комедия Эльдара Александровича Рязанова — яркое тому доказательство* (Антон Носик; НКРЯ);

2) *Это отчасти и происходит — "круглый стол" тому подтверждение* («Народное творчество», 2004; НКРЯ)

Задача работы – выработать систему грамматических помет для отвлеченных существительных этого типа в толковом словаре, чтобы читатель мог построить правильные высказывания, выбрав определенные модели предложений с грамматическими формами, которые указаны в словарной статье.

Сочетаемость слов разных частей речи традиционно изучается на уровне словосочетания и на уровне предложения, т. е. словосочетание понимается как способ реализации лексического значения главенствующего слова или как вычленимый фрагмент предложения. Обе трактовки словосочетания восходят к работам В. В. Виноградова середины прошлого века.

Уровень нашего исследования – модель предложения, которую мы рассматриваем как интерпретативную структуру, как прием оперирования знаниями в речи. Таким образом, работа выполняется в русле структурно-функциональных исследований. Структура предложения представляет собой конгломерат функций, где значение и роль морфологических форм проявляется в целом ансамбле с другими характеристиками предложения. Инструментом анализа является понятие «синтаксическая позиция формы слова».

Летучий Александр Борисович
НИУ ВШЭ / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
alexander.letuchiy@gmail.com

Прозрачность клауз и сфера действия отрицания и модальных операторов (случай типа «Он не опустится до того, что так подведёт своего друга»)

Доклад посвящён сфере действия отрицания и модальных операторов в сложных предложениях. Из работ Г.И. Кустовой (1996, 2004) и Е.В. Падучевой (2005, 2013) известно, что в конструкциях с фактивным глаголом и номинализацией отрицание может включать в свою сферу действия не только матричный глагол, но и саму номинализацию. В этом случае получается интерпретация, которую авторы называют радикальным отрицанием – например, *Он не опозорит семью женитьбой на простолюдинке* может при радикальном отрицании означать ‘Он не женится на простолюдинке и поэтому не опозорит семью’.

В сложном предложении ситуация сложнее. Стандартно при фактивных предикатах и близких к ним интерпретационных предикатах (*помочь, помешать, совершить ошибку*) отрицание матричного предиката не влияет на зависимый предикат.

(1) *Ты меня не обидишь тем, что будешь на мой День рождения в отъезде* ('ты действительно будешь в отъезде, но я на тебя не обижусь' – стандартное локальное отрицание).

Однако возможна ситуация, при которой отрицание главного глагола отрицает также и зависимую ситуацию. Например, в (2) отрицается не только главный предикат, но и зависимая клауза: речь идёт о том, что компьютер не зависает и поэтому не раздражает говорящего, то есть обе ситуации подвергнуты отрицанию. Так же устроено прочтение предложения (3).

(2) *Быстро работает, для меня это самое главное, не раздражает тем, что виснет.* (<https://kchr.shop.megafon.ru/planshet/173917/rating>)

(i) 'не виснет и поэтому не раздражает'

(ii) #'виснет, но этим не раздражает'

(3) *Телогрейка у меня служит футляром — защитой для спального мешка — и свою роль она выполняет честно, хотя дело не дошло до того, **что** она предельно **напиталась** водой.* [Б. И. Вронский. Дневник (1952)]

Такой же тип прочтения возможен и при модальных операторах. В (4) модальный предикат *должны* включает в свою сферу действия обе ситуации: его модальная рамка (необходимость) модифицирует и главную ситуацию ('мы должны помочь'), и зависимую ('мы должны объяснить').

(4) *Мы, педагоги, должны помочь тем, **что** объясним особенности и расширим пространство образовательных возможностей и вариантов.* ('должны объяснить особенности') (<http://io.nios.ru/articles2/80/10/inklyuzivnoe-obrazovanie-za-i-protiv>)

Мы называем такие интерпретации отрицания и модальности, распространяющиеся на две клаузы, прозрачными. Прозрачность интерпретации непосредственно связана со степенью слитности модального / отрицательного оператора, главной клаузы и зависимой клаузы.

Приведём один пример: наиболее слитными являются клаузы в тех конструкциях, где все они имеют один и тот же субъект, который выражен всего один раз на всю полипредикативную конструкцию. Этим свойством обладает предложение (5), где субъект модального предиката *должен* – *психолог* – кореферентен нулевому подлежащему PRO инфинитива *помочь* и субъекту зависимой клаузы *найдёт* – поэтому субъект может выражаться один раз – при модальном предикате. При других модальных предикатах – *надо, нужно, необходимо* – участник, на которого накладывается обязательство, маркирован дативом (*психологу* в примере (6)).

В конструкциях, которые мы описываем, нулевое выражение субъекта в зависимой клаузе возможно только при кореферентности субъектов всех трёх клауз, как в (5), а в примерах типа (6) субъект зависимой клаузы должен быть выражен, так как в клаузе с модальным глаголом нет участника в номинативе. В этой связи слитность всех трёх клауз, особенно слитность самой глубоко вложенной клаузы *что он найдёт источник травмы* с вышестоящими меньше, чем в (5) (см. Герасимова 2015, 2016, где усматривается зависимость между степенью слитности клауз и типом контроля PRO), и «прозрачная» интерпретация невозможна или затруднена.

(5) [*Психолог должен [помочь тем, [что найдёт источник травмы и поможет проработать]]*]. (<https://olgaeliseeva.ru/pravoslavnaaya-psihologiya/>)

(6) #'Психологу нужно [помочь тем, [что он найдёт источник травмы]]].

(i) 'психолог точно найдёт источник травмы, и этим он должен помочь'.

(ii) #'психолог должен найти источник травмы и этим помочь'.

В подобных ситуациях, когда слитность клауз недостаточно велика, чтобы прочтение было «прозрачным», или возможны два прочтения, «прозрачность» может быть облегчена

формальными средствами. Речь идёт о варианте конструкций, где под влиянием модального предиката (*надо* в (7)) не только меняется на инфинитивное маркирование матричного глагола *помочь*, но и изменяется стратегия присоединения зависимой клаузы. В (7) клауза, зависящая от глагола *помочь*, оформлена союзом *чтобы* (*чтобы не грузить его*), тогда как стандартная стратегия оформления синтаксических актантов при глаголе *помочь* задействует союз *что* (8):

(7) *Не стоит за него стыдиться, ему просто надо помочь тем, чтобы не грузить его родственниками в целях экономии.* (<https://laragull.livejournal.com/4838877.html>)

(8) *Мы **поможем** ему тем, что **объясним** решение задачи.*

Тем самым, «прозрачность» имеет не только семантическое, но и формальное измерение – при действии модальных операторов и, реже, отрицания на обе клаузы может меняться маркирование зависимой клаузы. Такая стратегия нарушает критерий морфосинтаксического локуса, предложенный в [Zwicky 1985] (локусом отражения требований внешнего контекста является вершина), но в то же время повышает слитность клауз между собой и эксплицитно обозначает, что внешний оператор влияет и на матричную, и на зависимую клаузу.

Литература

Герасимова А.А. Категориальный и аргументный статус актантных инфинитивных оборотов в русском языке. Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, том 11, с. 57-71. 2016.

Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. // Материалы международной конференции Типология морфосинтаксических параметров. М.: Московский педагогический государственный университет, 2015. С. 47–61.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки русской культуры, 2004.

Кустова Г.И. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М.: РГГУ, 1996. с. 240–261.

Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005/2(10). М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 17–42.

Падучева Е.В. Может ли отрицание отрицать пресуппозицию? Материалы к докладу на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании». 2013. Может ли отрицание отрицать пресуппозицию?

http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/npmmyya/handouts/20130928_EVPaducheva_Otricie.ppt

Zwicky, Arnold. 1985. Heads. *Linguistic* 21. 1-29.

Лютикова Екатерина Анатольевна

МГУ имени М.В. Ломоносова

lyutikova2008@gmail.com

Адъективные сказуемые в финитных и нефинитных клаузах⁹

⁹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

В работе рассматриваются условия лицензирования различных видов адъективных сказуемых в современном русском языке. В финитных клаузах возможны следующие типы адъективных сказуемых: краткое прилагательное, полное прилагательное в номинативе, полное прилагательное в инструменталисе, краткое пассивное причастие (1a-d). Кроме того, полные и краткие прилагательные, а также страдательные причастия могут выступать в конструкциях с ползузнаменательными глаголами (2a-d), которые в [Лютикова 2023] анализируются как предикаты субъектного подъема из малых клауз.

- (1) a. Пожалуй, я не была по-настоящему **талантлива**. [НКРЯ]
 b. Зарплата моя была **маленькая**, меньше, чем у технички, но мне хватало. [НКРЯ]
 c. Обстановка в городе была **тревожной**. [НКРЯ]
 d. Корреспонденция «Море пора спасать» была **опубликована** в «Правде» 22 января. [НКРЯ]
- (2) a. Информация оказалась **доступна** и его знакомым. [НКРЯ]
 b. Комната оказалась **небольшая**, еще уменьшенная своей стройной продолговатостью, с высоким, смугло задымленным потолком. [НКРЯ]
 c. Так что встреча с уральскими специалистами оказалась весьма **своевременной**. [НКРЯ]
 d. Вот и тематика Года культуры в России оказалась быстро **сведена** к деньгам. [НКРЯ]

Таблица 1. Дистрибуция адъективных сказуемых в финитных и нефинитных клаузах

	финитная клауза	малая клауза, подъем в позицию подлежащего	малая клауза, подъем в позицию дополнения	актантный инфинитив, субъектный контроль	актантный инфинитив, объектный контроль	целевой инфинитив	дееспричастный оборот
прилагательное, SF	+	+	-	+	-	-	+
прилагательное, LF: NOM	+	+	-	-	-	-	-
прилагательное, LF: INSTR	+	+	+	+	+	+	+
страдательное причастие, SF	+	+	-	+	-	-	+
страдательное причастие, LF: NOM	-	-	-	-	-	-	-
страдательное причастие, LF: INSTR	-	+	+	+	+	+	+

В нефинитных зависимых клаузах дистрибуция адъективных сказуемых меняется (см. Таблицу 1). Во-первых, во всех нефинитных зависимых клаузах, кроме малых клауз в конструкциях с субъектным подъемом, оказывается недоступной полная форма прилагательного в номинативе. В инфинитивных актантных клаузах объектного контроля и в инфинитивных целевых клаузах, а также в конструкциях с предикатами объектного подъема из малых клауз (*считать*, *обнаружить*), кроме того, становится недопустимой краткая форма прилагательного и адъективный пассив с кратким страдательным

причастием. Во-вторых, во всех нефинитных клаузах появляется возможность выражения пассива при помощи полного страдательного причастия в творительном падеже.

Таким образом, все виды адъективных сказуемых имеют разные модели дистрибуции. Я предлагаю структурное объяснение этих различий, основанное на категориальном контрасте полной и краткой форм прилагательных и причастий (Babby 1973, Гращенков 2018, 2022), а также на системе допущений о структуре малых клауз (Лютикова 2023), инфинитивов субъектного и объектного контроля (Babby 1998, Landau 2008, Lyutikova, Gerasimova 2023) и сирконстантных нефинитных клауз.

Я предполагаю, что рассматриваемые клаузы отличаются, во-первых, наличием PRO (финитные клаузы и малые клаузы не содержат PRO) и, во-вторых, падежными характеристиками PRO, выявляемыми на основании падежа плавающих определителей (согласуемый номинатив в деепричастных клаузах и актантных инфинитивах субъектного контроля, приписываемый комплементаризатором датив в прочих инфинитивах). Соответственно, номинатив полной формы лицензируется только при подъеме в позицию подлежащего, краткая форма – при любом номинативном подлежащем (выраженном именной группой или PRO), а конструкция с творительным предикативным полной формы допустима во всех случаях, кроме адъективного пассива в финитной клаузе.

Структурные репрезентации различных адъективных составляющих выглядят следующим образом. Краткая форма прилагательного проецирует группу категории AP с собственным подлежащим (Geist 2010, Гращенков 2018), которое может соответствовать PRO (3a). Такая структура может выступать компонентом глагола-связки *быть* (3b) или предиката субъектного подъема (3c). Лицензирование краткой формы требует, чтобы ее подлежащее получило номинатив. Финитное T приписывает номинатив подлежащему AP и тем самым лицензирует краткую форму. В случае нефинитного T выраженное подлежащее AP не может быть лицензировано, поэтому в такой конфигурации доступно только PRO. Если PRO получает номинатив благодаря согласованию со своим контролером, что происходит в деепричастных оборотах и в актантных инфинитивах субъектного контроля, то выполняются и условия лицензирования краткой формы. При подъеме подлежащего AP в позицию дополнения, а также в случае дативного PRO в актантных инфинитивах объектного контроля и в целевых инфинитивах падежное условие лицензирования AP не выполняется, и краткая форма прилагательного оказывается недоступной.

- (3) a. [_{AP} DP/PRO [_{A'} A XP]]
b. [_{TP} DP/PRO_i T [_{AuxP} Aux [_{AP} t_i [_{A'} A XP]]]]
c. [_{TP} DP/PRO_i T [_{VP} V [_{VP} V [_{AP} t_i [_{A'} A XP]]]]]

Полная форма прилагательного представляет собой проекцию атрибутивной вершины *adj*, компонентом которой может выступать, в частности, AP, от которой *adjP* наследует аргументную структуру, и в том числе подлежащее. Важной характеристикой *adj* является ее признаковая матрица, содержащая, помимо признаков рода и числа, также признак падежа (4a). Падежный признак *adj* может быть означен двумя способами. Во-первых, это лицензирование подлежащего *adjP* финитным T в случае именного сказуемого (4b) или предиката субъектного подъема из малых клауз (4c). Во-вторых, это использование функциональной вершины *Pred* (Bailyn 2001, 2012; Madariaga 2007; Matushansky 2008), приписывающей творительный предикативный своему именному компоненту (4d) и опосредующей селекцию малой клаузы со стороны глагола-связки или предиката подъема. В таком случае лицензирование *adjP* не зависит от способов лицензирования его подлежащего; соответственно, допускаются как выраженные подлежащие в других структурных падежах, например, в аккумулятиве при предикатах объектного подъема из малых клауз, так и различные PRO.

- (4) a. [_{adjP} DP/PRO_i adj_[uCase] [_{AP} t_i [_{A'} A XP]]]
 b. [_{TP} DP_{i[Case:NOM]} T [_{AuxP} Aux [_{adjP} t_i adj_[Case:NOM] [_{AP} t_i [_{A'} A XP]]]]]
 c. [_{TP} DP_{i[Case:NOM]} T [_{vP} v [_{VP} V [_{adjP} t_i adj_[Case:NOM] [_{AP} t_i [_{A'} A XP]]]]]]]
 d. [_{PredP} DP/PRO_i Pred [_{adjP} t_i adj_[Case:INSTR] [_{AP} t_i [_{A'} A XP]]]]]

Наконец, адъективный пассив отличается от конструкций с предикативными прилагательными в том, что для получения собственно пассивной интерпретации в финитной клаузе необходима краткая форма причастия AP/vP (5a). Вложение этой составляющей под адъективирующую вершину adj приводит к реанализу пассивного причастия как результивного, что исключает динамическую интерпретацию пассива. Однако в нефинитных клаузах собственно пассивная интерпретация оказывается доступной и для полной формы причастия в творительном падеже (6a-c). Я предполагаю, что эта интерпретация возникает в структуре (5b), включающей вершину Pred в качестве источника падежа для полной формы причастия, как единственный способ лицензирования адъективного пассива в нефинитных клаузах, не допускающих краткой формы прилагательного/причастия (то есть при подъеме пассивного подлежащего в позицию дополнения, а также в случае дативного PRO в актантных инфинитивах объектного контроля и в целевых инфинитивах), и затем по аналогии распространяется на прочие нефинитные клаузы, в которых параллельно доступна и краткая форма страдательного причастия.

- (5) a. [_{vP/AP} v/A [_{VP} DP/PRO V XP]]
 b. [_{PredP} DP/PRO_i Pred [_{adjP} t_i adj_[Case:INSTR] [_{vP/AP} v/A [_{VP} t_i V XP]]]]]

(6) a. То есть не то чтобы он всплыл, он, собственно, и не погружался, он все время был у поверхности, просто теперь он позволил себе **быть увиденным**. [НКРЯ]

b. Глеб вывернул руль, паркуя свой «лексус» у ближайшей обочины, включил аварийку и вывалился наружу, рискуя **быть сбитым** той машиной, что налетит сзади. [НКРЯ]

c. Впрочем, фотокамеры не берут, чтобы не дай Бог не разбить дорогостоящие объективы, и из автобуса не выходят, чтобы не **быть покусанными** гадюками. [НКРЯ]

Литература

- Гращенков 2018 — Гращенков П.В. 2018. Грамматика прилагательного. Типология атрибутивности и адъективности. М.: ЯСК.
- Гращенков 2022 — Гращенков П. В. 2022. О синтаксической селекции (группы) прилагательного // *Acta Linguistica Petropolitana*. Том 18 (3). С. 72–103.
- Лютикова 2023 — Лютикова Е. А. 2023. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. № 6. С. 58–74.
- Babby 1973 — Babby, Leonard. 1973. The deep structure of adjectives and participles in Russian. *Language* 49 (2): 349–360.
- Babby 1998 — Babby, Leonard. 1998. Subject Control as Direct Predication: Evidence from Russian. In: Željko Bošković, Steven Franks, and William Snyder (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) 6: the Connecticut Meeting*, 17–37. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.
- Bailyn 2001 — Bailyn, John. 2001. The syntax of Slavic predicate case. In: Gerhard Jäger, Anatoli Strigin, Chris Wilder, and Niina Zhang, eds. *ZAS Papers in Linguistics* 22, 1–23.
- Bailyn 2012 — Bailyn, John. 2012. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Geist 2010 — Geist, Ljudmila. 2010. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian linguistics* 34 (3): 239–60.

- Landau 2008 — Landau, Idan. 2008. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory* 26 (4): 877–924.
- Lyutikova, Gerasimova 2023 — Lyutikova, Ekaterina, Gerasimova, Anastasia. 2023. Negative Concord and locality in Russian. *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique* 68 (1): 31–73.
- Madariaga 2007 — Madariaga, Nerea. 2007. An economy approach to the triggering of the Russian instrumental predicative case. In: Joseph Salmons and Shannon Dubenion–Smith, eds. *Historical Linguistics 2005* [Current Issues in Linguistics Theory]. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishers, 103–17.
- Matushansky 2008 — Matushansky, Ora. 2008. A case study of predication. In: Franc Marušič and Rok Žaucer, eds. *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 213–39.

Панова Галина Ивановна

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Россия)
gipanova@mail.ru

О статусе морфологической формы и словоформы в русском языке

Грамматический строй русского языка включает грамматику высказывания, или синтаксис, и грамматику слова, объединяющую морфологию и словообразование. Логично полагать, что базовыми единицами синтаксиса, морфологии и словообразования являются модели соответствующих языковых единиц с их обобщённым грамматическим содержанием. В синтаксисе это модели построения предложений, в словообразовании – модели образования слов, в морфологии – модели морфологического оформления слов, или морфологические модели. См.:

[____], (который _____): *Дом, который построил Джек*;

[(основа глагола) + -тель]: *основатель*;

[(основа глагола) + -у]: *живу*.

Морфологические модели слова традиционно обозначаются другими терминами: *форма слова, грамматическая форма слова и морфологическая форма*; последний эксплицирует отнесённость обозначаемой единицы к морфологическому строю языка.

Мы здесь не будем рассматривать разноречивость толкований МФ в русистике (см. об этом в [Панова 2021]), а представим сразу наше понимание данной языковой единицы, сформированное в результате осмысления её интерпретаций в трудах российских лингвистов (Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Т.В. Булыгина, А.В. Бондарко, Е.В. Клобуков и мн. др.).

Морфологическая форма (МФ) – это единство морфологического средства (аффикса или служебного слова) и обобщённой основы слов данной части речи. Графические аналогии позволяют наглядно представить абстрагированные МФ (или модели): [(осн. глаг.) + -у], [*самый* + (осн. прилаг.) + -ый].

Концептуальной основой в определении статуса МФ и словоформы в русском языке является исходное положение морфологической теории А.В. Бондарко, связанное с выделением трёх уровней существования и описания грамматического строя: 1) «уровень абстрактной грамматической системы», отвлеченной от лексики, 2) «уровень

репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах» и 3) «уровень функционирования грамматических единиц» в высказывании» [Бондарко 1983: 100].

МФ существуют на уровне «абстрактной грамматической системы» языка «без той конкретизации, которая связана с лексикой и контекстом» [там же]. На уровне «лексически конкретных единиц» МФ реализуются в **словоформе** (СФ) как единице системы языка. А.И. Смирницкий, выделивший эту единицу, определил её как «данное слово в данной грамматической форме или данная грамматическая форма данного слова» [Смирницкий 1954: 18]. Её можно определить, как и МФ, тоже с точки зрения структуры: **СФ** – это единство МФ и конкретной лексемы, см.: [(осн. глаг.) + -у] → *живу*, [**самый** + (осн. прилаг.) + -ый] → *самый добрый*.

В структуре СФ происходит взаимодействие между значениями МФ и лексемы, которое может быть согласованным и несогласованным. При согласованном взаимодействии значение МФ выражается в СФ параллельно с её лексическим значением, как, например, значения количества в СФ типа *книга* – *книги*. Это категориальные СФ числа существительного. При несогласованном взаимодействии морфологическое значение не проявляется в СФ. Лексема может его подавлять, как, например, значения количества в СФ типа *темнота* и *потёмки*: отражаемые ими реалии несовместимы с дискретным количественным измерением. Это некатегориальные СФ числа существительных. Лексема может избегать образования определённых МФ, не нужных для реализации её семантического потенциала, как, например, глаголы типа *вытекать* или *окисляться* не образуют СФ 1 и 2 лица.

Подобные явления, вызванные несовместимостью в структуре СФ значений лексемы и МФ, описаны в грамматиках. В.В. Виноградов говорил в таких случаях о «сопротивлении лексического материала», а В.Н. Ярцева – о «противодействии лексики по отношению к грамматике».

На уровне высказывания МФ реализуется в СФ как единице речи, которую мы называем **словоформа-синтаксема** (СФС), позаимствовав второй компонент термина у Г.А. Золотовой. **СФС** – это СФ как компонент высказывания в том её морфологическом значении (категориальном или некатегориальном), которое входит в содержательную структуру высказывания.

В структуре высказывания тоже происходит содержательное взаимодействие между МФ (в составе СФ) и элементами контекста, которое также может быть согласованным и несогласованным. При согласованном взаимодействии значение МФ актуально для содержания высказывания, а при несогласованном – не актуально, и оно не входит в его содержательную структуру. Ср. употребление СФ настоящего времени *просматриваю* в высказываниях: *Сейчас я просматриваю газеты* – *Просматриваю я вчера газеты и вдруг...* В первом высказывании *просматриваю* – это категориальная СФС: она обозначает действие, одновременное с моментом речи говорящего, т. е. выражает морфологическое значение, присущее СФ на парадигматическом уровне. А во втором высказывании *просматриваю* – некатегориальная СФС: под воздействием наречия *вчера* она обозначает действие, предшествующее моменту речи; это – СФС с переносным значением прошедшего времени, которое и является смысловым компонентом высказывания.

Подобные явления описаны в грамматиках как особые употребления СФ. Это переносные употребления СФ времени и наклонения глагола, кроме того, безличное, неопределённо-личное или обобщённо-личное употребление глагольных СФ лица-числа: *На небе темнеет*; *На улице шумят*; *Любишь кататься, люби и саночки катать*. См. также СФ числа субстантивов с нейтрализованным значением количества: *Книга / книги – источник знаний*. Это всё примеры некатегориальных СФС: значение МФ, которая репрезентируется в каждой из этих СФС, не актуально для содержания высказывания.

Если в СФ значение МФ определяется с позиции содержательной структуры самой СФ (ср.: *книги* и *потёмки*), то в СФС оно оценивается с позиции содержательной структуры высказывания. Материально СФС тождественна СФ, а по содержанию может быть тождественной (при категориальном употреблении) и нетождественной (при некатегориальном).

Таким образом, МФ – это собственно морфологическая единица, т. е. *главная единица флективного морфологического строя русского языка*. СФ же – это лексико-морфологическая единица, в структуре которой реализуется абстрагированная МФ на уровне слова, или же «лексико-синтагмо-морфологическая» единица (т. е. СФС), в которой она реализуется на уровне высказывания.

Литература

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: «Наука», 1983. 208 с.

Панова Г.И. Морфологическая форма и словоформа: к уточнению основных понятий русской морфологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 72–92.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема тождества слова) // Труды Института языкознания АН СССР. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 3–49.

Пекелис Ольга Евгеньевна

Российский государственный гуманитарный университет; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

opekelis@gmail.com

Местоимение *некоторый*: семантика и дистрибуция через призму типологии

В современном языке местоимение *некоторый* подчиняется ограничениям в терминах грамматического числа. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), при одушевленных существительных в большинстве случаев допустимо только множественное число (1), но ср. (2); при неодушевленных существительных единственное число более распространено (3), но тоже ограничено (4).

(1) *Некоторые политики открыто требуют* (ср. ^{??}*некоторый политик открыто требует*) *приговаривать террористов к смертной казни*. [«Время МН», 2003.08.05]

(2) *Представьте, что вы покупаете у некоторого гражданина квартиру*. [«Отечественные записки», 2003]

(3) *Достигнув некоторой точки, я увидел, что практически весь предоставленный мне ресурс исчерпан*. [Отзыв на сайте о летнем лагере (2003)]

(4) ^{??}*Наконец мы добрались до некоторой реки*.

В настоящем исследовании уточняется содержание этого ограничения и предпринимается попытка выяснить его причину, опираясь на типологические сведения об эволюции неопределенных местоимений.

На основе НКРЯ мы выделяем у *некоторый* четыре значения, различающихся дистрибуцией и семантическими свойствами. Из этих значений одно – значение неопределенного местоимения (ср. (1), (3) и (4)) – требует преимущественно

множественного числа, тогда как другие значения, наоборот, тяготеют к единственному числу. Ср. в (5) *некоторый* малого количества, в (6) *некоторый*-аппроксиматор и в (2) *некоторый* мысленной картины (в контексте последнего адресату предлагается представить референта именной группы с *некоторый*, отсюда термин):

(5) *Некоторое разнообразие в рацион вегетарианца вносит соевая ветчина и говядина [...].* [«Столица», 10.06.1997]

(6) *Класс «отладочная точка» должен строиться как некоторая оболочка над переменной программы.* [«Информационные технологии», 2004]

Ограничение на единственное число у неопределенного *некоторый* мы объясняем конкуренцией *некоторый* со словом *один* в функции, близкой функции неопределенного артикля, в языке XVIII-XIX вв. Ср. (7), где современная норма требует *один* вместо *некоторый*. К концу XX в. эта функция полностью перешла к слову *один*, ср. (8).

(7) *Не успел я выйти на улицу, как идет мне встречу некоторый* (ср. *один*) *озорник.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)]

(8) *Вдруг из соседнего двора заходит в наш один* (^{??}*некоторый*) *хулиган и говорит мне:* [А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)]

Наше предположение позволяет объяснить особенности распределения числовых форм у современного неопределенного *некоторый*. Тот факт, что наиболее строго запрет на форму единственного числа действует для одушевленных существительных (ср. (1)), отвечает идее о том, что на ранней стадии грамматикализации неопределенного артикля (на которой в языке XVIII-XIX вв. находились и *один*, и *некоторый*) квазиартикль сочетается преимущественно с одушевленными существительными в единственном числе (Besker 2021: 120). В контексте неодушевленных существительных единственного числа неопределенное *некоторый* сегодня употребляется при условии, что существительное принадлежит к одному из двух лексико-семантических классов: непредметные существительные, обозначающие референт неопределенного объема (ср. *некоторое количество, некоторая сумма, некоторая информация* и под.); существительные, референт которых входит в множество таких же элементов (ср. *некоторая точка* (3), *некоторый момент, некоторый этап* и под.). Такую дистрибуцию мы объясняем тем, что существительные обоих классов позволяют примирить с формой единственного числа семантическую особенность современного неопределенного *некоторый* – селективность, т.е. выбор подмножества из множества (Шмелев 2002: 97). При неодушевленных существительных в единственном числе, относящихся к другим семантическим классам, сегодня используется или квазиартиклевое *один* (9), или неопределенные местоимения других типов, например, серии *то*, ср. (10) с (4).

(9) *Едем с Джеком по деревне, видим на стене одной хижины старое, выцветшее объявление: <...>* [«Мурзилка», 2002]

(10) *Проезжали над какой-то рекой.* [«Волга», 2016]

Предполагаемая эволюция неопределенного *некоторый* после XIX в. отвечает типологическим ожиданиям. Так, исход конкуренции между *некоторый* и *один* соответствует представлению о том, что именно ‘один’ служит источником неопределенных артиклей в языках мира (Heine 1997: 71-76). Устоявшееся в современном русском распределение между *один* и неопределенным *некоторый* по числу (единственное число у *один* и множественное число у *некоторый*) также не уникально в типологическом отношении и имеет параллели, например, в английском и итальянском.

Литература

- А.Д. Шмелев. 2002. *Русский язык и внеязыковая действительность*. М.: Языки славянской культуры.
- L. Becker. 2021. *Articles in the world's languages*. (Linguistische Arbeiten, 577.) Berlin: De Gruyter.
- B. Heine. 1997. *Cognitive foundations of grammar*. Oxford: Oxford University Press.

Рыжаченков Иван Игоревич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

ryzhachenkov@mail.ru

Толк и толки: диахронический портрет имени с семантикой ментальной сферы

В настоящем исследовании рассмотрен процесс диахронического развития полисемии русского *толк* – уходящего из языка, но всё ещё довольно частотного имени, привлёкшего наше внимание своим нетривиальным распределением лексем внутри числовой парадигмы. Как известно, в единственном числе *толк* чаще всего трактуется как ‘смысл, разумное содержание чего-н.’, ‘разновидность какого-л. учения,’ ‘прок, польза’, тогда как множественное *толки* обозначает ‘разговоры, пересуды’ [Ожегов, Шведова 2006], [БТС], [МАС]. Сегодня две числовые формы этого имени настолько далеки семантически, что в некоторых словарях [см. Ожегов, Шведова 2006] даже имеют отдельные словарные статьи.

Заметим, что отношения семантической производности всех этих лексем не могут быть установлены с помощью синхронного семантического анализа, поскольку ни одна из них уже не является лексемой в том смысле этого слова, которое было принято МСШ. В языке XXI века *толк* встречается только в устойчивых конструкциях, каждая из которых обладает своей уникальной семантикой, специфичным набором грамматических свойств и ограничений на сочетаемость.

Цель настоящего исследования – определить те паттерны семантической деривации, которые позволили двум числовым формам имени разойтись по своему лексическому значению и образовать два разных класса конструкций, отличающихся не только семантикой (ср. ‘мышление’ vs ‘речевой акт’), но и степенью лексикализации.

Для выявления отношений семантической производности в структуре многозначности *толк* семантические деривации были рассмотрены в диахронической перспективе на материале корпусных данных, а также данных картотеки Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Было показано, что исконно имя *толк* в русском языке не обладало речевой семантикой, а получило её лишь на рубеже XVIII-XIX вв. в результате встраивания мотивирующего предиката *толковать* в реципрокальную конструкцию с творительным, которая использовалась для передачи значения совместного действия и предполагала заполнение объектной валентности актантом, обладающим агентивными свойствами. Как известно, такой вид семантической деривации, при котором использование слова в новом классе конструкций приводит к развитию нового значения связывают с принципом coercion [Michaelis 2004: 25].

В отличие от обладающего речевой семантикой *толк* – отглагольного деривата, унаследовавшего семантические компоненты 'повторяемость', 'неконтролируемость', 'интенсивность' – диахроническое развитие исконного (семантически непроизводного) *толк* проходило по универсальному пути именной метонимии и затем с этой готовой семантикой оно встраивалось в конструкции. Это слово встречается уже в самых ранних древнерусских памятниках в значениях 'переводчик', 'интерпретация, перевод', в начальный период формирования русского языка активно развивает производные значения 'учение' и 'смысл', а к концу XVIII века «застывает» в ряде идиоматических и дискурсивных конструкций (*сбить с толку NP-Acc, NP-Inst* 'запутать, привести в замешательство'; *знать/понимать толк в NP-Loc* 'разбираться, хорошо знать что-либо'; *добиться толку от NP-Gen* 'узнать, выведать, получить желаемое'; *взять NP-Acc в толк* 'уяснить, усвоить' и т.п.).

Таким образом, числовые формы *толк* и *толки* имели совершенно разную судьбу, разное происхождение, и потому сегодня они отсылают к двум разным этапам семантической эволюции предиката. И хотя с формальной точки зрения числовая парадигма этого имени всё ещё имеет две числовые формы сингуляриса и плюралиса, и это отражается в синхронных словарях, говорить о непосредственной семантической связи этих форм как принадлежащих одной лексеме, по-видимому, неправомерно.

Литература

Michaelis Laura A. *Type shifting in Construction Grammar: An integrated approach to aspectual coercion*. *Cognitive Linguistics*, 2004. Vol. 15/1. pp. 1–67

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2003.

МАС — Словарь русского языка в 4-х томах: Описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). М., 2005.

[Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2006.

Сатюкова Дарья Николаевна

ИЛИ РАН

(Санкт-Петербург, Россия)

daria.satyukova@gmail.com

С мое, с твое: об одной конструкции с притяжательным местоимением в современном русском языке

В докладе рассматривается одна из устойчивых форм употребления притяжательных местоимений, представляющая собой сочетание притяжательного слова в форме среднего рода с предлогом *с* (*с мое*). В этой модели могут использоваться все притяжательные местоимения (*с мое, с твое, с наше, с ваше, с его, с ее, с их, со свое*), а также некоторые притяжательные прилагательные (*с бабушкино*). Ср.:

(1) *У тебя бессонницы быть не должно, ты еще мал. Поживешь с мое, тогда, пожалуй, не спи.* [Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)]

Конструкция состоит из двух элементов — притяжательного местоимения в форме среднего рода и предлога *с*. Важно, что местоимение в этой конструкции выступает без именной вершины и такая вершина не может быть восстановлена из контекста.

В семантическом отношении сочетание *с мое* / *с твое* / *с бабушкино* содержат сравнение ('столько, сколько я / ты / бабушка') и одновременно выражают качество (*как?*) и количество (*сколько?*).

В корпусных примерах чаще встречаются притяжательные местоимения 1-го лица (*с мое, с наше*), второе место по частотности занимают местоимения 2-го лица (*с твое, с ваше*). В каждой паре местоимения в ед. ч. используются в несколько раз чаще, чем во мн. ч. Примеры с местоимениями 3-го лица и возвратно-притяжательным местоимением *свой* в корпусе единичны.

Ниже описываются некоторые особенности использования в конструкции притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица.

Сочетания с местоимениями 1-го л. и 2-го л. близки по своей прагматике, но различаются по некоторым языковым средствам ее выражения. Прагматическое наполнение сочетаний типа *с мое, с твое* сводится к попытке выразить упрек собеседнику (пример 2) или дать ему совет (пример 3), продемонстрировать наличие собственного жизненного опыта или знаний, достаточных для принятия решений. Конструкция приобретает высокомерный оттенок и служит для подчеркивания авторитета говорящего на основании его опыта и возраста.

(2) *Молод ты еще, чтобы над этим смеяться! Поживи с наше...* [Александр Яшин. Рычаги (1956)]

(3) *Книжек-то вы читали много, ну а все же пожили бы с мое, увидели бы такое, чего и в книжках нету.* [В. Г. Короленко. Федор Бесприютный (1886)]

Сочетания с местоимениями 1-го л. используются обычно при глаголах совершенного вида с делимитативными префиксами *по-* и *про-* (*пожить, прослужить*) в формах императива (чаще), сослагательного наклонения или будущего времени индикатива (эти глагольные формы отражают те действия, которые необходимо выполнить собеседнику); типично использование этих сочетаний в двухчастных конструкциях вида *поживешь с мое — увидишь*. Делимитативные формы образуются даже у тех глаголов, у которых — за пределами данной конструкции — эти формы являются очень редкими.

Сочетания с местоимениями 2-го л. употребляются, напротив, с глаголами несовершенного вида (*жить, знать*) в прошедшем или настоящем времени индикатива (глаголы содержат в себе отсылку к тому опыту, который уже пройден говорящим): *да и жил-то я не с твое; я знаю с твое*.

При встраивании в предложение отрицания сочетания вида *с мое, с твое* продолжают сохранять, наряду со сравнительным компонентом, значение большого количества. Ср.:

(4) *Да и жил-то я не с твое и горя-то видал побольше; может, еще что и на пользу скажу.* [А. Н. Островский. Грех да беда на кого не живет (1862)] — 'я имею больший жизненный опыт, чем ты'

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 2001.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена, 1998.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.

Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.

Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. М., 2006.

Сердобольская Наталья Вадимовна

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

serdobolskaya@gmail.com

Кобозева Ирина Михайловна

МГУ им. М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

kobozeva@list.ru

Рамочные коннекторы русского языка: между гипотаксисом и паратаксисом

В синтаксисе широко обсуждается противопоставление гипотаксиса (строго подчинительных конструкций, например, условных предложений с союзом *если*) и паратаксиса – более свободных сочетаний клауз, которые могут вводиться не только с помощью сочинительных союзов, но и дискурсивных маркеров, разного рода вводных слов и сочетаний, а также бессоюзно. Для описания семантики конструкций второго типа используют обширные инвентари риторических отношений (Mann, Thompson 1988; Taboada 2006, Кибрик, Подлеская 2009) или логико-семантических отношений (ЛСО) [Инькова, Манзотти 2019], включающие, например, такие отношения, как фон, развитие, детализация, мереология различного типа (иерархизация, обобщение, аддитивность и др.) и т.п. Значение гипотактических конструкций обычно исчисляют, исходя из арсенала значений сирконстантов – причина, время, средство и т.п.

Гипотаксис и паратаксис обычно противопоставлены синтаксически (Гестелец 2001; Пекелис 2009; Scheffler 2013): если конструкции первого типа, в основном, проявляют подчинительные свойства и задают строгие ограничения на порядок клауз и место коннектора, то сочинительные конструкции (паратаксис) с этой точки зрения являются более гибкими. Хорошо известно, однако, что есть ряд полипредикативных конструкций, которые представляют трудность для бинарного противопоставления гипотаксиса и паратаксиса и требуют более детального анализа – это, например, коррелятивные конструкции с союзными словами модели «к»-«т» (*кто... тот; когда... тогда* и др.). В настоящем докладе выделяется еще один тип такого рода конструкций, которые, насколько нам известно, ранее не анализировались как единый класс.

В АГ-80 и словарях [МАС], [Ушаков 1935-1940] выделяется класс союзов и союзных соединений, таких как сочетания, выделенные в примерах ниже:

(1) *Уж на что я не поклонница Пелевина, и то скажу: " Поколение " П ", написанное на том же материале, куда интересней.* [НКРЯ]

(2) *Ее напряжение передавалось гостю, он уже и без того был раздавлен тем, КТО она, а тут еще муж из Парижа звонит...* [НКРЯ]

(3) *Мало того, что намокла я, намокла еще и моя только что купленная шуба!* [НКРЯ]

Как и в коррелятивных конструкциях по модели «к – т» (*Когда предложат место, тогда и будем думать*) в таких сочетаниях 1) практически невозможна перестановка первой и второй клаузы (заметим, что вторая часть таких коннекторов чаще всего содержит сочинительный союз), 2) редко допускается опущение второй части коннектора: необходимо сильно маркированное просодическое оформление; или же при опущении теряется семантика всей конструкции. Мы предлагаем описывать данные конструкции в терминах «рамочных коннекторов», или «рамочных конструкций с коннекторами».

Семантически данные конструкции устроены различным образом. В (1) коннектор выражает отношение Противопоставления (вторая ситуация опровергает ожидания, создаваемые первой ситуацией), но в отличие от союза *но* степень неожиданности второй

ситуации при наличии первой интенсифицируется. В (2) и (3) в первой клаузе используется показатель субъективной оценки говорящим ситуации, задающей градационное отношение: первая ситуация оценивается говорящим высоко на той или иной шкале (гость был раздавлен, а не расстроен или обеспокоен в (2); автору было весьма неприятно в (3)), а вторая клауза вводит ситуацию, которая повышает степень интенсивности совокупности двух ситуаций на шкале общей оценки с тем же аксиологическим знаком ('было нечто весьма плохое / хорошее в некотором отношении, добавилось нечто плохое / хорошее в том же или другом отношении → в целом стало гораздо хуже / лучше'). Вторая клауза вводится сопоставительным союзом или коннектором с мереологическим значением (чаще всего, это аддитивность: *к тому же, кроме того, ещё*). И в (2) и в (3) конструкция в целом может быть описана как мереологическая. При этом чисто аддитивное отношение осложняется субъективной оценкой обеих ситуаций на градуальной шкале. Заметим, что идея градуальности присутствует во всех трех конструкциях.

Еще одно общее дискурсивно-семантическое свойство этих конструкций – это требование к наличию левого вербального контекста. Открывать дискурс они могут только при условии мощного ситуативной поддержки. Некоторых рамочные коннекторы можно даже проанализировать как семантически трехвалентные (например, кластер коннекторов с первым элементом *ладно бы*).

Применение стандартных тестов на сочинение-подчинение к конструкциям с рамочными коннекторами дает противоречивые результаты; большая часть синтаксических свойств, однако, говорит в пользу сочинения (напр., воздействие матричного глагола, невозможность гнездования, невозможность фокусирования ЛСО).

В список рассматриваемых коннекторов входят, в том числе, следующие единицы:

(4) союз *мало того что... но/так ещё (и)* [АГ-80];

частица-союз *ладно (, если) бы* [МАС; АГ-80] / союз *добро бы* [Ушаков 1935-1940; АГ-80] / союз или союзное соединение *если бы* [АГ-80] / союз *пусть бы* с правой частью *но/так/а/а то* [АГ-80];

союзное соединение *и без того... а/так (еще)* [АГ-80];

союзное соединение *и так... а/так/да (тут) (ещё)* [АГ-80];

союз *уж на что... а и* [АГ-80]

Итак, мы предлагаем выделять особый класс рамочных коннекторов, которые характеризуются фиксированным порядком и синтаксически близки к паратаксису.

Литература

АГ-80: Шведова Н.Ю. (ред.) 1980. Русская грамматика. М.: Наука.

Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: Языки славянских культур 2019.

Кибрик А.А., Подлеская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса, М.: Языки славянских культур, 2009.

МАС: Евгеньева А. П. (ред.). 1981–1984. Словарь русского языка: В 4-х т / АН СССР, Ин-т рус. яз.; 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык.

Пекелис О.Е. 2009. Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики. Дисс. канд. М.: РГГУ.

Тестелец Я.Г. 2001. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ.

Ушаков Д.Н. (ред.). 1935–1940. Толковый словарь русского языка: т. 1–4. М.: Советская энциклопедия.

Mann W. C., Thompson S. A. 1988. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization. Text: Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 8 (3): 243–281.

Scheffler T. 2013. Two-dimensional semantics: clausal adjuncts and complements. Berlin: Mouton de Gruyter.

Студеникина Ксения Андреевна

МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
xeanst@gmail.com

Врубель Диана Дмитриевна

независимый исследователь
(Москва, Россия)
diana.vrubel@gmail.com

Паско Лада Игоревна

МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
paskolada@yandex.ru

**«Сильные» и «слабые» факторы при частичном предикативном согласовании:
метаисследование**

Введение. В русском языке существуют две стратегии согласования предиката с сочиненными конструкциями: стандартное согласование (1), заключающееся в согласовании по множественному числу со всей конструкцией, и частичное (2), подразумевающее согласование только с одним из конъюнктов.

- (1) а. *На столе лежат ручка и карандаш.*
б. *На столе лежит ручка и карандаш.*

На доступность частичного согласования влияет ряд факторов, разделяемых в литературе на сильные и слабые [Санников 2008; Пекелис 2013а]. Сильные факторы полностью блокируют возможность стандартного согласования, в то время как слабые факторы только понижают вероятность выбора стандартного согласования и повышают приемлемость частичного. К факторам, влияющим на выбор стратегии согласования в целом, относится, например, взаимное расположение предиката и сочиненной конструкции [Пешковский 1956], референция конъюнктов [Кодзасов 1987], совпадение или несовпадение рода конъюнктов [Санников 2008], а также симметричность предиката [РГ 1980; Пекелис 2013б; Krejci 2020].

Проблема. Одни и те же факторы могут считаться сильными факторами в одних исследованиях и слабыми в других. Так, например, симметричность предиката рассматривается как сильный фактор в ряде работ [РГ 1980; Пекелис 2013б; Krejci 2020] и как слабый фактор в работе [Санников 2008]. Такая неоднозначность связана в первую очередь с тем, что большинство исследований частичного согласования основаны преимущественно на интроспекции исследователей, а сами факторы зачастую рассматриваются не изолированно друг от друга. Эти проблемы могут быть решены с помощью экспериментальных исследований.

Цель исследования. Целью данного исследования было проверить силу факторов, влияющих на приемлемость частичного согласования, основываясь на результатах синтаксических экспериментов. В таком случае интроспективные суждения заменяются усредненными суждениями носителей, оценка силы факторов может быть произведена на

основе специальной статистической метрики — силы эффекта, а факторы могут быть изолированы и оценены отдельно друг от друга благодаря дизайну экспериментов и статистическому анализу результатов с использованием линейных смешанных моделей.

№	Порядок слов	Род конъюнктов	Тип конъюнктов	Тип предиката	Число предиката
Студеникина 2023	SV/ VS	совпадает	одуш./ неодуш.	несимметр.	ед.ч./ мн.ч.
Врубель 2023	VS	совпадает/ различается	одуш./ неодуш.	несимметр.	ед.ч./ мн.ч.
Паско 2023	SV/ VS	совпадает/ различается	неодуш.	несимметр./ симметр.	ед.ч./ мн.ч.

Таблица 1. Исследуемые факторы.

Эксперименты. Представленное в данной работе метаисследование основывается на данных трех синтаксических экспериментов [Врубель 2023; Паско 2023; Студеникина 2023]. Во всех исследованиях в качестве зависимой переменной была выбрана оценка приемлемости по шкале Ликерта 1–7. В Таблице 1 представлены факторы, исследуемые в каждом из экспериментов. Красным цветом выделены независимые факторы, синим — контролируемые и зеленым — фиксированные.

Результаты. Статистический анализ проводился с помощью линейных смешанных моделей, а также метода множественных попарных сравнений Тьюки. В каждом из представленных экспериментов число предиката оказалось значимым фактором. Так, при любых сочетаниях исследуемых факторов стандартное согласование оценивалось выше частичного. В исследованиях, где взаимное расположение предиката и сочиненной конструкции рассматривалось как независимая переменная, взаимодействия числа предиката и порядка слов также оказалось значимым [Паско 2023, Студеникина 2023]. Другим значимым фактором, повышающим приемлемость частичного согласования, оказалось совпадение рода конъюнктов [Врубель 2023]. Ни в одном из исследований не наблюдалось значимой разницы между стимулами с одушевленными и неодушевленными конъюнктами (для обеих стратегий согласования), также значимым фактором не оказался тип предиката.

Численные результаты значимости факторов, полученные в разных экспериментах, невозможно сравнить напрямую из-за разницы в лексическом наполнении и наборе респондентов. По этой причине в метаисследованиях, как правило, используется метрика d Коэна (*Cohen's d*), которая учитывает коэффициенты и дисперсию в каждом отдельном эксперименте [Cohen 1988].

$$d = \frac{\text{difference between the means}}{\sqrt{\text{varintercept}_{part} + \text{varintecept}_{item} + \text{varslope}_{part} + \text{varslope}_{item} + \text{var}_{residual}}}$$

Данная метрика позволяет оценить силу эффекта значимых факторов. Порядок слов, значимый при взаимодействии с фактором числа, имеет в разных экспериментах силу эффекта от маленькой до средней (в соответствии с пороговыми значениями, представленными в [Cohen 1988]). Соотношение рода конъюнктов, незначимое при настоящем времени предиката [Паско 2023], оказывается слабым фактором при взаимодействии с числом предиката в прошедшем времени [Врубель 2023].

Выводы. Данная работа представляет анализ результатов трех экспериментальных исследований частичного согласования. Статистические метрики позволили сделать выводы о силе факторов, влияющих на его приемлемость, не прибегая к субъективным суждениям и интроспекции.

Литература

- Cohen J. *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. New York, NY: Routledge Academic, 1988.
- Krejci B. *Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian*. PhD thesis, Stanford University, 2020.
- Врубель Д. Д. Эффект синкретизма при предикативном согласовании с сочинительными конструкциями с повторяющимся союзом *и* // Рема. 2023. №2. С. 104–119
- Кодзасов С. В. Число в сочинительных конструкциях // А.Е. Кибрик, А.С.Нариньяни (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Паско Л. И. Против АТВ-анализа частичного согласования в русском языке: экспериментальное исследование // Рема. 2023. №2. С. 89–104
- Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. №4. С. 55–86.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-ое изд. М., 1928/2001.
- Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Студеникина К. А. Влияние одушевленности конъюнктов и линейной позиции сказуемого на выбор стратегии предикативного согласования [Устный доклад]. Учебная конференция «Экспериментальные исследования языка», Москва, 22 июня 2023 г.

Циммерлинг Антон Владимирович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
fagraey64@hotmail.com

«Общие факты». несовершенный вид и верификация¹⁰

Термин ‘общефактическое значение несовершенного вида’ (ОФ-НСВ), введенный в [Маслов 1959], — часть номенклатуры аспектологии. Он отсылает к предложениям типа *Иван ранее ходил на байдарке*, которые сообщают о личном опыте *X-a* в неопределенном прошлом, и к предложениям типа *Иван сегодня утром вынимал почту*, где описываются события прошлого, произошедшие в течение некоторого определенного отрезка времени. Первую группу употреблений Е. В. Падучева называет ‘ОФ экзистенциальным’ (ОФ-ЭКЗ), а вторую — ‘ОФ конкретным’ (ОФ-КОН). По ее мнению, они отличаются лишь по признаку ‘± кратность (повторяемость) ситуации’ — ОФ-КОН предположительно указывает на единичные ситуации [Падучева 1996: 43].

В своих поздних работах Ю. С. Маслов принял отождествление значения ОФ-НСВ с т.н. простой денотацией (*simple denotation*) — конструктом, введенным в книге [Forsyth 1970]. Под ‘простой денотацией’ Форсайт и Маслов понимают отсутствие у ОФ-НСВ собственной аспектуальной семантики, которая заменяется указанием на событие в целом. Ю. С. Маслов утверждает, что предложения ОФ-НСВ обозначают в славянских языках ‘общие факты’, в то время как предложения с глаголом совершенного вида (СВ)

¹⁰ Исследование проведено при поддержке проекта РНФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

обозначают ‘конкретные факты’ [Маслов 2004: 99, 103, 323, 408]. Однако выражения ‘простая денотация’ и ‘общие факты’ не являются частью ясной системы понятий. В логической традиции, связанной с Д. С. Миллем и Б. Расселом, под денотацией понимают указание на предмет (индивид) без обозначения его свойств. События (events), т. е. упорядоченные пары начального и конечного положений дел, — это эпизоды существования мира во времени и пространстве [Davidson 1980]. Их можно трактовать как индивиды и квантифицировать, что предлагает теория Д. Дэвидсона и восходящие к ней таксономии предикатов [Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Bach 1985; Падучева 2009; Циммерлинг 2022]. Денотация не предполагает комбинаторики значений [Russell 1905], поэтому указание на событие или множество событий нельзя представить в качестве компонента значения вида. Онтология фактов создана З. Вендлером [Vendler 1967; Kiparsky 1970] и развита Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988]. В этой традиции фактом называют логическую истину, которая не может быть отменена при увеличении объема знаний X -а. Фактами могут быть как истинные утверждения о законах природы и математики, так и истинные утверждения о том, что некоторое частное событие случилось когда-то и где-то. Тем самым, различие ‘общих’ и ‘частных’ фактов в рамках онтологии фактов лишено смысла.

Если у предложений ОФ-НСВ есть некоторое неаспектуальное (логико-семантическое и/или коммуникативное) значение, необходимо определить его тип. Разумно ограничить рассмотрение рамками одного языка, так как круг денотативных ситуаций, где славянские языки используют конструкции ОФ-НСВ, по языкам не совпадает. Чешский язык, в отличие от русского, не допускает форму НСВ в рассказе о неопределенном прошлом, т.е. не использует предложений с ОФ-ЭКЗ [Петрухина 2013], а болгарский язык, где есть разные формы прошедшего времени, ограничивает употребление ОФ-ЭКЗ конструкцией перфекта [Славкова 2015]. Для русского языка, Х. Р. Мелиг сближает разводимые им значения ОФ-ЭКЗ и ОФ-КОН со значением бытийных предложений [Мелиг 2013]. В [Хонг 2003] значение ОФ-НСВ связывается с особым типом речевых актов — категорическими утверждениями. Примем за основу анализ, намеченный в [Янко 2005]: при отрицании множественных событий, ср. *не захаживал*, арх. *не сыпывал*, *не делывал*, выражается значение *фальсификации* утверждения о том, что событие $x \in X$ имело место ($\neg \forall (x \in X) P(x)$), а при подтверждении события или событий — парное ему значение *верификации* ($\exists (x \in X) P(x)$). Этот анализ уместно распространить и на те предложения ОФ-НСВ, где форма глагола внешне не маркирована, как обозначающая множественную ситуацию. Предложения типа *X играл в теннис*, *X заходил в дом* в разных контекстах могут обозначать как повторяющиеся, так и единичные ситуации. В русистике бытует мнение, будто в неотрицательных высказываниях об определенном отрезке времени форма ОФ-НСВ якобы может обозначать только единичную (уникальную) ситуацию [Падучева 1996: 43 – 46; Мелиг 2013: 34]. В действительности, в русской глагольной грамматике нет постулированного Е. В. Падучевой и Х. Р. Мелигом ограничения на уникальность, и форма ОФ-НСВ везде имеет одно и то же значение:

- (i) X подтверждает, что событие p имело место в прошлом, **по меньшей мере, один раз.**

Предложение (1) истинно и в том случае, если прошлый опыт X -а включает единственное событие ‘ X ходил на байдарке’. Предложение (2) истинно и в том случае, если X сегодня утром вынимал почту из почтового ящика десять раз. Все допущения о единственности или неединственности денотативной ситуации относятся к уровню прагматики, т.е. представлениям коммуникантов о том, является ли нормальным для осуществления действия описываемого типа (*вынимать почту*, *заполнять анкету*, *реанимировать пациента* и т.п.) в данном контексте однократное или многократное выполнение.

- (1) Иван ранее ходило_{Ф-ЭКЗ} на байдарке.

(2) Иван сегодня утром вынимал_{ОФ-КОН} почту.

Верификацию и фальсификацию можно связывать с типами речевых актов, но описание в терминах речевых актов необязательно сводится к логической семантике. Верификация — одно из базовых логико-семантических значений, оно определяется как значение выбора на множестве из двух альтернатив $\{p; \sim p\}$. Говорящий берет за основу гипотезу p , проверяет исходы p и $\sim p$ и делает вывод о том, что p подтвердилось. Значения данного типа всегда имеют ненулевые маркеры, например, верификативный акцент и употребление дискурсивных слов, ср. англ. *really, actually*, рус. *действительно, правда*. Еще одним маркером, закрепленным в морфологии русского глагола, является выбор формы ОФ-НСВ. Стоит подчеркнуть, что бытийные предложения, ср. *На полке лежит книга; В лесу родилась елочка*, и предложения локализации, ср. *Книга лежит на полке; Елочка родилась в лесу*, сами по себе не имеют верификативного значения. Утверждение о том, что p , нетождественно утверждению о том, что X проверил исходы p и $\sim p$ и подтвердил p .

Литература

Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н. Д.* Оценка, событие, факт. Москва: Наука, 1988. 338 с.

Булыгина 1982 – *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука. С. 7 - 85.

Маслов 1959 – *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1959. С. 157- 312.

Маслов 2004 – *Маслов Ю. С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры 2004. 840 с.

Мелиг 2013 – *Мелиг Х.Р.* Общефактическое и единично-фактическое значение несовершенного вида в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013, 4. С.19-47.

Падучева 1996 – *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Падучева 2009 – *Падучева Е.В.* Структура события, семантические роли, аспектуальность, каузация // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2009, 6. С.38-45.

Петрухина 2013 – *Петрухина Е. В.* Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013, 4. С. 48-69.

Селиверстова 1982 – *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и некоторые предикатные типы русского языка // О. Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука. С. 86- 157.

Славкова 2015 – *Славкова С.* Использование глагольных времен при выражении общефактического значения НСВ в болгарском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2015, 3. С. 153-168.

Циммерлинг 2022 – *Циммерлинг А. В.* Предикаты состояния и семантические типы предикатов // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски / С. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2022. С. 31–52.

Хонг 2003 – *Хонг, Тэк-Гю.* 2003. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М.: Индрик.

Янко 2005 – *Янко Т. Е.* Янко Т.Е. Многократный подвид древнерусского глагола в кванторном значении // Н.Д. Арутюнова (отв. ред), Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005. С. 217 - 242.

Bach 1986 – *Bach E.* Natural Language Metaphysics // Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII / Barcan Marcus R., Dorn G. J. W., Weingartner P. (eds.). Amsterdam et al.: North Holland, 1986. P. 573–595.

Davidson 1980 – *Davidson D.* The Individuation of Events // Essays on Actions and Events Davidson, D. (Ed.). Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 163–180.

Forsyth 1970 — *Forsyth J.* 1970. A grammar of aspect: usage and meaning in the Russian verb. Extra volume in Dennis Ward (ed.), Studies in the modern Russian language. Cambridge: CUP, 1970.

Kiparsky 1970 – *Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // Bierwisch M., Heidolph K.E. (Eds.). Progress in Linguistics. The Hague: Mouton, 1970. P. 143–174.

Russell 1905 – *Russell B.* On Denoting // Mind 14 (56).

Vendler 1967 – *Vendler Z.* Causal Relations // The Journal of Philosophy, 1967, 21. P. 704 – 713.

Шапошников Владимир Николаевич

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

Границы части речи и лексико-грамматические процессы в классах предлогов

Служебная часть речи, предлоги обозначают отношения, существующие между словами, и связи, возникающие в высказывании. Характерна природа ее единиц. Являясь средством связей и отношений между словами, семантика предлогов представляет разные логико-понятийные типы. Значение предлога реализуется только в связи с падежом существительного, однако при этой обязательной связи степень несамостоятельности предлогов различна.

Имеют место некоторые лексико-грамматические процессы в системе частей речи. Исследуются происходящие языковые изменения.

В речи функционируют дискурсивные формы, по-разному обозначающие отношения между словами. Они имеют особые синтагматические и парадигматические характеристики. Некоторые из них допускают присоединение и вставки других слов. Это свидетельствует о месте таких единиц в системе частей речи и их опосредованном и несформированном отношении к предлогам. В некоторых коннекторных единицах вставка не является совершенно невозможной, но затруднена или нежелательна: *по [] причине* неяски, *в [] связи [] с, в [] составе []*. В других производных предлогах не допускаются вставки и присоединения слов: *в отличие от, в сравнении с, в виде, в духе, в ходе, по поводу, в сторону, на уровне*.

Отсюда вытекает категориальное определение единицы служебной части речи. Возможность вставки в производную единицу создает свободное сочетание знаменательных слов; невозможность вставки других слов определяет предлог. Показательна возможность перестановки элементов коннекторного сочетания. Перестановка элементов обуславливается сочетательными возможностями знаменательных слов. В таких сочетаниях существительные, деепричастия, наречия не преодолели своих категориальных свойств знаменательной части речи. Наоборот,

невозможность перестановки частей грамматического сочетания и элементов его окружения свойственна предлогу.

На основе атрибуции семантики единиц и установления ее критериев выявляются стадии превращения лексической семантики в значение незнаменательного слова - предлога.

Появляются новые значения предлогов в их современном функционировании. Таковы первообразные предлоги: *по, от, с, про, на*. Отмечаются новые значения производных предлогов: *вокруг*.

Наблюдается реактуализация предлогов в современном русском языке. Происходит изменение грамматических конструкций: что касается предмета, то... Происходит стилевое перемещение некоторых предложных единиц.

В современной коммуникации создаются окказиональные предлоги. Фигурируют окказиональные единицы в специфической сфере интернет-коммуникации.

Шмелев Алексей Дмитриевич

ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

shmelev.alexei@gmail.com

Русское отглагольное словообразование: материалы к словарю

Основной тезис – исследование словообразовательных парадигм русских глаголов позволяет выявить их нетривиальные языковые свойства, уточнить их разбиение на значения и для каждого значения обнаружить релевантные семантические, сочетаемостные и аспектуальные характеристики. Этот тезис иллюстрировался в ряде предыдущих публикаций на материале глаголов *терпеть* и *жить* (последний в совместной публикации с Е. Я. Шмелевой). Здесь будут рассмотрены глаголы *ударить/ударять* и *бить*.

От пары *ударить/ударять* в основном значении S_0 – *удар*. Соответственно, эти глаголы синонимичны конструкции с лексической функцией *нанести/наносить удар* (если ударов несколько – *наносить удары*). От глагола *бить* в основном значении нет стандартного заполнения функции S_0 ; в качестве несобственного заполнения функции используется то же слово *удар*.

Глаголы *ударять* и *бить* весьма близки по значению: *тут он ударяет кулаком по столу* ≈ *тут он бьет кулаком по столу*; *ударяет по мячу* ≈ *бьет по мячу*. Эта близость проявляется и в том, что в одном из значений (в конструкции *ударить по воротам*) глагол *бить* стал супплетивным видовым коррелятом для *ударить* (*бить по воротам*, но не **ударять по воротам*). Однако словообразовательные парадигмы этих глаголов во многих отношениях различны. Так, пара *удариться/ударяться* имеет мало общего с глаголом *биться*.

Поскольку одно из значений глагола *бить* (при одушевленном объекте) предполагает нанесение физического ущерба (в частности, причинение боли), от него есть целый ряд приставочных образований типа *избить* и *побить*. От глагола *ударять* таких образований нет.

В целом ряде производных мотивация не вполне прозрачна. Описание таких производных и соотнесение их с конкретным значением производящего составляет отдельную задачу. Возможно, в каких-то случаях производность уже утрачена.

Янко Татьяна Евгеньевна
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
tanya_yanko@list.ru

Переспрос как элемент русской грамматики

Вопрос-переспрос задается в связи с фрагментом или всей предшествующей переспросу речью, не понятой говорящим. Если понятный фрагмент имеется, говорящий повторяет (цитирует) его в переспросе. О переспросе существует большая литература: [Брызгунова 1982: 400], [Bolinger 1987], [Sudo 2011], [Dingemanse et al. 2013], [Enfield 2017], [Кобозева 2020].

Анализируется разнообразие иллокутивных типов русского переспроса и соответствующих средств выражения. Выделяется переспрос к плану выражения, который задается, если текущий говорящий не расслышал слов предыдущего говорящего, и делает запрос на повтор.

Переспрос к плану выражения рассматривается в оппозиции к переспросу о непонятом плане содержания. Переспрос к плану содержания может использоваться и в случае непонимания плана выражения, потому что, если невнятна форма, то неясно и содержание. Переспрос к плану выражения — это маркированный член оппозиции «переспрос к плану выражения vs. переспрос к плану содержания»: в отличие от переспроса к смыслу он имеет специальную манифестацию.

Выдвигается гипотеза о том, что переспрос к плану выражения можно рассматривать как феномен русской грамматики. Переспрос к плану выражения — это большой класс речевых актов. Переспрос такого типа имеет ясную иллокутивную цель, а также уникальные и регулярные средства манифестации, вариативность которых объясняется фонетически.

В докладе дается анализ просодии переспроса к плану выражения в зависимости от объема и структуры сегментного материала переспроса.

II. «Грамматические процессы и системы в диахронии»

Буденная Евгения Владимировна

НИУ «Высшая школа экономики» / Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
jane.sdrv@gmail.com

Литвинцева Кристина Викторовна

НИУ «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
tinalitvina@gmail.com

Яковлева Анастасия Владимировна

НИУ «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
avyakovleva@hse.ru

Русские конструкции со значением неопределенности в диахронической перспективе: о чём знают Бог, чёрт и другие?*

Русский язык располагает идиоматизированными синонимичными конструкциями вида *Бог/черт/хрен/х** знает*, зачастую с зависимым вопросительным местоимением или наречием. Эти конструкции имеют семантику негативной оценки неизвестного для говорящего компонента ситуации (1), а также могут выступать в качестве интенсификатора (2) и в контекстах без вопросительного слова в роли самостоятельных дискурсивных формул (3):

(1) Я ушел из дому, на долгие годы порвал с друзьями, жил **бог знает где** и **бог знает с кем**. [Запись LiveJournal (2004)]¹¹

(2) Ехать пришлось с пересадкой на автобус в **черт знает каких** далях. [Борис Поздняков. Ананасы // «Сибирские огни», 2013]

(3) Может, и у этого нового князя тоже есть прислуга? **Хрен его знает**. [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015]

С типологической точки зрения конструкции (1-3) также распространены в индоевропейских [Haspelmath 1997: 116] и в прибалтийско-финских языках [Кегауов

* Исследование подготовлено по результатам проекта «База данных по историческим изменениям русских конструкций «Diachronicon»» при поддержке Фонда академического развития ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2022- 2024 году.

¹¹ Здесь и далее примеры приводятся из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), <https://ruscorpora.ru/>.

2009]. Однако в лингвистических работах они рассматривались, как правило, в синхронической перспективе и как синонимичные [Тестелец, Былинина 2005; Иомдин 2018]. Диахроническое же развитие данных конструкций практически не изучалось. В этой связи в работе был осуществлен корпусный анализ (данные НКРЯ, ГИКРЯ и корпуса ruTenTen) конструкций вида (1-3), с целью изучения конкретных механизмов конструкционализации и идиоматизации. Отдельное внимание уделялось взаимосвязи между вариативностью якоря и семантическими переходами и вариантам, в которых взаимозаменяемость якорных лексем невозможна (*Бог/черт/хрен знает*, но *Бог/*черт/?хрен вест*, *черт-те что/*Бог-те что*, *хз < хрен знает / *Бз < Бог знает*).

В результате корпусного диахронического исследования было выявлено, что:

1) Субъектный якорь (*Бог vs. черт vs. хрен/х***) оказывается вторичным по отношению к основным семантическим и синтаксическим этапам диахронического развития конструкции.

2) Варианты с местоименным распространителем (*Бог/черт/хрен его знает*) характерны для всех рассматриваемых якорей конструкции и развиваются начиная с XVIII века; в дальнейшем происходит постепенная десемантизация и утрата референтности местоимения 3-го лица. Однако в конструкциях с якорем *черт* также десемантизируется местоимение 2-го лица, что приводит к возникновению дополнительного варианта конструкции вида *черт-те* (< тебя знает) X. Согласно корпусным данным, формы с *-те* распространились по аналогии с ранее редуцировавшимися местоименными формами в императивных ругательных конструкциях вида *черт те* (<др.-рус. тебе, совр. рус. тебя) *дери* и могут рассматриваться в рамках общего процесса десемантизации и утраты референтности местоимений второго лица, характерного для ругательств.

3) Семантическая эволюция наглядно прослеживается на примерах конструкций с якорями *Бог* и *черт*: от выражений с неопределенной семантикой (дискурсивные формулы и модальные предикации) к оценочным (XVIII-XIX вв.) и далее – к интенсифицирующим (XIX в.). Однако в процессе эволюции конструкции с *Бог* развивают также семантику положительной оценки: *обрадоваться, как бог вест чему* (= чему-то очень хорошему). Данное явление в целом характерно для неопределенных местоимений [Haspelmath 1997], которые в ходе высказывания могут как усиливать важность референта, так и обесценивать его.

4) Один из вариантов конструкции, *Бог вест*, после развития интенсифицирующего значения начинает также последовательно употребляться под отрицанием и в дальнейшем развивает деинтенсифицирующую семантику (*не Бог вест что* = нечто незначительное). Подобное развитие не характерно для конструкций с якорем *черт* и *хрен/х(**)*. По-видимому, именно конструкция *не Бог вест* стала конвенциональным способом для обозначения деинтенсификации, из-за меньшей композициональности носители языка уже не осознают форму *вест* как личную глагольную, в отличие от *знает*.

5) Более новые эвфемистичные конструкции с *хрен* развивают аббревиативные формы вида *хз*, обладающие отличительными синтаксическими особенностями: в них оказывается возможной актуализация одного из компонентов якоря (*я не хз на какой спать* = 'я не знаю, на какой спать') и превращение всей конструкции в отдельную предикацию (*я хз* = я не знаю), с полным стиранием изначальной субъектной семантики якоря *х* в *хз*.

6) Новые конструкции с якорем вида *х**/хрен/хер/х знает/хз*, с одной стороны, также отражают семантические импликации, характерные для конструкций с *Бог* и *черт*, однако обладают функциями, которые не представлены с другими вариантами якоря. Так, их якорь может функционировать в виде частичной или полной аббревиатуры *х знает/хз*; они также могут актуализировать лишь один из компонентов якоря *хз* и выполнять специфические синтаксические функции.

Таким образом, конструкции, традиционно относимые к синонимичным, в диахронической перспективе демонстрируют ряд отличительных особенностей.

Наблюдения, выявленные в данном исследовании для трех конкретных конструкций с вариативным якорем, в дальнейшем могут быть обобщены и проверены для других выражений подобного рода, расширяя перспективы грамматики конструкций.

Литература

Иомдин 2018 — Иомдин Л. Л. Еще раз о микроконструкциях, сформированных служебными словами: *то и дело* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 17 (24). М., 2018. С. 267-283.

Тестелец, Былинина 2005 — Тестелец Я. Г., Былинина Е. Г. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы // Материалы семинара “Теоретическая семантика”. ИППИ РАН. 2005. https://www.rsuh.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf

Haspelmath 1997 — Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Kehayov 2009 — Kehayov P. Intensifiers as polarity items: evidence from Estonian // STUF – Language Typology and Universals. 2009. Vol. 62(1–2). P. 140-164.

Вернер Инна Вениаминовна
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
inna.verner@mail.ru

«Креативная» грамматика в переводах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского

Доклад посвящен трем особым грамматико-синтаксическим формам и конструкциям в переводных и правленных текстах, а также оригинальных сочинениях Епифания Славинецкого и его сподвижника Евфимия Чудовского (Новый Завет 1670-1680-х гг., Служебник 1655 г., трактат «На оглаголюющая Священную Библию» и др.). Эти формы не принадлежат к «традиционным» грецизмам, известным в истории переводной церковнославянской письменности, но представляют собой результат индивидуального осмысления переводчиками необходимости особого выражения некоторых грамматических значений. Будут рассмотрены попытки грамматикализации Евфимием Чудовским отрицания с наречием *о́лѣо* «еще не» в евангельском тексте (конструкции типа *не у прїиде, не у имаши*). Грамматическими формами с неоднозначным статусом, встречающимися преимущественно в оригинальных текстах чудовских книжников, являются отглагольные образования «наречного» и «адъективного» типа с суффиксом *-тель-* (*прочитателно, повѣдателно, возвратително, помогателный* и др.) Исходя из их грамматической семантики, будет предложено объяснение возникновения этих форм. Еще одним объектом анализа станут многочисленные исправления префиксальных / беспрефиксных глагольных форм в тексте Нового Завета Епифания и Евфимия, зависящие от определенных форм времени соответствующих греческих глаголов.

Галинская Елена Аркадьевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

Позиция несогласованного определения в памятниках смоленской деловой письменности XVII века

В докладе рассматривается порядок расположения несогласованного определения (НСО) и опорного слова (ОС) или, если речь идет о собственном наименовании, словосочетания (ОСС). Материалом исследования послужили следственные дела города Смоленска начала XVII века [Пам. обор. См. 1912].

В смоленских документах есть разнообразные сложные конструкции, например, НСО, выраженное именем и фамилией, может быть разорвано определяемым словом: *били челом <...> Второго **человѣкъ** **Вяземского** **Өилка Яковлев да Өедка Өедоров сынъ Резанов** № 177* (здесь и далее НСО выделено жирным шрифтом, ОС – пунктирным подчеркиванием). Однако основное внимание в докладе уделяется простой разновидности расположения рассматриваемых компонентов – чистой препозиции или постпозиции НСО по отношению к ОС. Обнаружено 364 случая препозиции и 101 случай постпозиции (процентное соотношение: 78,3% – 21,7%).

В зависимости от лексического заполнения НСО могут быть выделены несколько групп, в которых представлено разное соотношение препозиции и постпозиции.

Если в качестве НСО выступает слово *деревня* с относящимся к нему приложением-топонимом, оно **в подавляющем большинстве случаев стоит в постпозиции** (19 примеров), напр.: *а сказали крестьяне **деревни** *Залиновой* №16. Исключений лишь три, напр.: *стоят <...> **деревни** *Волковы Семенов* крестьяниц... № 239.**

Если в качестве НСО выступают термины родства, они находятся **в постпозиции и препозиции в примерно одинаковом количестве случаев** с незначительным преобладанием препозиции (7 случаев, напр.: *сказывал ему **брата** его ученик Юрка* № 110) над постпозицией (5 случаев, напр.: *животы **отца** их и их животы выносила *украдом* № 168).*

Однако в большинстве обнаруженных контекстов **существенно преобладает препозиция НСО.**

Особенно отчетливо это проявляется, когда НСО выражено нарицательным существительным, обозначающим лицо (кроме терминов родства), напр.: *Троецкого **слуги** Өедоров дворник *смолянина Первушка с копьем* № 234; ***крестьян** его Петрушка да *Никонка Борсуковых* животы <...> *приказаны были беречи Иваишу Хрулеву* № 67 (всего 21 случай). Исключение только одно: *есть ли и животы **тѣхъ** **крестьян** Петрушки да *Никонка Борсуковыхъ* № 67.***

Чуть больше исключений наблюдается, если НСО является антропонимом. В препозиции оно стоит более чем в 60 случаях (напр.: *да **Денисья Сукова** икона *обложена серебромъ* № 283), тогда как в постпозиции НСО зафиксировано лишь 5 раз (напр.: ***бьет** челом о *изменничье **поместье** Өвонасья Өилософова* № 275).**

Примерно в четыре раза больше случаев препозиции НСО в контекстах, где НСО обозначает принадлежность по территориальному или служебному признаку. Случаев препозиции насчитывается более 230 (напр.: ***С[моле]нской земли** рубеж с Велижом* № 25; ***быти** у неѣ *Городенские сотни* **посадкому** **человѣку*** № 229), а постпозиции – около 60 (напр.: *взял <...> Гришку **Иванова сына** Василисина **Ивановского стану*** № 240; *да поняты **Пневского яму** <...> *привели* № 151).*

Впрочем, если при ОС имеются указательные или определительные местоимения, вероятность постпозиции увеличивается: НСО находится в препозиции всего 4 раза (напр.: *все **Порецкое волости** крестьяне сказали № 19*), а в постпозиции 10 раз (напр.: *и все **крестьяни Щучейския волости** бьют челом и извещают № 6*). Видимо, разрыв именной группы, состоявшей из местоимения-прилагательного и существительного, был нежелательным.

Итак, при общем процентном соотношении препозиции / постпозиции НСО 78,3% – 21,7% выделяются контексты, где препозиция встречается практически всегда, где она существенно преобладает и где обе позиции одинаково возможны, но есть и особый случай с преобладанием постпозиции.

В целом можно сказать, что препозиция НСО была естественным порядком слов в языке XVII века. Эта синтаксическая особенность не присуща современному русскому литературному языку, но унаследована русской разговорной речью. Ср.: *Игоря мама скоро приезжает* [Земская 2016: 151]; *Покажите пожалуйста мне Илемницкого «Избранное»* [Русская разговорная речь 1978: 275].

При порядке слов НСО – ОС наблюдается интересное явление, связанное с расположением предлога: обнаружено 24 контекста, где предлог стоит перед ОС, напр., *и мы холопи твои писали тѣх **волостей к старостам** № 5*; *и кабала на них **сына еѣ на Иваново цмя** № 221*; *Троецкого **монастыря на подворьи** у слуги у Климентеева 4 чети ржи № 243*. Таким образом, если препозиция НСО была весьма характерна еще для языка XVII века и сохранилась в русской разговорной речи, то постановка предлога не перед НСО, а перед ОС из языка исчезла. Сейчас для русской разговорной речи нормально: *пришел к Игоря брату* и, видимо, невозможно: **пришел Игоря к брату*.

Источники

Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. действительного члена Ю. В. Готье. М., 1912.

Литература

Земская 2016 – Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2016.

Русская разговорная речь 1978 – Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанидзе. М., 1978.

Жолобов Олег Феофанович
Казанский федеральный университет
(Казань, Россия)
ozolobov@mail.ru

Квантификация наречных моделей типа *дѣвакраты, дѣвоицею vs. дѣвашьды* в древнерусской письменности (на материале исторического корпуса «Манускрипт»)*

Исторический электронный корпус «Манускрипт» включает наиболее объемную коллекцию древнеславянских источников XI – начала XV вв. Насущной задачей является экспорт его показаний в древнерусский отдел НКРЯ. Особую ценность корпусу придает его структура и такие возможности, как поиск различных языковых единиц и онлайн-

* Работа выполнена при поддержке РФФ (проект 20-018-00206).

указатели. «Манускрипт» складывается из параллельных подкорпусов Евангелий, Апостола, Паримейника, Паренесиса Ефрема Сирина и летописей. Также имеется подкорпус сборников разного состава.

В древнеславянской письменности функционируют разнообразные типы количественных наречий. Существуют синонимические пары, восходящие к двум книжным традициям – кирилло-мефодиевской и охридской, с одной стороны, и преславской – с другой. Материал корпуса «Манускрипт» позволяет установить реальное распределение количественных наречий, образованных по разным моделям, в подкорпусах богослужебных текстов, постоянно бывших на слуху, и в подкорпусе таких гибридных текстов, как летописи. Как показывает материал берестяной письменности и летописей, восточноболгарские (преславские) члены синонимических рядов типа *дъвашьды*, *тришьды* совпадают с восточнославянскими, в то время как кирилло-мефодиевские и охридские обозначения кратности типа *дъвакраты*, *трикраты* совпадают с западнославянскими. Распределение вариативных наречных образований точно отражает происхождение текстов, редакционные типы, а также их фрагментацию. Так, если в богослужебном Типографском четвероевангелии XII в. среди 27 соответствующих форм преславские варианты полностью отсутствуют, то в полном апракосе – Мстиславовом евангелии – встречается 13 наречий на *-шьды*; если в Захариинском паримейнике 1271 г. из 8 наречных форм лишь одна имеет форму на *-шьды* – наречие *тришьды*, то она принадлежит паримии свв. Борису и Глебу, составленной на основе летописи.

В работах по палеославистике обычно указывают на разные модели наречных производных на основе трех числительных *дъва*, *триє*, *се(д)мь*, однако эти ряды фактически соотносятся со всеми простыми числительными. См., например, отсутствующие в исторических словарях уникальные наречия *пятькраты* (Христинопольский Апостол, XII в., 203; Толстовский Апостол, XIV в., 23), *сьтишьды* (Мстиславово ев., до 1117 г., 104), противопоставленное наречию *сьторицею* других списков. Вместе с тем в оригинальных неспециализированных текстах, в отличие, например, от таких как юридические, наречия на *-шьды* не превышают уровня троекратности, а выше него следует наречие *многожды* < *многашьды*, что обусловлено характером денотативных образов и ограниченными объемами оперативной памяти. Этим объясняется то, что в современном употреблении наречия с суффиксом *-жды* являются производными только от малых числительных ‘1’–‘4’ (ср. *четырижды* в церковно-юридическом тексте – Новгородской кормчей 1285–1291 гг., 462). Наибольшая частотность наречий *трикраты* vs. *тришьды* (подкорпус Евангелий) и *се(д)мицею* vs. *се(д)мишьды* (подкорпус Паримейника) обусловлена символической значимостью числительных ‘3’ и ‘7’ (оба слова – *numeri perfecti* и маркируют культурный код). В подкорпусе Апостола и подкорпусе летописей по частотности на первом месте стоят по совокупности двух вариантов наречия *множицею* и *многашьды*, что указывает на абстрактную интенсификацию денотативного образа.

Иорданиди Софья Ивановна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
siordanidi@yandex.ru

Механизмы преобразования субстантивных парадигм в истории русского языка

Сформулированная в заглавии доклада проблема давно привлекала к себе исследователей русского языка. Существует множество исследований о развитии субстантивных парадигм в исторический период и далее. Наиболее значимой оказывается теория упрощения и сокращения деклинационной системы в истории языка, связывающая изменения парадигм исходного периода с «морфологизацией» рода (с рядом приводящихся морфонологических, лексико-семантических, словообразовательных и некоторых других аспектов языковой системы, вносящих свои коррективы в поступательное движение этих изменений) и с «деморфологизацией» рода, реализующейся в формировании единой парадигмы множественного числа, нарушающей существовавшую изначально соотносительность парадигм ед. и неединственного чисел. Цель доклада – показать по возможности в структурированном виде происходившие в субстантивной парадигматике преобразования, с вниманием к хронологической и территориальной их отнесенности, и описать «работу» каждого из механизмов, участвовавших в процессах перестройки. Механизмы унификации парадигм реализуются как в межпарадигмальном, так и внутрипарадигмальном взаимодействии падежно-числовых субстантивных форм. Другая важная проблема, мимо которой трудно пройти историку языка, это распространенная в настоящее время идея о том, что происходившие в категориальной и парадигматической сферах изменения привели к разрушению «старой» деклинационной системы и становлению «новой». Однако речь может идти только о преобразовании этой системы, осуществлявшейся по сценарию, который и будет представлен в докладе.

Майоров Александр Петрович
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
map1955@mail.ru

**Старорусские формы Тв. мн.
в зеркале грамматики конструкций**

Сложный и противоречивый процесс исторических изменений в системе склонения существительных во мн. ч. сохраняет еще немало загадок для исследователей. Внимание ученых сосредоточено в основном на причинах и обстоятельствах прохождения *а*-экспансии в истории русского языка – на хронологических рамках процесса и территориальных различиях распространения новых форм, на последовательности распространения новых окончаний по падежам, на очередности категорий слов, усваивавших новые окончания, на стилистических факторах восприимчивости новых форм и др. Поиском причин активного соперничества форм Тв. мн. с флексией *-ы/-и* с флексией *-ами/-ями* занимались Б. Унбегаун, Г. А. Хабургаев, С. И. Котков, М. В. Шульга, В. М. Живов и др. Вместе с тем толкование выбора тех или иных форм в рамках их концепций во многих случаях вызывает ряд вопросов.

В современной лингвистике разработаны такие подходы, которые могут открыть новые возможности в исследовании данной проблемы. В частности, эффективной в изучении исторических вариантов Тв. мн. оказывается методология грамматики конструкций (сокращенно СхG), которую отличает интегративный характер анализа структурных и семантических аспектов конструкции во взаимосвязи и взаимозависимости. Речь идет о связи ее употребления с определенными лексическими

ограничениями на те единицы, которые конструкцию заполняют. Обычно имеются в виду глагольные словосочетания, у которых «каждый класс глагольных значений требует особой классификации существительных, потому что различия между существительными, важные для одного класса глагольных значений, оказываются несущественными для другого и наоборот» [Рахилина, Плунгян 2011: 551].

В докладе основным объектом анализа выступают именные группы (ИГ) с вариантами форм Тв. мн. в конструкциях с предлогами *подъ, надъ, передъ* и *за*. Глагольные словосочетания с участием данных предложно-падежных форм привлекаются по мере необходимости. В докладе не рассматриваются комитативные конструкции с предлогом *съ* и конструкции с предлогом *межь/между/промежь*, заслуживающие отдельного исследования. В связи с тем, что семнадцатое столетие считается периодом завершения *a*-экспансии у форм существительных во мн. ч., особое внимание уделяется функционированию вариантов Тв. мн. в русском языке данного исторического периода.

Отталкиваясь от классической версии (работы Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа), теория грамматики конструкций разветвилась в ряде направлений, у которых основополагающими остаются положения о конструкции как языковом единстве формы – значения и о невозможности свести целое конструкции к частям, руководствуясь только композиционным подходом. В последнем случае это особенно актуально в отношении исследуемых конструкций с Тв. мн. на *-ы/-и*, противопоставленным конструкциям с формами на *-ами/-ями*. Семантическая специфика каждой такой конструкции, сопряженная с ее идиоматичным синтаксическим устройством, осложняется прагматикой – наличием тех импликатур, которые выражают коммуникативное намерение писца, жанровую принадлежность текста, создаваемого в том или ином регистре, а в целом опираются на общий фонд знаний российского социума XVII в.

Положения SxG помогают установить набор синхронных и диахронных факторов, воздействующих на выбор конструкции с определенным вариантом формы Тв. мн. Синхронные факторы можно разбить на две категории: одну составляют собственно лингвистические факторы (синтаксические, морфосинтаксические, семантические, лексико-семантические, фонетические), другую – лингвопрагматические (письменная традиция, жанры письменных текстов, коммуникативная установка пишущего, его риторическая стратегия). Суть диахронных факторов обнаруживается в том, что различные хронологические срезы (в частности, 10-70-е гг. XVII в. и последняя треть этого столетия) в сопоставлении демонстрируют динамику изменений употребления анализируемых форм – тенденцию снижения активности одних форм, с одной стороны, и расширение круга функций иных форм, с другой стороны. С помощью данных факторов как параметров анализа исследуется выбор словоформ, и весь набор факторов к анализируемой конструкции применяется одновременно и одновременно, т.е. актуально для данной конструкции в данной коммуникативной ситуации. При этом какой-то фактор из них может оказывать большее воздействие, выходя на первый план. Исключение составляет фактор письменной традиции, значимость которого является равновеликой на протяжении всего рассматриваемого периода и на фоне которого роль остальных имеет свои отличительные черты.

Так, результаты анализа семантического фактора показывают следующее. Формы на *-ами/-ями* выбирают беспредложные конструкции с глаголами определенных семантических классов – с глаголами физического воздействия (*билъ кулаками, простъкалися топорами*); с глаголами движения (*поиде судами, ходить стругами*); с глаголами владения (*владѣли лесами, завладѣль угодыями*); с глаголами *быти, называтися*, которые управляют формами в предикативном значении (*он называет своими учениками; да сподобит вас Господь пресветлыя радости своя наследниками быти*) и др. У предложных конструкций прослеживается достаточно четкое распределение: предложно-падежные формы на *-ами/-ями* усваивают конструкции с Тв. физического пространства (*поясь под рогами, скамья перед креслами, нѣмецкіе люди за*

щитами, над пятию окнами); Тв. осуществления контроля (*подводы* отпущати *подъ гонцами*); Тв. цели (*посылал за орѣхами*); Тв. причины (*за недостатками великими... прожить нечимъ*); Тв. сравнения (*тот лецъ перед теми лецами был томнее*) и с рядом др. значений. Формы на *-ы/-и* употребительны в предложных конструкциях с формами Тв. владения (*написаны лавки и житницы за вяземскими пушкари; велено... всякие земли, села и деревни и починки [и пу]стоши и селища и займища за бояры... за стольники, и за стряпчими, и за дворяны, и за иноземцы [и за] всякими за приказными людьми... писать писцом порознь*); Тв. преследования, поиска и доставки лиц (*За татары посланы в погоню; И тебѣ бы ехать за беглыми кр(е)стьяны*).

В диахронном освещении устойчивость конструкций с формами на *-ы/-и* поддерживается функционированием схематичных идиом (термин У. Крофта), которые согласно принципу наследования образуют семейство аналогичных конструкций. Показательным примером является конструкция *смотрити надъ крестьяны*, в которой форма Тв. мн. *крестьяны* выступает со значением объекта осуществления контроля. Как схематичную идиому эту конструкцию характеризуют, с одной стороны, отклоняющаяся от регулярной реализации форма на *-ы* в предложно-падежном образовании *надъ крестьяны* с отмеченным значением, с другой стороны, достаточная частота повторяемости конструкции (*sufficient frequency*, по А. Голдберг) как условие и для ее предсказуемости, и для наследования другими конструкциями этой формы в указанном значении: *смотрити надъ попы, смотреть надъ целовальники, смотрели над челядники, смотрели надъ воры, ведать над крестьяны*.

Кроме того, как отмечалось выше, старые формы удерживаются под воздействием различных лингвопрагматических факторов – ориентацией на образцы в гибридном регистре, соблюдением норм приказной традиции, проявляющимся в употреблении клишированных оборотов типа *бить батоги, держать за приставы* ‘содержать под стражей’, *похваляться (всякими) лихими дѣлы*.

Таким образом, семантический фактор выбора формы Тв.мн. на *-ы/-и* или на *-ами/-ями* дополняет выявленные В. М. Живовым социолингвистические параметры их употребления в автономных письменных узусах XVII в. – стандартном книжном, гибридном, деловом и бытовом не книжном регистрах. Методика грамматики конструкций доказывает свою эффективность при изучении трудноразрешимых вопросов исторического языкознания.

Литература

Рахилина, Плунгян 2011 – Рахилина Е. В., Плунгян В. А. Ю. Д. Апресян как теоретик грамматики конструкций // Слово и язык. Сб. статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 548-557.

Мишина Екатерина Андреевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

kmishina@mail.ru

Развитие аспектуальной семантики у простых бесприставочных глаголов в диахронической перспективе

В древнерусском языке простые глаголы (не имеющие морфологических показателей вида – приставки или суффикса вторичной имперфективации) довольно долго

рассматривались как амбивалентные по отношению к аспектуальному значению, способные выступать в контекстах, типичных как для совершенного, так и несовершенного видов [Кузнецов 1953; Силина 1982; Кукушкина, Шевелева 1991; Vermeel 1997 и др.]. Однако, как показали недавние исследования, этот класс был неоднороден уже в древнейший период как в древнерусском [Мишина 2018], так и в старославянском [Eckhoff, Janda 2014; Eckhoff, Naug 2015; Kamphuis 2020]: некоторые глаголы в своем употреблении демонстрируют явное предпочтение одному из видов.

Дальнейшее исследование, проведенное на материале исторических корпусов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), позволило более детально изучить аспектуальное поведение простых глаголов на протяжении исторических периодов и сделать вывод о том, что уже в древнерусский период класс простых глаголов, свободно употреблявшихся в контекстах как совершенного, так и несовершенного вида, составлял только треть от всех простых глаголов. При этом внутри этого класса только 10 % полностью амбивалентны, остальные же в своем употреблении тяготеют к одному из видов. Полученные данные заставляют пересмотреть общепринятую точку зрения (сложившуюся в исследованиях XX века), согласно которой большинство простых глаголов в древнерусский период не были втянуты в видовое противопоставление. Проведенное исследование этого не подтверждает. В докладе будут проанализированы различия между подгруппами и факторы, влияющие на аспектуальную семантику и употребление простых глаголов, а также показана динамика на протяжении разных исторических периодов.

Среди факторов, оказывавших влияние на то, к какому аспектуальному полюсу (совершенный вид vs несовершенный вид) сдвигался в своем употреблении простой глагол, значительную роль играли лексическая семантика глагола, предельность. Также очевидно, что заметный сдвиг в сторону одного из видов часто коррелирует с наличием или отсутствием производных глаголов и их употребительностью в языке: рост частотности приставочных производных обычно сопровождается движением простых глаголов в сторону несовершенного вида, тогда как наличие беспрефиксальных суффиксальных производных соотносится с движением в сторону совершенного вида.

Показательно, что уже в древнерусский период количество простых глаголов, демонстрирующих в своем употреблении сдвиг в сторону несовершенного вида, значительно превышает количество простых глаголов, демонстрирующих сдвиг в сторону совершенного вида: «имперфективный кластер» составляет около половины проанализированной выборки, в то время как «перфективный кластер» – лишь пятую часть. Такое положение дел в древнерусском языке хорошо коррелирует с современным русским, где большинство простых глаголов являются глаголами несовершенного вида. Примечательно, что та же тенденция сохраняется и в современном русском языке. Многие двувидовые глаголы (заимствованные из других языков) постепенно втягиваются в видовое противопоставление, причем чаще всего происходит переход в класс глаголов несовершенного вида [Piperski 2018].

Важно подчеркнуть, что небольшой класс простых глаголов совершенного вида (существующий до сих пор во всех современных славянских языках) сформировался почти полностью очень рано. Почти все простые глаголы совершенного вида уже в древнерусский период образовывали видовые пары с бесприставочными суффиксальными глаголами (*дати* – *даяти*). Однако уже в древнерусский период этот класс был непродуктивным. С течением времени в русском языке перфективная группа практически не пополнялась, а, наоборот, сократилась почти вдвое: простые глаголы совершенного вида были вытеснены из употребления приставочными производными.

Напротив, более объемный класс простых глаголов несовершенного вида продолжал пополняться и формироваться в течение длительного периода времени. В древнерусский период кластер простых глаголов, включающий как глаголы, которые уже можно охарактеризовать как глаголы несовершенного вида, так и преимущественно тяготеющие

к несовершенному виду, демонстрирует гораздо большую неоднородность в отношении аспектуального поведения и степени близости к аспектуальному полюсу несовершенного вида. Простые глаголы, активно употреблявшиеся в древнерусском языке в контекстах, типичных для несовершенного вида, но все же допускающие употребления в контекстах, типичных и для совершенного вида, постепенно становились глаголами несовершенного вида. При этом чем большую свободу в отношении аспектуальных значений простой глагол имел в древнерусский период, тем дольше он сохранял свою амбивалентность, но постепенно и такие глаголы примкнули к классу глаголов несовершенного вида. Те немногие простые глаголы, которые остаются двувидовыми в современном русском языке, в древнерусский период были далеки от аспектуального полюса несовершенного вида.

Сравнение древнерусского и старорусского периодов показывает, что в целом между ними нет большой разницы в отношении аспектуального статуса простых глаголов: большинство простых глаголов в старорусский период демонстрируют такое же аспектуальное поведение, как и в древнерусский период, и только некоторые радикально изменились, существенно сдвинувшись к одному из аспектуальных полюсов. Так, например, в старорусский период сократилась употребительность ряда простых глаголов из перфективной группы по сравнению с их префиксальными производными. Полученные результаты свидетельствуют о том, что уже в древнерусский период значение совершенного вида было тесно связано с префиксацией, а позднее в старорусский период эта тенденция продолжала усиливаться.

Литература

- Кузнецов 1953 – Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды Института языкознания АН СССР. 2 С. 220–253.
- Кукушкина, Шевелева 1991 – Кукушкина О. В., Шевелева М. Н. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 6. С. 38–49.
- Мишина 2018 – Мишина Е. А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 1(35). С. 161–182.
- Силина 1982 – Силина В. Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология: глагол. М., 1982. С. 158–279.
- Bermel 1997 – Bermel N. 1997. Context and the lexicon in the development of Russian aspect. Berkeley: University of California Press.
- Eckhoff, Janda 2014 – Eckhoff H. M., Janda L. A. “Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic.” *Transactions of the Philological Society* 112(2), 2014. P. 231–258.
- Eckhoff, Haug 2015 – Eckhoff, Hanne M., Dag T. T. Haug. “Aspect and prefixation in Old Church Slavonic.” *Diachronica* 32(2), 2015. P. 186–230.
- Kamphuis 2020 – Kamphuis J. Verbal Aspect in Old Church Slavonic: A Corpus-Based Approach Studies (= Studies in Slavic and General Linguistics 45). Leiden – Boston: Brill, 2020.
- Piperski 2018 – Piperski A. The grammatical profiles of Russian biaspectual verbs. In *Quantitative Approaches to the Russian Language*, edited by Mikhail Kopotев, Olga Lyaševskaya, Arto Mustajoki, Chapter 6, London – New York: Routledge. 2018.

Новак Мария Олеговна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
mariaonovak@gmail.com

Иноязычные вкрапления в польском переводе «Церковных анналов» Барония и их передача в церковнославянских версиях XVII в.: грамматический аспект*

В сообщении обсуждаются иноязычные вкрапления в польском переводе хроники «Церковные анналы» («*Annales Ecclesiastici*») Цезаря Барония XVII в. и их грамматическая рецепция в двух церковнославянских переводах, содержащихся в рукописи 1689 г. (РГБ, ф. 256, Рум. № 15) и в издании 1719 г. В переложении на польский язык, выполненном Петром Скаргой, иноязычные вкрапления не освоены грамматически, часто выделены графически, иногда сопровождаются пояснениями и представляют разнообразные реалии: топонимы, религиозные практики, наименования течений в христианстве, литературные формы и т. д.

Техники перевода таких единиц разнятся в церковнославянских версиях и могут включать: а) перевод вкрапления в обоих источниках (*Aureum numerum* – золотое число); б) перевод в *Рум15* и сохранение латинского написания в издании 1719 г. (*Decretales* – завѣтна – *Decretales*); в) грамматическую адаптацию в обеих версиях (*vulgatas* и *zowiac* – вулгаты их именующе – вулгатами ихъ нарицающе); г) грамматическую адаптацию в *Рум15* и кириллическую транслитерацию в версии 1719 г. (*Vestales zwali* – весталами именоваху – весталесь нарицаху); д) транслитерацию вкрапления в обеих версиях (*Vestales* – весталесь) и т. д.

Грамматическая адаптация, которую предполагается детально рассмотреть в докладе, влечет за собой варьирование родовых характеристик, пересмотр синтаксических связей, использование различных падежных форм.

Птенцова Анна Владимировна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь
(Шэньчжэнь, КНР)
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)

Из истории служебного слова *ань***

В докладе обсуждается история служебного слова *ань* (*ано*), возникшего путем слияния *а* и *нь* (см. [Фасмер 1964: 77]), где *нь* выступало в качестве частицы-энклитики в составе проклитико-энклитического комплекса и было семантически близко союзу *нь*: «По

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря».

** Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации»

значению союз *нъ* и частица *нъ*, хотя и не в точности одинаковы, но достаточно близки: в обоих имеется отчетливый элемент противительности», причем «как обычно и бывает при несвободном употреблении, первоначальное собственное значение частицы в этих случаях уже в значительной степени затемнено» [Зализняк 2008: 264–265].

Интересно, однако, что это первоначальное значение второго элемента, по-видимому, отразилось на употреблении *анъ* (*ано*) в значительно более поздних текстах. Доклад содержит наблюдения над материалом Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) в объеме древнерусского, старорусского и основного подкорпусов (последний – в объеме XVIII–XIX вв.); хотя наиболее ранние примеры принадлежат памятникам древнерусской эпохи, бóльшая часть контекстов НКРЯ, важных для отслеживания истории данного слова, относится к старорусскому периоду и особенно к периоду XVIII–XIX вв.

В текстах древнерусского периода у *анъ* (*ано*) фиксируются унаследованные от элемента *нъ* противительное и противительно-сопоставительное значения; ср. *андрѣевичъ же перемета мостъ на горинъ и не пусти его* [Владимира Мстиславича – АП] *к собѣ анъ оуворотася та на радимичъ къ андрѣви суждалю* ‘[Владимир] Андреевич разрушил мост на реке Горыни и не пустил его к себе, [и тот не перешел реку], но, повернув, [пошел] через землю радимичей к Андрею [Боголюбскому – АП] в Суздаль’ (Киевская летопись, под 1168 г.); *и приде вестъ въ новъгородъ баше же новъгородъцевъ мало ано тамо измано вачышїе му(ж) а мьньшее они разидошася а иноу помърло голодомъ* ‘И пришла вестъ в Новгород [о действиях князя Ярослава в Торжке – АП]. Новгородцев же было мало – «вячшие» были схвачены [Ярославом], а «меньшие» разошлись, а иные умерли от голода’ (Новгородская I летопись по Синодальному списку, под 1215 г.) – здесь, по-видимому, сопоставляется положение дел в охваченном голодом Новгороде и в Торжке, где Ярослав задержал зерно и схватил новгородских посланцев.

Данный тип употреблений сохраняется и в старорусский период – обычно с дополнительным компонентом ‘нарушение ожиданий’, что сближает его с современным союзом *ан* [Левонтина 2022: 306–314]; ср.: *Да хватилсѣ хлебнуть испити, ано и капельки не осталось, все отнесено на погребъ* (Иван Грозный. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь, 1573).

Однако в текстах XV–XVI вв. встречаются и иные употребления *анъ* / *ано*: это слово оказывается способным вводить указание на причину; ср.: *А кои иноземцы жили во Пскове, и тѣ разидошася во своя земля, ано не мочно во Пскове жити, только одны псковичи остаиша: ано земля не раступитца, а вверхъ не взлетѣть* ‘Иноземцы разошлись по своим землям, потому что в Пскове невозможно стало жить; остались только псковичи, потому что (для них) земля не расступится и вверх не взлететь’ (Повесть о Псковском взятии, первая четверть XVI в.)

В текстах НКРЯ за XVII в. значения причины для *анъ* / *ано* выделить не удастся, однако в этот период появляется отчетливо выраженное указательное значение; ср.: *Осипъ Саловъ со стрел[ь]цами повез меня к Николѣ на Угрѣшу в м[о]н[а]ст[ы]рь. Посмотрю — ано предо мною и дьякона тащатъ* ‘Смотрю – а тут вот предо мной и дьякона тащат’ (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1672–1675).

В ряде случаев данное слово используется у Аввакума для указания на следствие, ср. *Помоля я б[о]га, взявъ двѣ стѣти, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мнѣ б[о]гъ даль шесть язей да двѣ щуки* ‘Помолился Богу – и вот дал мне Бог шесть язей и две щуки’ (Житие протопопа Аввакума, 1672–1675).

Отметим для последнего случая отсутствие у *ано* компонента противительности – хотя в целом указание на противительность (совмещенное с указанием на нарушенные ожидания) остается важной функцией этого слова в памятниках XVII века; ср.: *Ехал тут мим[о] кн(я)зь Семенов крестьянин Андреявича д(е)р(е)вни Пошунковаи Мос(ь)ка Остахов з братом и украл[и] два зипуна да три косы, и хватилися [зи]понов да кос, ан и не бывала* (Грамотка приказчика М. Антипова из белевской вотчины, 1660 г.).

В XVIII–XIX вв. *ань* по-прежнему используется в противительной и в указательной функциях, а также для введения клауз со значением следствия; кроме того, в текстах этого периода встречаются такие, где *ань* передает идею внезапности; ср.: *стал вынимать пробку, ан как меня щелкнет в лоб, так я насилу усидел* (А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой, 1750).

Кажется правильным связать описанное разнообразие функций *ань* / *ано* с первоначальным значением его второго элемента – точнее, с двумя его значениями, поскольку, помимо выражения противительности, служебное слово *нь* было способно употребляться в усилительной функции, для привлечения внимания к вводимой ситуации (ср. описание *нь* в [СРЯ XI–XVII, 11: 32]: «Выражает призыв к вниманию, оформляет переход к новой мысли»; ср. также начало ктиторской надписи в новгородской церкви Спаса на Нередице: *нь о блюбивы княже вторый всеволодь*). Отсюда, вероятно, возникает в конечном счете способность выражать указательное значение («именно вот что имеет место»), значение причины («и потому вот что имеет место») и значение следствия («и теперь вот что имеет место»).

Источники и словари

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL:<https://ruscorpora.ru> (дата обращения 15.03.2024)

СРЯ XI–XVII 11 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М., 1986.

Фасмер 1964 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.

Литература

Зализняк 2008 – Зализняк А. А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. М., 2008.

Левонтина 2022 – Левонтина И. Б. Частицы речи. М., 2022.

Томеллери Витторио

Università di Torino

(Турин, Италия)

vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

Молитва Захарии в двух новгородских переводах конца XV–первой половины XVI века. Некоторые размышления о многократных и повторных переводах

В докладе рассматривается феномен «двукратного» перевода на примере двух славянских переводов с латыни молитвы Захария. При анализе особенностей этих двух текстов, возникших в Новгороде независимо друг от друга на расстоянии некоторых десятилетий, выявилось любопытное обстоятельство: если некоторые отличия и разночтения, без всякого сомнения, зависят от различного жанра и функции двух переводных сочинений, не менее интересным представляется то обстоятельство, что церковнославянский текст молитвы Захарии уже существовал в переводе с греческого языка, что неоднократно отражается в новых версиях. Для правильного понимания последних необходимо постоянно учитывать конкретную возможность сильной лексической и грамматической интерференции со стороны традиционного текста. Следовательно, говорить о переводе в прямом смысле слова в данном случае можно лишь условно, обозначая подобный ход работы как «повторный перевод». Об этом свидетельствуют конкретные примеры перекрещения двух традиций, греческой и латинской, на славянской почве, которые будут приводиться и обсуждаться.

К вопросу о формировании современной системы употребления вокализованных вариантов предлогов *со* и *во*

В современном русском языке можно выделить следующие условия для вокализации предлогов *во* и *со* (далее по [Кукушкина 2016; Иткин 2007]):

1) Начальное сочетание типа *Rt*, где *R* — сонорная фонема или <в>. Примеры: *во мне, со всем, во многом, со вторника*.

2) Неслоговой корень. Такая позиция представлена в СРЛЯ достаточно ограниченной группой слов (и в редких случаях производными от них): *лев, лен, лоб, ложь, мох, ров, рожь, рот* — *со лба, во ржи, во Львове*.

С исторической точки зрения появление огласованного варианта в таких позициях объясняется прояснением сильного редуцированного в предлоге.

3) Для *в* — начальное сочетание *Vt*, где *V* — <в>, <ф>: *во Франции, во вред*.

4) Для *с* — начальное сочетание *St*, где *S* — <с>, <з> и <ш>, <ж>: *со словами, со шваброй*.

Появление огласованных вариантов перед основой, начинающейся со звука, артикуляционно однородного согласному предлога, — результат преодоления сложного полифонемного сочетания, желания избежать «поглощения» предлога основой.

5) Ряд фразеологизированных сочетаний типа *во дворе, во тьме, во мраке, во главе, со временем, со дня на день*¹².

Последняя группа достаточно разнородна. В некоторых случаях (*во тьме, со дня на день*) появление огласованного варианта можно объяснить прояснением сильного редуцированного в предлоге, другие (*во мраке, со временем*) часто трактуют как заимствования из церковнославянского языка.

Рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся выделенных позиций, на материале деловых текстов XIV – XVIII вв.

1. Сохранение и исчезновение вариантов с прояснившимся сильным редуцированным (исторический комментарий к позициям 1) и 2) вышеперечисленных условий для вокализации предлогов *во* и *со*).

Сохранение таких вариантов зависело, судя по всему, от следующих условий:

1) Нарушение принципа восходящей звучности внутри самого слова (без учёта предлога).

Начальные сочетания типа *лб-*, *лв-*, *вс-*, *мн-* нарушают принцип восходящей звучности сами по себе. В начальных сочетаниях, которые не нарушают принципа восходящей звучности, утрата вокализации наблюдается уже в памятниках XV века и позднее. Это характерно, например, для сочетания *кн-* (*кън-*): *с княжьостровци* [ГВНП: 149]; *с княжьостровци* [ГВНП: 220]; *sa кем в кни|га^x написано* [ПЮН(XVI–XVII): 70]; *кнга^x* [ПЮН(XVI–XVII): 96].

2) Устойчивость употребления. Это условие необходимо выделить, поскольку время утраты вокализованных вариантов перед разными словами с одинаковыми основами не одинаково. Так, перед корнем *къниг-* случаи использования вокализованных вариантов найти не удалось в принципе. Перед словом *княжьостровци* невокализованные варианты регулярно используются уже в XV в. Однако это слово является достаточно

¹ С формальной точки зрения слова *день, тьма* нужно отнести ко второй группе. Однако в действительности в СРЯ употребление вокализованных вариантов перед этими словами ограничено устойчивыми сочетаниями – ср. *в дни зарплаты, с днём рождения, борьба света с тьмою*.

редким в употреблении. В то же время перед корнем *кѣназ-* колебания в употреблении наблюдаются преимущественно в XVII в.: *со кнзгнею О^едотьею*, но *с кнзь Алеѣзьемь* [МДиБП: 29]. Единичные случаи встречаются, правда, уже с XIV в.: *с кназе^м с Василіе^м с Михаилови^и* [ДДГ: 43], *с кн(а)земь Дмитріе^м Мениш^и* [ДДГ: 78]. Но и огласованный вариант возможен в XVIII в. — *со кнзною* [ПМДП XVIII: 48].

2. Появление огласованных вариантов перед сочетаниями согласных, начинающихся со звука, артикуляционно однородного согласному предлога (исторический комментарий к позициям 3) и 4) вышеперечисленных условий для вокализации предлогов *во* и *со*). В то время как причины возникновения огласованного варианта в этой позиции достаточно очевидны и много раз описывались, открытым остается вопрос о времени становления явления. Р. И. Аванесов в работе «Проблемы морфологии и фонологии простых предлогов в русском языке» [Аванесов 1979] указывает, что даже в XIX веке использование огласованных вариантов в этой позиции носит нерегулярный характер, и приводит в подтверждение своей позиции ряд примеров из русской литературы, например: «...атеисты принялись с своей стороны аплодировать...» — Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы» [Там же: 407]. Стоит отметить, правда, что значительная часть примеров взята из поэтических текстов, где использование огласованных вариантов может подчиняться требованиям размера.

Исторический материал показывает, что использование огласованных вариантов предлога *съ* в этой позиции возможно уже в XV в., хотя примеры единичны: *со стороны* [ГВНП: 249]; *съ соборомъ и со стадомъ* [ДГ: 146] (эффекта *ъ* → *о* в текстах нет). Намного больше случаев есть в летописях этого периода, например в Киевской летописи по Ипатьевскому списку: *со своєю* [КЛ, л. 227об.]; *со сватомъ своимъ с Рюрикомъ* [КЛ, л. 229]; *со стороны приѣха* [КЛ, л. 232об.] и другие. Вместе с тем, в деловых текстах вплоть до XVII в. наблюдается утрата *съ* перед сочетанием «однородный + согласный», например: *не въезжают к ним [с] своими конми* [АСЭИ, 1: 183]; *список [с] срочные* [АСЭИ, 1: 239]; *крѣниш^и Евѣсъка Свиринъ / [с] своими де^мми* [ПЮН(ЧиР): 26]; *и тот Марти^и | умысля [с] свои^и племенико^и и [с?] своими кресяны* [ПЮН(ЧиР): 30]. Только в приведённых памятниках таких примеров больше 50-ти. В XVII – XVIII вв. огласованные варианты распространяются шире: *со стрелою* [ПЮН(ОК): 264]; *со службы* [ПРНРЯ: 64]; *со слезами* [МДиБП: 286], *с водою и со швабрами* [ПМДП XVIII: 137]. Показательны и примеры типа *со ³борного воскресен^я* [Грамотки: 90]; *со ³доро^ем* [Грамотки: 131]; *со скасками* [Грамотки: 163]; *со ста* [Грамотки: 180] и другие подобные, где использование огласованного варианта, появившегося в результате прояснения сильного редуцированного, видимо, поддерживалось новыми правилами.

Что касается предлога *в*, то с ним ситуация обстоит сложнее. С одной стороны, в некоторых диалектах реализации <в> перед согласными могут обладать значимой вокалической частью, что делает использование огласованного варианта избыточным. С другой, что более важно, начальные сочетания типа «*в/ф* + согласный» крайне ограниченно представлены в древнерусском языке: большинство сочетаний, которые в современном языке имеют вид, например, *вТ*, имели между *в* и следующим согласным редуцированный: *вът-*, *въз-*, *въп-* и др. Исключениями можно считать только сочетания типа *вл-*, *вр-*, *фл-*, *фр-* в словах, подавляющее число которых (если не все) — заимствования из церковнославянского: *во время*, *во вражеский*. Использование огласованного варианта перед ними объясняется влиянием книжного языка. Примеры такого рода находим с XV в.: *во владычне* [АСЭИ, 1: 346]; *во владычне* [АСЭИ, 1: 348]; *во владенья* [АСЭИ, 1: 376]; *во влад(ы)чне мѣсто (х2)* [АСЭИ, 3: 32] и вплоть до XVII в.: *во Владыч^еско^и волости* [МДиБП: 95]. С появлением в XVIII в. новых заимствованных слов на них распространяется общая тенденция: *во флотъ* [ПМДП XVIII: 73].

Нельзя не отметить, правда, что однородность согласного предлога и первого согласного основы способствовала во всех этих случаях сохранению гласного. Рассмотрим примеры типа *со Владыкина ве^рха* [ПЮН(ОК): 93]; *во ^благоде^истви^и* [Грамотки: 142]. Они

показывают, что огласованные варианты предлогов были возможны перед начальным сочетанием TR вне зависимости от однородности согласных, однако в СРЛЯ такие примеры не сохранились.

Источники

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.
Грамотки — Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969.
ДГ — Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.
КЛ — Полное собрание русских летописей. Том II. Изд. 2-е. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
МДиБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.
ПМДП XVIII — Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981.
ПЮН(XVI–XVII) — Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII вв. М., 1990.
ПЮН(ОК) — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.
ПЮН(ЧиР) — Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993.

Литература

- Аванесов 1979 — Аванесов Р.И. Проблемы морфонологии и фонологии простых предлогов Аванесов 1979 в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 38. №5. с. 403-413. М., 1989.
Иткин 2007 — Иткин И. Б. Русская морфонология. М., 2007.
Кукушкина 2016 — Кукушкина О. В. Морфонология современного русского литературного языка: Учебник. М., 2016.

Шевелёва Мария Наумовна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

К проблеме диалектных различий в сфере выражения посессивности и дательном принадлежности в истории русского языка

Посессивные конструкции с глаголом *имѣти* были для древнерусских текстов принадлежностью преимущественно книжной традиции, причем в ранних летописях преобладают употребления в составе перифраз с абстрактными именами (*любовь имѣти*, *гнѣвь имѣти* и под.) в древнейшем, как можно полагать, для *имѣти* значения соответствующего состояния субъекта или в формулах указания родственных / социальных отношений (*имѣти братьмь/ акы братъ собѣ* и под.). В берестяных грамотах примеры единичны (всего 5), большинство из них представляют аналогичные обороты, а не значение 'обладать'. Древнерусский принадлежал к типу *быть-языков*, глагол *имѣти* преимущественно сохранял архаичное употребление в составе перифраз с именами. При этом в новгородской летописной традиции *имѣти* встречается значительно реже, чем в летописях южной и северо-восточной Руси: в НПЛст

всего 4 примера, среди которых ни одного в собственно посессивном значении 'habere', два восходят к неновгородским источникам. Отсутствует *имѣти* и в пергаменных грамотах Великого Новгорода и Пскова, в то время как в деловых грамотах северовосточной Руси XIV-XVI вв. *имѣти* употребляется, но исключительно в составе формул указания на родственные (социальные) отношения [Калинина 2023]. Свидетельствует ли это различие в употребительности *имѣти* между новгородскими и неновгородскими источниками о реальных диалектных различиях др.-рус. эпохи, т.е. о большей архаичности древненовгородского диалекта в отношении глагольных посессивных конструкций или только о различии местных письменных традиций – неясно, однако первое вполне вероятно.

Основной глагольной конструкцией обладания во всех вост.-слав. диалектах с древнейших времен была *быти*-конструкция с «оу + Р.п.» в значении посессора – различий в данном отношении не прослеживается.

Интерес представляет вопрос о посессивном Д.п. как в составе глагольных *быти*-конструкций, так и в приименном употреблении. Дательный посессивный хорошо известен в старославянском и современных ю.-слав. языках, случаи его употребления в русском литературном языке вплоть до XIX обычно связывают с книжной традицией [Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989 и др.] – в диалектах фиксировались лишь редкие примеры [Там же: 153; Кузьмина 1993: 43-45]. Однако в древнерусских некнижных памятниках есть примеры посессивного Д.п., причем как в новгородских берестяных грамотах, так и в прямой речи персонажей южнорусской Киевской летописи, известной широким отражением черт некнижного синтаксиса. Чаще всего в Д.п. посессивном выступают энклитические местоимения 1-2 л. (ср. соответствующее регулярное употребление в совр. болг. и др. ю.-слав. языках), ср. приименной Д.п. принадлежности: *оу котораго ти сыноу вѣр[ъ]шь повели оти ѿѣдада дать Марене* 'Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно (букв.: у которого твоего сына зерно), прикажи, чтобы отдали дань Марене' № 798 XII в.; *что ми кобыл[ъ]ке и .в. рубля вѣдатиса...* 'Что касается моих кобылок и двух рублей, то производить расчет...' № 42 XIV в. [Зализняк 2004: 321; 619] – в предикативной посессивной конструкции: *ци ти многи повои а присли и до .е.ти повои* 'Если у тебя повоев много, то пришли их до пяти штук' № 717 XII в.; *зане ми здѣсь дѣль много* 'потому что у меня здесь дел много' № 43 кон.XIV в. [Там же: 396; 651]. В Киевской летописи частотно приименное употребление при терминах родства: *брата ти Романа бѣ поѡль* 217а; *стрыи ти оумерль* 186г; *а самъ пакы хотѣль ти сѣна* ѡти 183г; в приглагольных конструкциях посессивное значение часто осложнено значением предназначенности: *с кимъ ти шбида есть* 140б (ср. *къ твоѡ шбида* 148г); *есть ми к тобѣ орудие* 183б; *бѣ же ему болѣзнь крѣпка* 199в.

Д.п. посессивный является общедревнерусским архаизмом, восходящим к праславянской эпохе. Отмечаемые в современных говорах (преимущественно северных) примеры подобного употребления (*мне там доцька есь; ему горячка была; отцу сестра была там замужем* [Кузьмина 1993: 44-45]) представляют собой реликты древнего Д.п. посессивного, большей частью русских диалектов утраченного.

Литература

Зализняк 2004 – Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е изд. М., 2004.

Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989 и др. – Иванов Вяч.Вс. (ред.). Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.

Калинина 2023 – Калинина А. А. Предикативные посессивные конструкции в языке древнерусских и старорусских летописных и деловых памятников XII-XVI вв. Магистерская диссертация. МГУ, 2023.

Кузьмина 1993 – Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.